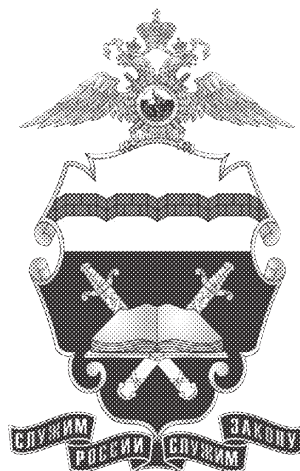

Научно-практический журнал
Научный вестник
Омской академии МВД России
Том 31

№ 4(99) октябрь – декабрь 2025 г.

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук):
юридические науки, философские науки*

**Scientific bulletin of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
Volume 31**

No. 4(99) october – december 2025

Has been published quarterly since June 1995

*The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication
of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences:
juridical sciences, philosophical sciences*

Редакционный совет:

Б. Б. Булатов, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)

С. К. Буряков, кандидат политических наук (Омск, Россия)

В. В. Векленко, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)

В. В. Николюк, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)

А. Е. Чечётин, доктор юридических наук, профессор
(Барнаул, Россия)

Редакционная коллегия:

В. А. Азаров, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)

О. В. Арефьева — *ответственный секретарь* (Омск, Россия)

А. А. Аубакирова, доктор юридических наук,
профессор (Алматы, Республика Казахстан)

В. В. Бабурин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)

М. В. Бавсун, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)

О. И. Бекетов, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)

В. А. Болдырев, доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)

М. А. Бучакова, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)

К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук,
профессор (Краснодар, Россия)

Ю. В. Герасименко, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)

В. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)

С. Н. Гордеев, доктор юридических наук, профессор
(Ташкент, Республика Узбекистан)

Т. Е. Грязнова, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)

В. А. Гусев, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)

А. С. Дежнёв, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)

Л. В. Денисова, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)

А. М. Джоробекова, доктор юридических наук, профессор
(Бишкек, Киргизская Республика)

М. С. Десятов, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)

О. А. Дизер, доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

М. А. Кожевина, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)

В. И. Красиков, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)

В. И. Кудашов, доктор философских наук, профессор
(Красноярск, Россия)

В. Ф. Луговик, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)

Я. М. Мазунин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)

Н. И. Мартишина, доктор философских наук, профессор
(Новосибирск, Россия)

Т. С. Масловская, кандидат юридических наук, доцент
(Минск, Республика Беларусь)

М. А. Михайлов, кандидат юридических наук, доцент
(Севастополь, Россия)

А. А. Нечепуренко, доктор юридических наук, профессор —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)

Д. В. Попов, доктор философских наук, доцент
(Омск, Россия)

Ю. Е. Пудовочкин, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)

Л. А. Пупышева, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)

Д. С. Рудьман, кандидат юридических наук, доцент —
главный редактор (Омск, Россия)

Г. Ч. Синченко, доктор философских наук, профессор
(Омск, Россия)

А. А. Турышев, кандидат юридических наук, доцент —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)

А. А. Хамдамов, доктор юридических наук, профессор
(Ташкент, Республика Узбекистан)

В. В. Хилота, доктор юридических наук, доцент
(Гродно, Республика Беларусь)

В. В. Чешев, доктор философских наук, профессор
(Томск, Россия)

Ф. Р. Шарифзода, доктор юридических наук, доцент
(Москва, Россия)

Учредитель — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская академия Почета академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор *Д. С. Рудьман*

Редактирование *Е. А. Жукова*

Корректурa *Л. И. Замулло*

Компьютерная правка и верстка *П. В. Ярославцева*

Перевод *Ю. И. Алферова*

Авторы эмблем *Е. В. Сырвачева, А. Н. Разумова, А. Е. Макогонова, О. В. Куц*

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии):

Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.

Бесплатно.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись ПИ № ФС77-74598 от 14 декабря 2018 г.

Выход в свет: 24.12.2025. Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 12,0. Усл. печ. л. 13,4. Заказ № 318.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Омская академия МВД России, 2025

The editorial council:

B. B. Bulatov, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)

S. K. Buryakov, Candidate of Political Science
(Omsk, Russia)

V. V. Veklenko, Doctor of Science (in Law), Professor
(St. Petersburg, Russia)

V. V. Nikolyuk, Doctor of Science (in Law), Professor (Moscow,
Russia)

A. Ye. Chechetin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Barnaul, Russia)

The editorial board:

V. A. Azarov, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)

O. V. Arefeva — *assistant editor* (Omsk, Russia)

A. A. Aubakirova, Doctor of Science (in Law), Professor
(Almaty, Kazakhstan)

V. V. Baburin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)

M. V. Bavsun, Doctor of Science (in Law), Professor
(St. Petersburg, Russia)

O. I. Beketov, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)

V. A. Boldyrev, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(St. Petersburg, Russia)

M. A. Buchakova, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)

K. V. Vishnevetsky, Doctor of Science (in Law), Professor
(Krasnodar, Russia)

Yu. V. Gerasimenko, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)

V. V. Golovko, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)

S. N. Gordeev, Doctor of Science (in Law), Professor (Tashkent,
the Republic of Uzbekistan)

T. Ye. Gryaznova, Doctor of Science (in Law), Associate-Profe-
sor (Omsk, Russia)

V. A. Gusev, Doctor of Science (in Law), Professor (Omsk, Russia)

A. S. Dezhnyov, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)

L. V. Denisova, Doctor of Science (in Philosophy) , Professor
(Moscow, Russia)

A. M. Dzhorobekova, Doctor of Science (in Law), Professor
(Bishkek, Kyrgyz Republic)

Desyatov M. S., Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Omsk, Russia)

O. A. Diser, Doctor of Science (in Law), Professor
(Belgorod, Russia)

M. A. Kozhevina, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)

V. I. Krasikov, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Moscow, Russia)

V. I. Kudashov, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Krasnoyarsk, Russia)

V. F. Lugovik, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)

Ya. M. Mazunin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Omsk, Russia)

N. I. Martishina, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Novosibirsk, Russia)

T. S. Maslovskaya, Candidate of Science (in Law), Associate-
Professor (Minsk, Belarus)

M. A. Mikhaylov, Candidate of Science (in Law), Associate-Pro-
fessor (Sevastopol, Russia)

A. A. Nechepurenko, Doctor of Science (in Law), Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)

D. V. Popov, Doctor of Science (in Philosophy), Associate-Profe-
sor (Omsk, Russia)

Yu. Ye. Pudovochkin, Doctor of Science (in Law), Professor
(Moscow, Russia)

L. A. Pupysheva, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Omsk, Russia)

D. S. Rudman, Candidate of Science (in Law), Associate-Profe-
sor — *editor-in-chief* (Omsk, Russia)

G. Ch. Sinchenko, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Omsk, Russia)

A. A. Turyshev, Candidate of Science (in Law), Associate-Profe-
sor — *deputy chief editor* (Omsk, Russia)

A. A. Khamdamov, Doctor of Science (in Law), Professor
(Tashkent, the Republic of Uzbekistan)

V. V. Khilyuta, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Grodno, Belarus)

V. V. Cheshev, Doctor of Science (in Philosophy), Professor
(Tomsk, Russia)

F. R. Sharifzoda, Doctor of Science (in Law), Associate-Professor
(Moscow, Russia)

Founder — Federal State Public Institution of Higher Education

«Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»

Editor-in-chief *D. S. Rudman*

Editing *E. A. Zhukova*

Proofreading *L. I. Zamullo*

Desktop publishing *P. V. Yaroslavtseva*

Translation *Yu. I. Alferova*

Authors of the Emblems *E. V. Syrvacheva, A.N. Razumova, A. E. Makagonova, O. V. Kuts*

Address of the publisher, editorial office and department of graphic arts printing and small offset printing (printing house):

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Free of charge.

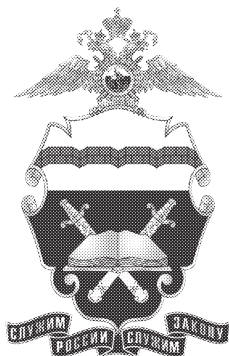
Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Registration entry PI No. FS77-74598 dated December 14, 2018.

Issued: 24.12.2025. Circulation 100 items. Published sheets 12,0. Printed sheets 13,4. Order No. 318.

When reprinted reference to the Journal is mandatory.

© Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2025

№ 4(99) НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Омской академии МВД России

научно-практический журнал

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

В НОМЕРЕ:

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	•	LEGAL SCIENCES
Противодействие правонарушающему поведению	•	Counteracting Delinquent Behaviour
Квасников Е. С. Квалификация преступлений при наличии фактических ошибок в объекте	345	Kvasnikov E. S. Qualification of Crimes with Factual Errors in the Object
Нечепуренко А. А. Погашение общественной опасности преступления и лица, его совершившего	353	Nechepurenko A. A. Cancellation of Public Danger of a Crime and of the Person who has Committed it
Садовыч К. В. Уголовно-правовой анализ признаков субъективной стороны состава преступления, предусматривающего ответственность за незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной, спиртосодержащей и табачной продукции	359	Sadovykh K. V. Criminal Law Analysis of the Characteristics of the Subjective Side of the Crime, including Responsibility for the Illegal Production and (or) Trafficking of Ethyl Alcohol, Alcohol, Alcohol-Containing and Tobacco Products
Тимко С. А. Новеллы правовой регламентации профилактики правонарушений органами внутренних дел	364	Timko S. A. New Legal Regulation of Prevention of Offences by Internal Affairs' Bodies
Тимошина Е. М. Классификация криминальных угроз для несовершеннолетних в цифровом пространстве	374	Timoshina E. M. Classification of Criminal Threats to Juveniles in the Digital Space
Право и государство	•	Law and State
Астраханцев Д. В. Разрешение вопросов местного значения населением федеральной территории «Сириус» в условиях реформирования системы местного самоуправления	380	Astrakhansev D. V. Resolution of Issues of Local Importance by the Population of the Federal Territory „Sirius“ under Conditions of Reforming the System of Local Self-Government
Буряков Е. В. Соотношение морали, этики и права в розыскной и идентификационной деятельности	385	Buryakov E. V. Relationship between Morality, Ethics and Law in Detection and Identification
Жилыев А. В. Сколько муниципальных образований должно остаться в Российской Федерации?	390	Zhilyaev A. V. How Many Municipalities should Remain in the Russian Federation?
Клименко А. И., Ситников К. А. «Основы российской государственности» для правоохранителей	397	Klimenko A. I., Sitnikov K. A. „Fundamentals of Russian Statehood“ for Law Enforcers
Козловский П. В. Дистанционное участие в уголовном судопроизводстве: влияние на непосредственность судебного разбирательства	404	Kozlovsky P. V. Distant Participation in Criminal Proceedings: Impact on the Immediacy of a Trial
Корабельникова Ю. Л. Правовой режим чрезвычайных обстоятельств как важное условие деятельности полиции по обеспечению безопасности в городе	410	Korabelnikova Y. L. Legal Regime of Emergency as an Important Condition for the Police to Provide Security in the City
Куфлева В. Н. Права лица, совершившего преступление, в рамках уголовно-правовых отношений	414	Kufleva V. N. Rights of a Person Who has Committed a Crime within Criminal Law Relationships
Степина К. В. Ценности российского общества как определяющий фактор взаимодействия Российской Федерации с межгосударственными объединениями	420	Stepina K. V. Values of the Russian Society as a Determining Factor of Interaction of the Russian Federation with Intergovernmental Associations.
Тумасян А. С. Реализация правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации о судебном контроле за возобновлением прекращенного уголовного дела	426	Tumasyan A. S. Implementation of the Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on Judicial Control over the Resumption of a Terminated Criminal Case
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	•	PHILOSOPHICAL SCIENCES
Философский и методологический инструментарий	•	Philosophical and Methodological Toolkit
Килимник Е. В. Философия и политика формирования национализма в предвоенной Латвии	433	Kilimnik E. V. Philosophy and Policy of the Formation of Nationalism in Pre-War Latvia
Мартышина Н. И. Как важно быть логичным: размышления над книгой Г. Ч. Синченко «Логика диссертации»	441	Martishina N. I. The Importance of Being Logical: Reflection on the book „Logics of Thesis“ by G. Ch. Sinchenko
Таранова А. Е., Сорокопуд М. С. Культурные вызовы цифровой модернизации: власть как фактор формирования цифровой культуры	447	Taranova A. E., Sorokopud M. S. Cultural Challenges of Digital Modernization: Power as a Factor in the Formation of Digital Culture
Информация для авторов	454	Information for Authors

УДК 343.2/.7

doi: 10.24412/1999-625X-2025-499-345-352

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Квалификация преступлений при наличии фактических ошибок в объекте

Евгений Сергеевич Квасников

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права¹,

✉ evgen1219@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Заблуждение лица относительно обстоятельств, которые имеют значение для квалификации его действий как преступления (фактическая ошибка), в судебно-следственной практике является довольно распространенным явлением. Особое значение для квалификации имеет ошибка в объекте преступления, который нередко выступает в качестве конститутивного признака состава преступления. Несмотря на выработанные доктриной уголовного права правила квалификации при фактических ошибках, в связи с многогранностью и вариативностью жизненных обстоятельств правоприменителю порой сложно осуществить правильную квалификацию. Это подтверждается случаями отмены или изменения приговоров судов нижестоящих инстанций судами вышестоящих инстанций, исключения судами из квалификации вмененных составов. Квалификация преступлений при наличии фактических ошибок в объекте зависит от направленности умысла, от его вида (конкретизированный или неопределенный); от ценности объектов, пострадавших от посяательства.

Ключевые слова: фактическая ошибка, объект, преступление, умысел, направленность, последствия, квалификация

Для цитирования: Квасников Е. С. Квалификация преступлений при наличии фактических ошибок в объекте // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 4(99). С. 345–352.

Qualification of Crimes with Factual Errors in the Object

Evgeny S. Kvasnikov

Candidate of Science (in Law), senior Lecturer at the chair of Criminal Law¹,

✉ evgen1219@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

A person's misunderstanding of the circumstances that are relevant to the qualification of his actions as an offence (factual error) in judicial and investigative practice is quite common. An error in the object of the crime, which often appears as a constitutive feature of the corpus delicti, is of particular importance for qualification. Despite the rules of qualification developed by the doctrine of criminal law in case of factual errors, due to the multiplicity and variability of life circumstances it is sometimes difficult for the law enforcer to make a correct qualification. This is confirmed by the cases of annulment or modification of the sentences of lower courts by higher courts, exclusion from the qualification of the alleged corpus delicti by the courts. The qualification of crimes with factual errors in the object depends on the direction of intent, its type (concrete or vague); the value of objects affected by the attack.

Keywords: factual error, object, crime, intention, direction, consequences, qualification

Citation: Kvasnikov E. S. Qualification of Crimes with Factual Errors in the Object. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 4(99). Pp. 345–352 (In Russ.).

Фактическая ошибка или *error facti* представляет собой не соответствующее действительности представление субъекта о фактических обстоятельствах собственного поведения при совершении преступного деяния: ошибки в объекте, в развитии причинно-следственной связи, в средстве, в характере деяния, в последствиях, в квалифицирующих обстоятельствах. Такие ошибки влияют на форму вины (умысла или неосторожности) и, соответственно, на квалификацию преступления.

Ошибка в объекте преступления имеет большое значение для квалификации, поскольку объект чаще всего выступает в качестве конститутивного признака состава [1, с. 126].

Согласно общему правилу при фактических ошибках «квалификация осуществляется по направленности умысла как покушение на желаемый, но не достигнутый результат» [2, с. 34]. В доктрине выделяются три группы ошибок в объекте: собственно в объекте преступления, предмете посягательства и потерпевшем [3, с. 156–157]. В юридической литературе отмечается, что при ошибке собственно в объекте деяние квалифицируется как покушение на преступление, исходя из направленности умысла. При посягательстве на два и более объекта, если умысел был направлен только на один из них, деяние квалифицируется как оконченное умышленное преступление. При умысле на причинение вреда нескольким объектам, но фактическом причинении вреда одному из них деяние квалифицируется как оконченное преступление и, соответственно, покушение на преступление [4, с. 253]. Правила квалификации при ошибке в предмете преступления основаны на положениях ст. ст. 5, 25, 30 УК РФ — действия виновного квалифицируются как покушение при условии осознания субъектом наличия у предмета определенных признаков. Если субъект не осознавал качественные признаки предмета, вменение состава преступления, содержащего такие признаки, являлось бы объективным. Ошибка в юридически значимых признаках личности потерпевшего квалифицируется как покушение на преступление [5, с. 104].

При этом в квалификации необходим учет качественных и количественных характеристик основного, дополнительного и факультативного объектов преступления [6, с. 199–201], подмены объекта в сознании субъекта (изменение социальной и юридической оценки объекта в норме УК РФ) [7, с. 135–136]. Если вред причинен равноценным по уголовно-правовой охране и по качественным характеристи-

кам объектам, квалификация деяния осуществляется на общих основаниях, т. е. по фактически наступившим последствиям. При отличии подверженного посягательству объекта от того, на который был направлен умысел, квалификация осуществляется по направленности умысла.

Фактическая ошибка в объекте преступления (абerrация объекта) возникает, когда виновный посягает на объект, отличающийся от того, которому намеревался причинить вред. По сложившемуся в уголовно-правовой доктрине и правоприменительной практике правилу, содеянное должно квалифицироваться в зависимости от направленности умысла [8–10]. Несмотря на это, в правоприменительной практике, возможно по причине использования различных презумпций [11], порой случается объективное вменение¹.

Квалификация при ошибке в объекте основывается на учете направленности умысла, общественной опасности и наступивших последствий. Квалификация должна начинаться с оценки фактических обстоятельств — на какой объект был направлен умысел виновного; каков реальный объект, на который осуществлено посягательство; отличаются ли их правовая охрана и общественная ценность.

Необходимо определить значение объекта для квалификации. Объекты могут быть и равноценными по своей социальной значимости и уголовно-правовой охране, и неравноценными. Объект преступления — один из элементов его состава, те общественные отношения, которым причиняется вред. Объект уголовно-правовой охраны понимается в ценностном аспекте — это важнейшие блага и ценности, охраняемые уголовным законом, т. е. совокупность объектов преступлений.

Г. П. Новоселов и Л. Ю. Федосеева пишут: «Преступление причиняет вред не самим ценностям, поставленным под уголовно-правовую охрану, а тем, кому они принадлежат, кто является их владельцем, т. е. тем, кто страдает в результате незаконного обращения с этими ценностями» [12, с. 68]. Поэтому не будет ошибкой собственно в определении объекта, например, причинение вреда здоровью одному человеку вместо другого: «...П. принял предложение от Б. о совершении убийства С. за денежное вознаграждение. Убийство им было совершено, но по ошибке был убит не С., а его сын... закон равным образом защищает жизнь каждого человека и для оценки убийства как оконченного не имеет значения то обстоятельство, что лицо было лишено жизни по ошибке...»².

¹ См., напр.: URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/Vc26reclCGJB/> (дата обращения: 31.12.2024) ; URL: <https://www.mk.ru/social/2024/12/27/pobeda-zdravogo-smysla-femida-ne-nashla-razvrata-v-chtenii-pesy.html> (дата обращения: 31.12.2024).

² *Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2023 г. № 14-УД23-6-А1.* Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В данном случае объект остался неизменным — общественные отношения в сфере реализации права на жизнь, поэтому квалификация должна осуществляться по правилам ошибки в личности. Соответственно, такая ошибка не отразится на итоговой квалификации.

Ошибка в объекте имеет место, когда объект, на причинение вреда которому был направлен умысел, и объект, которому был фактически причинен вред, не равнозначны по уголовно-правовой охране относительно содержания (например, реализация права на здоровье и порядок управления) или размера наказания, связанного с лишением свободы. Так, Л. причинил легкий вред здоровью О., думая, что О., являясь супругой судьи, в производстве которого находилось уголовное дело товарища Л., сможет повлиять на вынесение судьей оправдательного приговора. Однако О. не являлась супругой судьи и не имела к нему никакого отношения³. Объекты умышленного причинения легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ) и насильственных действий в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ч. 3 ст. 296 УК РФ) по уголовно-правовой охране неравноценны и по содержанию, и по размеру наказания, связанного с лишением свободы. Из этого следует, что такая ошибка влияет на итоговую квалификацию — действия Л. должны быть квалифицированы в соответствии с направленностью умысла виновного. Его умысел был направлен на причинение вреда нормальному функционированию органов правосудия.

Фактическая ошибка в предмете преступления возникает, когда виновный ошибочно воспринимает свойства или характеристики предмета, на который направлены его действия. При квалификации имеют значение качественные признаки предмета преступления, поскольку они позволяют определить объект преступления и интенсивность посяательства на него. Признаки могут видоизменяться как в осознании виновного, так и независимо от него.

Например, виновный считает, что предмет должен обладать определенными свойствами (например, приобретает обычный порошок, полагая, что это героин). Содержание ошибки в юридических свойствах представлено в виде ошибки в принадлежности предмета — когда субъект ошибается относительно собственника или владельца (например, считает, что имущество принадлежит ему);

ошибки в правовом статусе предмета — когда виновный не осознает и не предвидит, что предмет находится под уголовно-правовой охраной (например, думает, что добывает животное, не зная о его охраняемом статусе). Ошибка в экономических свойствах предмета случается, например, когда субъект ошибается в стоимостном эквиваленте похищенного.

Квалифицируя преступление, необходимо соотносить реальные характеристики предмета (его свойства, принадлежность, статус, значимость и т. д.) с представлениями субъекта о предмете на момент совершения деяния. Предмет преступления может быть как обязательным признаком состава преступления (например, наркотическое средство, оружие, имеющий особую историческую ценность предмет), так и факультативным.

Проводя анализ субъективной стороны, важно установить, влияла ли ошибка на умысел. Ошибка в свойствах предмета не исключает осознание лицом общественно опасного характера деяния, следовательно, такое деяние квалифицируется на общих основаниях по направленности умысла: «...При ошибках в предмете преступления относительно его отсутствия или его наличия, когда происходит посягательство на «негодный» предмет или на предмет не в том объеме или размере, которые влияют на ...квалификацию... действия виновного квалифицируются, исходя из его намерений»⁴. При этом не стоит забывать о «сложных» качественных показателях некоторых предметов преступлений. Так, Верховный Суд Российской Федерации (далее — ВС РФ) отклонил доводы осужденного по исключению из обвинения ст. 226 УК РФ. Осужденный настаивал на том, что неисправность похищенного пистолета исключает ответственность по ст. 226 УК РФ ровно так же, как и отсутствие умысла на приведение оружия в исправное состояние. Суд указал, что ответственность наступает и за хищение комплектующих деталей оружия, а техническая возможность восстановления пистолета подтверждена экспертизой⁵.

Таким образом, деяние квалифицируется по его направленности умысла и в том случае, когда качественные характеристики предметов преступления разные. Если же умыслом не охватывалось воздействие на определенный предмет, то квалификация деяния как преступления считалась бы объективным вменением (например, в случае хищения кошелька, когда виновный не знает, что там

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 5. С. 6.

⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 августа 2023 г. № 77-УД23-7-А1.

⁵ Определение суда кассационной инстанции от 14 ноября 2024 г. № 88-УД24-7-К8.

находится паспорт, и после хищения, обнаружив паспорт, не обращает его в собственное владение, квалификация деяния осуществляется по направленности умысла — хищение имущества, но не паспорта⁶).

Разновидностью ошибки в объекте является фактическая ошибка в личности потерпевшего (*error in persona*), которая возникает, когда виновный ошибочно воспринимает личность лица, на которое направлено его деяние. Квалификация таких действий основывается на анализе субъективной стороны деяния и фактических последствий. Следует отметить, что когда виновный ошибается в конструктивных свойствах личности потерпевшего, такое заблуждение перерастает в ошибку в объекте, и при оценке содеянного необходимо применять правила квалификации при ошибке в объекте [13].

Так, при квалификации необходимо выяснить юридически значимые признаки потерпевшего (возраст, пол, беспомощное состояние, правовой статус и т. д.); на кого были направлены действия виновного (кем он считал потерпевшего); совпадают ли свойства или статус реального потерпевшего с тем, на кого был направлен умысел виновного. Например, вынося обвинительный приговор, суд отметил: «Из показаний подсудимого следует, что, нанося удары ножом И. Я. И., он ошибся в личности потерпевшего, приняв его за другого человека. Однако, ошибаясь в личности потерпевшего, причинил тяжкий вред здоровью И. Я. И. Следовательно, такая ошибка не оказывает влияния на форму вины и на квалификацию содеянного, поскольку конкретный потерпевший не является обязательным признаком данного вида преступления...»⁷.

Направленность умысла виновного не влияет на квалификацию, если последний хотел причинить вред конкретному лицу, не осознавая юридически значимых признаков потерпевшего, но ошибся. Так, несмотря на то что из действующей редакции п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ «Изнасилование несовершеннолетней» исключен признак заведомости осознания виновным возраста потерпевшей, ВС РФ разъяснил, что указанная квалификация «... возможна лишь в случаях, когда виновный знал или допускал, что потерпевшим является лицо, не достиг-

шее восемнадцати лет или иного возраста, специально указанного в диспозиции статьи Особенной части УК РФ»⁸.

Изменение направленности умысла влияет на квалификацию. Если ошибка порождает конкуренцию между общей и специальной нормами, применяется правило: квалификация проводится по той норме, которая соответствует направленности умысла виновного: «... принцип *non bis in idem* исключает ... квалификацию одного и того же преступного события по нескольким статьям уголовного закона, если содержащиеся в них нормы соотносятся между собой как общая и специальная или как целое и часть ... В случае коллизии между общей и специальной нормами, регулирующими одни и те же общественные отношения, последняя обладает приоритетом исходя из общеправового принципа *lex specialis derogat generali* (специальный закон отстраняет общий закон)»⁹.

В случае, когда особые свойства личности потерпевшего являются обязательными признаками для состава преступления, ошибка в свойствах личности исходя из направленности умысла либо влечет ответственность по специальной норме, например, действия субъекта, ошибочно полагавшего, что посягает на жизнь сотрудника полиции из мести за его служебную деятельность, но фактически причиняет вред лицу, не наделенному специальным правовым статусом, квалифицируются по ст. 317 УК РФ; либо исключает квалификацию по специальной норме (виновный хотел причинить вред гражданину, но фактически пострадал сотрудник полиции — если умысел на причинение вреда сотруднику полиции отсутствовал, его действия квалифицируются по общей норме). Следует помнить об отличиях в правилах квалификации при ошибке в личности и ошибке в развитии причинной связи, а именно, при отклонении от действия (например, когда лицо производит выстрел в жертву, но случайно пуля попадает в другого человека). В этом случае субъект не ошибается в личности потерпевшего, а ошибается в причинной связи — квалификация зависит от формы вины по отношению к иным наступившим общественно опасным последствиям [14]. В судебной практике имеются примеры, когда такие последствия наступа-

⁶ URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-325-uk-rf-pohislenie-ili-povrezhdenie-dokumentov-shtampov-pechatej-libo-pohislenie-aktsiznyh-marok-spetsialnyh-marok-i/prigovor-suda-po-ch.-2-st.-325-uk-rf-1-3642017--pohislenie-ili-povrezhdenie-dokumentov-shtampov-pechatej-libo-pohislenie-aktsiznyh-marok-spetsialnyh-marok-iliznakov-sootvetstviya.html> (дата обращения: 18.12.2024).

⁷ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/aAyyQLcdvLg/> (дата обращения: 13.12.2024).

⁸ О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16.

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Быкова Михаила Ивановича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 109 и частью четвертой статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 8 июля 2021 г. № 1373-О.

ли в связи с деяниями, совершенными и с косвенным умыслом¹⁰, и по неосторожности¹¹.

Необходимо оценивать соответствие фактических последствий умыслу субъекта. Если последствия совпадают (виновный хотел убить и убил, пусть и ошибочно, другого), квалификация исходит из направленности умысла по фактически наступившим последствиям¹². Если посягательство осуществляется в рамках одного объекта, для квалификации решающим значением также является фактический результат. Так, В. был осужден по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ и по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ: «ошибочно предполагая, что в квартире находится З., подсудимый В., осознавая, что избранный способ убийства представляет опасность не только для жизни З., но и иных лиц, проживающих в доме, в частности К. Н. и К. Л., поджег дом»¹³. В результате поджога К. Н. и К. Л. скончались, З. — нет, так как ее не было в данном доме. Судом вышестоящей инстанции из приговора исключено осуждение В. по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ в связи с излишней квалификацией деяния, поскольку «...по смыслу уголовного закона (ст. 17, п. „а“ ч. 2 ст. 105 УК РФ) при ошибке в свойствах потерпевшей в рамках одного объекта посягательства действия должны квалифицироваться по наступившему результату, в данном случае — убийство двух лиц, которое образует окончательное преступление»¹⁴.

Полагаем, что по причине качественной характеристики жизни человека такое же правило должно применяться и в случае заблуждения лица при убийстве женщины, заведомо находящейся для виновного в состоянии беременности, хотя фактически таковой не являющейся. В судебной практике случаи исключения из квалификации совокупности двух преступлений: ч. 1 ст. 105 УК РФ и ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ и квалификации по фактически наступившим последствиям — ч. 1 ст. 105 УК РФ — встречаются не единожды¹⁵.

В юридической литературе существует противоположная точка зрения, согласно которой указанное деяние должно квалифицироваться как покушение на убийство беременной женщины [15]. Данная позиция представляется спорной. Исходя из сложившейся линии доктрины уголовного пра-

ва, объектом преступления признаются те охраняемые общественные отношения, которым причиняется вред [16; 17, с. 52]. Другими словами, объект преступления идентифицируется через теорию концепции общественных отношений. Модель общественных отношений строится на отношениях между людьми, а не на отношении человека к определенной вещи. Объекты и предметы преступления закреплены в разделах, главах и статьях Уголовного кодекса. Поэтому когда человек сам становится жертвой преступления, нельзя категорически относиться к нему только как к предмету преступления. Например, при убийстве вред причиняется общественным отношениям в сфере реализации права на жизнь.

Именно качественный признак объекта (неизменность жизни человека) позволяет квалифицировать данное деяние при указанных обстоятельствах лишь по ч. 1 ст. 105 УК РФ, поскольку вариант совокупности ч. 1 ст. 105 УК РФ и ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ исключен — умысел преступника на лишение жизни полностью реализован, в результате его действий наступила смерть потерпевшей. Квалификация его действий как покушение на убийство является излишней. Вариант квалификации только по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ также исключен — смерть потерпевшей наступила в результате действий виновного.

Сопоставление выработанных доктриной уголовного права правил квалификации и сложившейся правоприменительной практики относительно рассматриваемой тематики позволяют сформулировать следующие тезисы.

1. Если умысел на причинение вреда более ценному объекту был конкретизированным, но фактически пострадал менее ценный объект, то деяние квалифицируется как покушение на преступление в соответствии с направленностью умысла либо как оконченное преступление, когда законодательная конструкция состава не предусматривает возможности покушения (например, ст. 317 УК РФ или другого преступления, сконструированного по типу формального состава).

Согласно устоявшейся судебной практике при покушении умысел может быть только конкретизи-

¹⁰ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за II квартал 2011 г. (утвержден 28 сентября 2011 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 11 ; *Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 июля 2023 г. по делу № 92-УД23-5СП-А5.*

¹¹ *Приговор Красногвардейского районного суда Санкт-Петербурга от 26 августа 2021 г. по уголовному делу № 1-567.* URL: <https://ogpartners.ru/wp-content/uploads/2023/01/perekvalifikacziya-so-111-na-109.pdf> (дата обращения: 14.12.2024).

¹² *Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 октября 2012 г. по делу № 11-012-24.*

¹³ *Приговор Нижегородского областного суда от 3 декабря 2018 г. по уголовному делу № 2-35/18.* URL: <https://судебные.решения.рф/36379032> (дата обращения: 13.12.2024).

¹⁴ *Апелляционное определение Верховного Суда РФ по делу № 9-АПУ19-4сп.*

¹⁵ См., напр.: *постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16 января 2008 г. по делу № 420-П07.*

рованным (определенным)¹⁶. Конкретизированный умысел предполагает, что субъект обладает четким представлением о качественных и количественных параметрах совершаемого преступления [18, с. 44]. Например, в ситуациях, связанных с хищениями, конкретизированный умысел предполагает достоверную осведомленность лица о количественных и качественных признаках предмета [19].

Исключением является квалификация при убийстве женщины, заведомо находящейся для виновного в состоянии беременности, хотя фактически таковой не являющейся. Парадокс заключается в том, что факт отсутствия беременности исключает конкретизированный умысел, а конкретизированный умысел может быть только тогда, когда женщина беременна.

2. Если умысел на причинение вреда менее ценному объекту был конкретизированным, но фактически пострадал более ценный объект, деяние квалифицируется как оконченное умышленное преступление в соответствии с направленностью умысла, за исключением случаев казуса, когда умысла причинять вред уголовно-правовым отношениям не было вовсе (например, доказанное намерение лица приобрести наркотики конкретно в том размере, приобретение которого влечет административную ответственность).

3. Если умысел на причинение вреда одному объекту был неопределенным, но фактически пострадал другой объект, то в зависимости от формы вины деяние квалифицируется по фактически наступившим последствиям.

При неопределенном умысле виновный предвидит, что в результате его деяния будет причинен вред охраняемым уголовным законом отношениям, но не осознает его степень. Интеллектуальный и волевой элементы вины в данном случае заключаются в том, что субъект предвидит лишь возможность наступления опасных последствий, желает или сознательно их допускает, т. е. возможность причинения вреда охватывается умыслом виновного [20, с. 263].

Когда субъект не обладает достоверной информацией о качественных и количественных параметрах совершаемого преступления, его умысел не является конкретизированным, а следовательно, действия квалифицируются по наступившим последствиям¹⁷. Нужно учитывать содержание умысла (в особенности интеллектуального компонента вины) виновного, а также экономический признак некоторых пред-

метов преступлений, например, предметов хищений, имеющих разные свойства, но обладающих определенной материальной ценностью.

Так, в случае, когда виновный не имеет соответствующего образования или знаний в области науки, истории, культуры или искусства, но его умысел был направлен на хищение предметов, имеющих особую ценность, однако по результатам экспертизы оказалось, что лишь часть похищенного представляет особую ценность, а часть — коммерческую ценность, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений (ст. 158 УК РФ и ст. 164 УК РФ)¹⁸. Лицо, в ходе хищения предметов полагая, что те имеют особую ценность, не имеет реальной возможности достоверно убедиться в том, что предметы обладают данной ценностью, не может на месте сразу провести культурологическую, историческую экспертизы. Раз субъект не обладает четким представлением о качественных и количественных параметрах предмета преступления, значит, умыслу свойственна неопределенность. Но разумеется, он рассчитывает на то, что такие предметы в любом случае будут обладать коммерческой ценностью. Субъект совершает хищение с корыстной целью. Поэтому при хищении предметов, имеющих разные свойства (особая ценность или коммерческая ценность), но обладающих определенной материальной ценностью, при неопределенном умысле квалификация осуществляется по фактически наступившему результату, а не как покушение на преступление. Тем более что, по общему правилу, покушение может быть только с прямым (конкретизированным) умыслом.

4. При причинении вреда равноценным по уголовно-правовой охране объектам деяние квалифицируется по фактическим последствиям (например, ошибка в личности потерпевшего, при отсутствии юридически значимых свойств последнего, не влияет на квалификацию).

5. Ошибки в объекте часто сопряжены с ошибками в последствиях. Если в результате преступления причинен вред тому объекту, на который был направлен умысел, но при этом по неосторожности был причинен вред другому объекту, деяние квалифицируется как совокупность оконченного умышленного и неосторожного преступлений либо если это предусмотрено конструкцией состава — как преступление с двумя формами вины (например, ч. 4 ст. 111 УК РФ).

¹⁶ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 марта 2015 г. № 82-АПУ15-4.

¹⁷ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 марта 2015 г. № 82-АПУ15-4.

¹⁸ URL: <https://судебные.решения.рф/47692452> (дата обращения: 18.12.2024) ; URL: <https://40.мвд.рф/news/item/11163023> (дата обращения: 18.12.2024).

Так, К. был осужден по ч. 1 ст. 109 УК РФ, ч. 1 ст. 112 УК РФ при следующих обстоятельствах. К. нанес один удар кулаком в область туловища потерпевшего, от чего причинил ему вред здоровью средней тяжести (перелом ребра). От удара потерпевший упал, ударился головой, получил закрытую черепно-мозговую травму, в результате чего наступила его смерть¹⁹. Несмотря на то что преступления, предусмотренные ст. ст. 112 и 109 УК РФ, закреплены в одной главе УК РФ, имеют одинаковый видовой объект, в целом объекты данных преступлений не равнозначны по уголовно-правовой охране, так как, во-первых, имеют разное содержание — реализация права на здоровье и реализация права на жизнь; во-вторых, размер наказания, связанного с лишением свободы, в ч. 1 ст. 112 УК РФ составляет до трех лет, в ч. 1 ст. 109 УК РФ — до двух лет.

Приговором Октябрьского районного суда г. Белгорода от 24 марта 2016 г. Ф. был осужден по ч. 4 ст. 111 УК РФ и п. «а» ч. 2 ст. 116 УК РФ. Из обстоятельств дела следует, что Ф. со значительной силой нанес В. удар правой рукой в область левой боковой поверхности лица и шеи, причинив В. тупую травму рефлексогенной зоны — каротидного синуса слева, которая причинила тяжкий вред здоровью. Согласно результатам экспертизы смерть В. наступила от острой сердечной недостаточности с прекращением сердечной деятельности, явившейся проявлением рефлекторной остановки сердца в результате указанной травмы. Кроме того, Ф. из хулиганских побуждений умышленно нанес А. не менее 11 ударов руками в голову, не менее двух ударов рукой и ногой в туловище. Телесные повреждения вреда здоровью А. не причинили. При оценке умысла Ф. суд отметил: «...Об умысле подсудимого на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшему В. объективно свидетельствуют действия подсудимого, который, обладая явным физическим превосходством над потерпевшим, осознавая, что В. находится в болезненном состоянии, никакого сопротивления ему не оказывает, мер к самозащите не принимает, со значительной силой нанес удар рукой в жизненно важные органы — голову и шею... В отношении А. Ф. осознавал, что, нанося удары по голове и туловищу потерпевшего, он причиняет последнему физическую боль, и желал совершить эти действия, т. е. действовал умышленно с использованием незначительного повода из хулиганских побуждений»²⁰.

На первый взгляд, такая квалификация может показаться парадоксальной — суд посчитал, что нанесение одного удара в область боковой поверхности лица и шеи свидетельствует об умысле на причинение тяжкого вреда здоровью, а нанесение 11 ударов руками в голову, не менее двух ударов рукой и ногой в туловище не свидетельствует об умысле на причинение какого-либо вреда здоровью вовсе.

Однако умысел на причинение тяжкого вреда здоровью определяется «...из совокупности всех обстоятельств содеянного ... способа и орудия преступления, количества, характера и локализации телесных повреждений, способности причинить тяжкий вред»²¹.

Применительно к рассматриваемому случаю, нанесение одного удара рукой в область левой боковой поверхности лица и шеи может свидетельствовать об умысле на причинение тяжкого вреда здоровью ввиду явного физического превосходства виновного над потерпевшим, болезненного состояния последнего и причинения тяжкого вреда здоровью от нанесенного удара (что говорит о том, что удар был сильным). Что касается нанесения побоев, нужно учитывать, что само по себе нанесение ударов не свидетельствует об умысле на причинение тяжкого вреда здоровью. В указанном случае было нанесено 11 ударов руками в голову, не менее двух ударов рукой и ногой в туловище, однако последствий, опасных для здоровья, не наступило не по независящим от виновного обстоятельствам, а ввиду его собственного поведения. Факт физического превосходства виновного над жертвой также имел место, из этого следует — если бы виновный предвидел возможность или неизбежность причинения какого-либо вреда здоровью из-за своих действий и желал бы его наступления, то бил бы сильнее.

Вместе с тем на практике встречаются нарушения правила квалификации по направленности умысла. Так, в результате нанесения М. не менее четырех ударов ногами в область расположения жизненно важных органов живота потерпевшего последнему были причинены повреждения, оцененные как тяжкий вред здоровью²². Потерпевший скончался, никакого сопротивления в момент нанесения ударов не оказывал. Подсудимый же по физическому состоянию превосходил потерпевшего. Однако действия М. судом были переквалифицированы с ч. 4 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 109 УК РФ. В качестве мотивировки суд отметил: «...Само по себе нанесение ударов

¹⁹ Приговор Белоглинского районного суда Краснодарского края от 28 августа 2014 г. по уголовному делу № 1-80/2014.

²⁰ Приговор Октябрьского районного суда г. Белгорода от 24 марта 2016 г. по уголовному делу № 1-102/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QDyhnMwkGSJ1/> (дата обращения: 03.01.2025).

²¹ Приговор Сургутского городского суда от 15 мая 2020 г. по уголовному делу № 1-1324/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7lS3p7ljh1dm/> (дата обращения: 03.01.2025).

²² Приговор Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга 26 августа 2021 г. по уголовному делу № 1-567.

в область туловища не может свидетельствовать об умышленном характере совершенного деяния, когда подсудимый не желал и не допускал, что в результате его действий могут наступить общественно опасные последствия...»²³.

Следуя логике данной квалификации, нанесение не менее четырех ударов ногами в область расположения жизненно важных органов живота не свидетельствует не только об умысле на причинение тяжкого вреда здоровью, но и вообще об умысле на причинение какого-либо вреда. Такая квалификация представляется неправильной вви-

ду того что умысел на причинение тяжкого вреда здоровью подтверждается, во-первых, физическим превосходством виновного над потерпевшим; во-вторых, количеством ударов (не менее четырех ударов); в-третьих, качеством ударов (удары ногами в область расположения жизненно важных органов); в-четвертых, собственно причинением тяжкого вреда здоровью.

Поэтому в указанном примере более точной представляется следующая квалификация: умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть по неосторожности (ч. 4 ст. 111 УК РФ).

Список источников

1. Черненко Т. Г. Фактическая ошибка в объекте и предмете посягательства // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 3.
2. Князьков А. А. Теория и практика квалификации преступлений : учеб. пособие. Ярославль, 2018.
3. Уголовное право Российской Федерации: Общая часть : учебник / под ред. проф. А. И. Марцева. 2-е изд., перераб. и доп. Омск, 2006.
4. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2011.
5. Шумихин В. Г. Квалификации при ошибках относительно объекта преступления // Проблемы развития юридической науки : тезисы докладов науч. конф. Пермь, 2005.
6. Вина и ответственность в уголовном праве / С. В. Векленко, М. В. Бавсун, М. Б. Фаткуллина. Омск, 2009.
7. Рарог А. И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений : практ. пособие. 2-е изд. М., 2009.
8. Безрукова Т. И. Проблема квалификации деяния, совершенного в условиях фактической ошибки // Российский юридический журнал. 2007. № 3.
9. Никишин Д. Л., Орешкова Д. О. Понятие, регулирование и значение института ошибки в уголовном праве России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 8.
10. Корablёва С. Ю. Влияние фактических ошибок на оценку уголовно-правовой вины и квалификацию преступлений // Журнал российского права. 2024. № 2.
11. Рахманин С. В. Проблема опровержимости презумпции знания закона и юридическая ошибка в уголовном праве // Право и политика. 2019. № 3.
12. Новоселов Г. П., Федосеева Л. Ю. Объект уголовно-правовой охраны и объект преступления: соотношение и уголовно-правовое значение // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 4.
13. Спиридонова Л. Э. Уголовно-правовое значение фактической ошибки в личности потерпевшего при квалификации преступлений против жизни // КриминалистЪ. 2012. № 2.
14. Гарбатович Д. А. Убийство: ошибка в личности потерпевшего и в развитии причинной следственной связи // Уголовное право. 2024. № 2.
15. Дядюн К. В. Совершение преступления в отношении беременной женщины как обстоятельство, отягчающее наказание // Адвокат. 2014. № 6.
16. Винокуров В. Н. Установление интересов субъектов отношений и конкретизация объекта преступления // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12.
17. Марцев А. И. Общее понятие состава преступления // Вопросы правовой теории и практики : сб. науч. тр. Омск, 2010. Вып. 6.
18. Капинус О. С., Обращив К. В. Экссесс исполнителя и иных соучастников преступления: проблемы квалификации // Уголовное право. 2018. № 2.
19. Вишнякова Н. В. Единство умысла как признак продолжаемого хищения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 2.
20. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974.

²³ Приговор Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга 26 августа 2021 г. по уголовному делу № 1-567.

УДК 343.2

doi: 10.24412/1999-625X-2025-499-353-358

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Погашение общественной опасности преступления и лица, его совершившего

Алексей Алексеевич Нечепуренко

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминологии и профилактики преступлений¹,

✉ nechepurenko_oma@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Разграничивается общественная опасность деяния и общественная опасность лица, совершившего такое деяние. Обосновывается позиция о том, что с отпадением общественной опасности деяния общественная опасность личности может сохраняться. На этом основана система общеправовых последствий, закрепленных в федеральных законах и ограничивающих лиц, совершивших преступления, в правах заниматься определенной деятельностью. Отмечена тенденция к переводу бессрочных правоограничений для лиц, совершивших преступления, в срочные. Делается вывод о противоречивости отражения в федеральных законах негативных последствий для лиц, совершивших преступления, и в связи с этим желательности ограничения их по срокам действия непосредственно в уголовном законодательстве. Приводится проект статьи УК РФ, введение которой могло бы снять указанное противоречие.

Ключевые слова: уголовная ответственность, судимость, правоограничения судимости,
общеправовые последствия совершения преступления,
освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям,
общественная опасность личности, сроки погашения общественной опасности

Для цитирования: Нечепуренко А. А. Погашение общественной опасности преступления и лица, его совершившего // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 4(99). С. 353–358.

Cancellation of Public Danger of a Crime and of the Person who has Committed it

Alexey A. Nechepurenko

Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor,
Professor at the chair of Criminology and Prevention of Crimes¹,

✉ nechepurenko_oma@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

A distinction is made between the public danger of the act and the public danger of the person who has committed the act. The author substantiates the position that, with the cancellation of the public danger of the act, the social danger of the person can remain. This serves as the basis for a system of general legal consequences, enshrined in federal laws and restricting persons who have committed crimes in their right to be engaged in certain activities. There is a tendency to convert indefinite legal restrictions for perpetrators of crimes into fixed term restrictions. It is concluded that there is a contradiction in the federal laws reflecting negative consequences for persons who have committed crimes, and therefore, it is advisable to limit their duration directly in criminal law. A draft article of the Criminal Code of the Russian Federation is cited, the adoption of which could eliminate this contradiction.

Keywords: criminal responsibility, criminal record, legal restrictions due to criminal record, general legal consequences of crime commission, exemption from criminal responsibility on non-rehabilitating grounds, social danger of a person, terms of cancellation of social danger

Citation: Nechepurenko A. A. Cancellation of Public Danger of a Crime and of the Person who has Committed it. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 4(99). Pp. 353–358 (In Russ.).

В последнее время пристальное внимание научной юридической общественности обращено на уголовно-правовые и криминологические аспекты общественной опасности [1; 2, с. 83–86; 3, с. 128–136; 4, с. 114–115]. Поводом такого внимания к данной проблеме, очевидно, являются действия федерального

законодателя по достаточно оперативному реагированию на изменение политической ситуации в стране путем криминализации деяний, ранее считавшихся административными деликтами, даже будучи совершенными неоднократно, либо вообще не заслуживающими правового осуждения. Дискуссия стимулирует

ется еще и тем, что некоторые сторонники идей пост-модерна в криминологии высказывают в связи с этим мысль, что общественной опасности как материального признака преступления вообще не существует, а имеет место лишь усмотрение представителей государственной власти о том, что следует, а что не следует объявлять запрещенным деянием под угрозой уголовного наказания [5, с. 22; 6, с. 212; 7, с. 229]. Иногда, действительно, вызывает удивление и недоумение поспешность проведения законодателем процессов криминализации и пенализации деяний, на что справедливо указывают известные ученые-правоведы [8, с. 419–430]. На этом фоне не только высказываются критические суждения, но и предлагаются достаточно аргументированные подходы к более взвешенному отношению к переводу тех или иных деяний в статус преступных [9, с. 127–138; 10, с. 26–29]. Видимо, следует признать, что государственная власть в ряде случаев злоупотребляет правом определять, общественно опасно или нет конкретное деяние, когда речь идет об отнесении его к преступлениям небольшой тяжести с санкцией, не содержащей лишения свободы, да еще и с административной преюдицией (ст. ст. 171⁵, 201³, 264¹–264³ УК РФ), или об отнесении сразу к тяжким преступлениям деяний, за которые лицо ранее привлекалось к административной ответственности (ст. ст. 285⁵, 285⁶ УК РФ). В целом же указанные процессы отвечают требованиям адекватного уголовно-правового противостояния современным социальным угрозам. Это касается расширения круга общественно опасных деяний против основ конституционного строя и безопасности государства (ст. ст. 275¹, 276¹, 280¹–280³, 281¹–281³, 283², 284¹–284³ УК РФ), криминализации добровольной сдачи в плен (ст. 252¹ УК РФ) и мародерства (ст. 356¹ УК РФ), усиления уголовной ответственности за осуществление незаконной миграции (ст. ст. 322¹–322³ УК РФ) и др.

Ознакомление с порядком законотворчества в Российской Федерации позволяет утверждать, что, при всех недостатках законов о внесении изменений и дополнений в УК РФ, они все же не являются произволом государственной власти, а речь идет о многоступенчатой, продуманной системе рассмотрения проектов таких законов всенародно избранными органами законодательной ветви государственной власти [11, с. 62–66; 12, с. 55–64].

Далее крайне важно сделать акцент на недостаточном внимании к проблеме общественной опасно-

сти лица, совершившего преступление. Обращаться к этому вопросу необходимо с учетом того, что в уголовно-правовой политике в процессе ее длительной эволюции достаточно явно и давно наметился тренд трансформации классической парадигмы в неоклассическую. Это знаменуется, как справедливо отмечают некоторые исследователи, тем, что вина заменяется социальным контролем, а парадигма уголовной ответственности — парадигмой уголовной безопасности [13, с. 144–147; 14, с. 166]. Действительно, не смотря на провозглашение в Конституции Российской Федерации презумпции виновности лица только по приговору суда, вступившему в законную силу (ст. 49), в нашем уголовном законодательстве параллельно с институтом уголовной ответственности существует противоречащий ему институт освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, появившийся еще в Основных уголовных законодательствах Союза ССР и союзных республик 1958 г. (ст. ст. 41, 43) и закрепленный в возвращенном виде как в Общей части (ст. ст. 10, 48, 50–52), так и в примечаниях к ряду статей Особенной части УК РСФСР 1960 г. Дальнейшему развитию и активному применению данного института вплоть до настоящего времени не помешал даже факт признания его неконституционным Комитетом конституционного надзора СССР¹. При этом виновность лица, освобожденного от уголовной ответственности, в постановлении суда не констатируется, но оно считается совершившим преступление. Правда, в соответствии с руководящим разъяснением Верховного Суда Российской Федерации такие лица, в последующем совершившие какое-либо преступление или опять освобожденные от уголовной ответственности, считаются совершившими преступление впервые².

Разделение общественной опасности преступления и общественной опасности лица, его совершившего, в действующем уголовном законодательстве проводится дважды. Так, в части 1 ст. 75 УК РФ законодатель формулирует условия деятельного раскаяния, при которых лицо, совершившее впервые преступление небольшой или средней тяжести, перестает быть общественно опасным, а в ст. 80¹ УК РФ констатирует, что вследствие изменения обстановки как лицо может утратить общественную опасность, так и совершенное им преступление. В связи с таким разделением общественной опасности, наконец, уместно будет уяснить, что она из себя представляет.

¹ О несоответствии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, определяющих основания и порядок освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного или общественного воздействия, Конституции СССР и международным актам о правах человека : заключение Комитета Конституционного надзора СССР от 13 сентября 1990 г. № 2-8 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. М., 1990. № 39 (ст. 775).

² О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Прежде всего, конечно, следует вести речь об общественной опасности преступления. Самой распространенной точкой зрения на этот сущностный признак преступления следует признать причинение или угрозу причинения вреда общественным отношениям. Причем этот вред должен отвечать двум условиям: причиняться в значительном размере (иначе в силу малозначительности, указанной в ч. 2 ст. 14 УК РФ, он не может быть признан общественно опасным), а также быть направленным на наиболее важные интересы личности, общества или государства, подлежащие в силу такого статуса первоочередной охране.

Однако считаю, что наиболее последовательно идея общественной опасности выражена в теории уголовно-правового прецедента, достаточно обстоятельно представленной в трудах П. А. Фефелова. Суть своей концепции он объяснял через общественную опасность деяния, утверждая, что эта антиобщественная деятельность, обладая всеми признаками человеческой практики, содержит в себе специфическую (негативную) ценностную ориентацию и поэтому способна служить антиобщественным прецедентом (примером) для повторения в будущем как лицом, осуществляющим эту деятельность, так и другими лицами, и тем самым причинять серьезный ущерб объекту — положительным ценностям общества [15, с. 62]. В то же время он достаточно непоследовательно считал излишним отделять общественную опасность преступника от совершенного им преступления [15, с. 67–70]. Еще ранее сходную позицию относительно включения общественной опасности лица, «самозаявляющего о своей опасности для общества», в структуру общественной опасности преступления, им совершенного, занял В. С. Прохоров [16, с. 62–63]. Сторонником прецедентной теории общественной опасности являлся А. И. Марцев, который, однако, полагал, что общественная опасность преступления в значительной мере определяется личностью правонарушителя, ссылаясь, в частности, на доказанность данного факта в научных трудах В. Д. Филимонова [17, с. 11]. Последний утверждал, что критериями общественной опасности лица, совершившего преступление, являются не только само преступление, но и вся совокупность негативных свойств и качеств личности, обусловивших ее преступное поведение, криминальные и антикриминальные условия жизни этой личности. В свою очередь сама общественная опасность лица, совершившего преступление, как считал В. Д. Филимонов, представляет собой угрозу совершения им нового преступления [18, с. 30–36]. О том, что преступники своим прошлым поведением заявили

о своей опасности для общества, и поэтому окружающие испытывают при общении с ними особые чувства (настороженность, тревогу, страх), отмечал в своих работах и Б. С. Никифоров [19, с. 68–69].

Принимая во внимание сказанное выше, рассмотрим реальную ситуацию с разграничением общественной опасности деяния и лица, его совершившего, которую достаточно последовательно проводит законодатель. Действительно, общественная опасность преступления и лица, его совершившего, возникает одновременно с совершением того или иного преступления, но что касается окончания того и другого, то здесь мы видим явное несовпадение. Если общественная опасность преступления считается исчерпанной с момента реализации уголовной ответственности, который наступает с погашением или снятием судимости или с момента принятия судом решения об освобождении от нее по нереабилитирующим основаниям, то общественная опасность лица, его совершившего, этим не ограничивается.

Обратим внимание на изменения, внесенные в ч. 6 ст. 86 УК РФ Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 144-ФЗ³. В ранее действовавшей редакции указывалось, что погашение и снятие судимости аннулируют все правовые последствия, связанные с судимостью. Эта редакция оставалась неизменной с момента введения в действие УК РФ. В то же время Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ редакция ч. 1 данной статьи была изменена и наряду с уголовно-правовыми было указано на иные правовые последствия судимости, установленные федеральными законами⁴. Естественно, возникли противоречия между категорическим требованием уголовного закона об аннулировании всех правоограничений, связанных с судимостью после ее снятия или погашения, и ситуацией в ином федеральном законодательстве. Эту оплошность и исправил законодатель, внося изменения в ч. 6 ст. 86 УК РФ, где указал, что аннулируются не все последствия, связанные с судимостью, а только те, которые предусмотрены в Уголовном кодексе. Тем самым было подтверждено, что в иных федеральных законах и после погашения и снятия судимости могут сохраняться определенные правоограничения для лиц, когда-то совершивших преступления.

Анализ более чем сорока федеральных законов позволяет утверждать, что на таких лиц распространяются многочисленные правоограничения в части выбора ими рода занятий не только после погашения и снятия судимости, но и после освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирую-

³ О внесении изменения в статью 86 Уголовного кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 194-ФЗ.

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» : федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ.

щим основаниям. Причем часто эти правоограничения носят пожизненный характер, изложены законодателем крайне противоречиво, с ненужными повторами, юридически небрежно [20, с. 39–45]. Неудивительно, что лица со снятой или погашенной судимостью или освобожденные от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям периодически обращаются в Конституционный Суд Российской Федерации за защитой своих конституционных прав. Конституционный Суд в большинстве таких случаев делает вывод, что ограничение конституционных прав и свобод лиц, ранее совершивших преступления, не противоречит Конституции Российской Федерации, но не может носить пожизненного характера, за исключением ограничений в выборе тех профессий, к которым предъявляются особые репутационные требования в сфере правоохранной деятельности.

Достаточно показательным является постановление Конституционного Суда Российской Федерации по поводу ограничения пассивных избирательных прав. В нем указано, что общеправовые последствия судимости, по общему правилу, должны соответствовать срокам судимости, и только в порядке исключения в целях защиты конституционных ценностей вопрос о сроках может быть решен в федеральном законе иным образом⁵. При этом бессрочное и недифференцированное ограничение пассивного избирательного права в отношении граждан Российской Федерации, осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений, было признано не соответствующим Конституции Российской Федерации⁶. После указанного решения законодатель скорректировал свою позицию применительно к ограничению лиц, ранее совершивших тяжкие или особо тяжкие преступления, в пассивном избирательном праве и праве выбора рода занятий. Были внесены изменения в ряд федеральных законов. В соответствии с этими изменениями введены определенные сроки, аннулирующие значение погашенной или снятой судимости. Теперь не все ранее ког-

да-либо судимые за тяжкие и особо тяжкие преступления граждане не могут избираться Президентом Российской Федерации, в представительные органы власти Российской Федерации, на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, а только те из них, у которых после снятия или погашения судимости за совершение тяжкого преступления не прошло 10 лет, а за совершение особо тяжкого преступления — 15 лет⁷. Таким же образом сформулированы данные правоограничения и во вновь принятом федеральном законе применительно к лицам, которые не могут быть избраны депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации⁸. Однако не следует считать данную линию на обеспечение избирательных прав граждан однозначно последовательной. Введя указанные послабления применительно к ранее судимым за тяжкие и особо тяжкие преступления, законодатель, спустя шесть лет, пошел на ужесточение ограничений для лиц, имевших судимость за большое количество преступлений средней тяжести. Если ранее они могли быть избраны в представительные органы власти сразу после погашения или снятия судимости, то теперь это право они получают, только спустя пять лет нахождения в статусе лица, имевшего судимость⁹. В целом же это положительный пример законодательного решения вопроса по срокам погашения общественной опасности лица, когда-то совершившего преступление. В то же время показательно, что даже молодые ученые, пытаясь разобраться в данной проблеме, анализируя ряд последних решений Конституционного Суда и приводя точки зрения ученых на этот счет, демонстрируют критический настрой к существованию достаточно противоречивого массива общеправовых ограничений. Так, А. С. Павлов приходит к выводу, что отдельные решения Конституционного Суда РФ, примеры которых были приведены в его работе, со всей очевидностью демонстрируют формальный подход к толкованию норм, ущемляющих граждан в их правах, и следует поддержать правоведов в том, что общеправовые ограничения,

⁵ В качестве примера вполне оправданного бессрочного правоограничения для обеспечения общественной безопасности, жизни и здоровья граждан можно указать на запрет выдавать лицензии на приобретение оружия лицам, имеющим снятую или погашенную судимость за тяжкое или особо тяжкое преступление, совершенное с применением оружия (Об оружии: федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (ст. 13)).

⁶ По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3² статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. В. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова: постановление Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П.

⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 21 февраля 2014 г. № 19-ФЗ.

⁸ О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ (ст. 4)

⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 23 мая 2020 г. № 153-ФЗ.

возникшие в связи с судимостью, должны подлежать регламентации в специальном акте федерального уровня [21, с. 149–150].

Как видим, ничем иным, кроме констатации законодателем сохранения общественной опасности лица после отпадения общественной опасности совершенного им преступления, нельзя объяснить установление общеправовых ограничений для таких лиц во множестве федеральных законов. Но одновременно встает вопрос, каким образом можно оптимизировать достаточно существенные законодательно установленные преграды на пути выбора способов реализации положительной социальной активности лицами, совершившими преступления, но достаточно длительный период после этого ведущими право-попунктный образ жизни?

На мой взгляд, возможны два пути решения данной проблемы.

1. Ревизия всего объема данных правоограничений в федеральном законодательстве и выработка универсального подхода к их закреплению. Очевидно, что большинство таких правоограничений перейдут в статус хотя и долговременных, но все же срочных, а бессрочными останутся только те правоограничения, отмена которых связана с угрозой ослабления уровня криминологической безопасности общества. Такая масштабная работа под силу только специальной экспертной группе из ведущих российских ученых-правоведов, которая могла бы быть создана под эгидой Комитета по безопасности и противодействию коррупции Государственной Думы Российской Федерации.

2. Унификация сроков, по истечении которых лицо, совершившее преступление, будет считаться юридически его не совершавшим, т. е. перестанет быть общественно опасным, непосредственно в соответствующей статье УК РФ. За основу могли бы быть взяты указанные выше предельные сроки, уже предложенные самим законодателем применительно к аннулированию негативных последствий снятой или погашенной судимости для восстановления пассивного избирательного права лиц, ранее совершивших преступления. Такое решение не позволило бы устанавливать в федеральных законах общеправовые ограничения для указанных лиц бессрочно или на сроки, превышающие те, которые определены в УК РФ.

Второй путь представляется более продуктивным, но требует предварительного обсуждения этого подхода с широкой научной общественностью. В таком случае нужно прежде всего ввести примечание к ст. 75 УК РФ, в котором указать, что освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям влечет правоограничения, предусмотренные федеральным законодательством, т. е. разъяснить сложившуюся законодательную ситуацию, чтобы у освобождаемых по этим основаниям

не складывалось иллюзии о полном восстановлении их социального статуса после такого освобождения. Примерный текст данного примечания может быть следующим:

«Освобождение от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным в статьях настоящей главы, а также в статье 90 и статьях Особенной части настоящего Кодекса, влечет правовые последствия в случаях и порядке, которые установлены федеральными законами».

С учетом такой поправки в ст. 75 УК РФ попробуем смоделировать норму о полном погашении последствий совершенного преступления. Естественно, в ней должно быть указание на определенные исключения из установленного правила, которые касались бы категорий совершенных преступлений и видов преступлений против личности, общества и государства, посягающих на наиболее важные общественные отношения. Такая норма могла бы быть закреплена в новой ст. 86¹ УК РФ, т. е. сразу за наиболее близкой к ней по содержанию норме о судимости, и иметь следующий вид.

«Статья 86¹. Правовые последствия совершенных преступлений

1. Лица, признанные виновными в совершении преступления по приговору суда, в том числе с освобождением от наказания, а также освобожденные от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, указанным в статьях главы 11, статье 90 и статьях Особенной части настоящего Кодекса, ограничиваются в правах в случаях и в порядке, которые установлены федеральными законами, в течение следующих сроков с момента погашения или снятия судимости или освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям:

- а) в отношении лиц, совершивших преступления небольшой тяжести, — три года;
- б) в отношении лиц, совершивших преступления средней тяжести, — пять лет;
- в) в отношении лиц, совершивших тяжкие преступления, — десять лет;
- г) в отношении лиц, совершивших особо тяжкие преступления, — пятнадцать лет.

2. Истечение сроков, указанных в части первой настоящей статьи, аннулирует все правовые последствия, предусмотренные федеральными законами для лиц, совершивших преступления.

3. Правовые последствия, предусмотренные федеральными законами, являются бессрочными для лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства, военной службы, мира и безопасности человечества».

Список источников

1. *Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии* : мат-лы XIV Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2024 г. / редкол. В. В. Александрова и др. М., 2024.
2. *Мирошниченко Д. В.* Методологические предпосылки для дискуссии об общественной опасности в уголовном праве // *Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г. Б. Мирзоева.* 2024. № 2.
3. *Босхолов С. С., Номоконов В. А.* Онтологические и метафизические основы общественной опасности преступлений: о тупике неокриминологии // *Всероссийский криминологический журнал.* 2024. Т. 18, № 2.
4. *Кленова Т. В.* Легитимизация обновления основного категориального ряда российского уголовного права // *Журнал российского права.* 2025. Т. 29, № 8.
5. *Кондратюк Л. В., Овчинский В. С.* Криминология: вызовы XXI века. М., 2013.
6. *Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н.* Новая криминализация. Екатеринбург, 2020.
7. *Гилинский Я. И.* В тупике ли криминология постмодерна // *Всероссийский криминологический журнал.* 2024. Т. 18, № 3.
8. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Репрессивное решение социальных проблем: причины и последствия // *Всероссийский криминологический журнал.* 2016. Т. 10, № 3.
9. *Лопашенко Н. А.* Общественная опасность деяния: верификация невозможна? // *Актуальные проблемы российского права.* 2024. Т. 19, № 8.
10. *Савельев И. В.* Особые требования к обоснованию инициатив к криминализации и пенализации: на пути к стабилизации в уголовно-правовой сфере // *Союз криминалистов и криминологов.* 2024. № 1.
11. *Татишвили Т. М.* Законотворчество и экспертное сопровождение в законодательном процессе // *Вестник Московского университета МВД России.* 2014. № 11.
12. *Югов А. А.* Структура законотворческого процесса как целостной системы // *Российское право: образование, практика, наука.* 2018. № 5.
13. *Мирошниченко Д. В.* Уголовно-правовая онтология в условиях социокультурной трансформации общества // *Философия права* 2023. № 3(106).
14. *Пудовочкин Ю. Е.* Рецензия на монографию Мирошниченко Д. В. «Критика уголовно-правовой онтологии» // *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата.* 2023. № 4(71).
15. *Фефелов П. А.* Уголовно-правовая концепция борьбы с преступностью: Основы общей теории. Екатеринбург, 1999.
16. *Прохоров В. С.* Преступление и ответственность. Л., 1984.
17. *Марцев А. И.* Преступление: социально-правовой анализ. Омск, 2012.
18. *Филимонов А. Д.* Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970.
19. *Никифоров Б. С.* Наказание и его цели // *Советское государство и право.* 1981. № 9.
20. *Нечепуренко А. А.* Законодательное регулирование негативных последствий для лиц, совершивших преступления // *Научный вестник Омской академии МВД России.* 2020. № 4(79).
21. *Павлов А. С.* Общеправовые последствия судимости в решениях Конституционного Суда России // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право.* 2025. Т. 15, № 3.

УДК 343.573

doi: 10.24412/1999-625X-2025-499-359-363

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Уголовно-правовой анализ признаков субъективной стороны состава преступления, предусматривающего ответственность за незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной, спиртосодержащей и табачной продукции

Ксения Вячеславовна Садовых

преподаватель кафедры уголовного права и криминологии¹,

✉ sadovyh.kseniya@mail.ru

¹ Сибирский юридический институт МВД России (Красноярск, Россия)

Статья посвящена исследованию субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 171³ УК РФ, через призму теоретических и правоприменительных аспектов. Автор обосновывает, что первостепенной целью для субъекта исследуемого состава является получение прибыли. Приводится соотношение цели извлечения прибыли и цели сбыта применительно к незаконному обороту алкогольной и табачной продукции. Рассматриваются особенности хранения контрафактной продукции без цели сбыта. Особое внимание уделено результатам эмпирического социологического исследования, подтверждающего отсутствие единообразия при отражении цели незаконного оборота контрафактной продукции в материалах уголовных дел. Делается вывод о необходимости разработки постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по данной категории дел, где были бы отражены особенности признаков субъективной стороны исследуемого преступления в целях обеспечения единообразного применения законодательства.

Ключевые слова: бланкетная норма, извлечение прибыли, квалификация, контрафактная продукция, незаконный оборот, субъективная сторона, цель

Для цитирования: Садовых К. В. Уголовно-правовой анализ признаков субъективной стороны состава преступления, предусматривающего ответственность за незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной, спиртосодержащей и табачной продукции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 4(99). С. 359–363.

Criminal Law Analysis of the Characteristics of the Subjective Side of the Crime, including Responsibility for the Illegal Production and (or) Trafficking of Ethyl Alcohol, Alcohol, Alcohol-Containing and Tobacco Products

Ksenya V. Sadovykh

Lecturer at the chair of Criminal Law and Criminology¹,

✉ sadovyh.kseniya@mail.ru

¹ the Siberian Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Krasnoyarsk, Russia)

The article dwells on the study of the subjective side of the corpus delicti provided for in Art. 171³ of the Criminal Code of the Russian Federation, through the prism of theoretical and law enforcement aspects. The author argues that the primary goal for the subject of the corpus delicti under examination is to make a profit. The relationship between profit-making and marketing objectives is assessed with regard to illicit traffic in alcohol and tobacco products. The features of storing counterfeit products without the purpose of marketing are considered. The emphasis is made on the results of an empirical sociological study, confirming the lack of uniformity in the purpose of illegal trafficking of counterfeit products in files of criminal cases. It is concluded that it is necessary to develop a ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on this category of cases, which would reflect the features of the subjective side of the crime under investigation in order to ensure uniform application of the law.

Keywords: blanket rule, profit making, qualification, counterfeit products, illicit trafficking, subjective side, purpose

Citation: Sadovykh K. V. Criminal Law Analysis of the Characteristics of the Subjective Side of the Crime, including Responsibility for the Illegal Production and (or) Trafficking of Ethyl Alcohol, Alcohol, Alcohol-Containing and Tobacco Products. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 4(99). Pp. 359–363 (In Russ.).

Современное состояние уголовного законодательства в сфере экономических преступлений требует глубокого анализа содержания норм с учетом реальных целей правоприменения. Особенно это касается ст. 171³ УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за незаконный оборот этилового спирта, алкогольной, спиртосодержащей и табачной продукции (далее — продукция) без соответствующей лицензии. Существенные коллизии в толковании признаков субъективной стороны анализируемого состава порождают правовую неопределенность и риск уголовной ответственности лиц, не преследующих цели извлечения прибыли.

Субъективная сторона исследуемого состава преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. В части 2 ст. 25 УК РФ закреплено определение прямого умысла, которое содержит три обязательных признака: 1) осознание лицом общественной опасности деяния; 2) предвидение возможности или неизбежности наступления последствий; 3) желание наступления общественно опасных последствий. Принадлежность исследуемого состава по своей конструкции к формальному исключает из обязательных признаков отношение лица к последствиям и указывает на необходимость рассмотрения интеллектуального и волевого элементов только по отношению к деянию.

Умысел лица, осуществляющего незаконный оборот продукции, направлен на совершение одного или нескольких альтернативных действий (диспозиция ст. 171³ УК РФ). Лицо осознает общественную опасность своих действий, а именно, понимает, что недопустимо без лицензии осуществлять производство, закупку, поставку, хранение и (или) перевозку алкогольной и табачной продукции, но намеренно не предпринимает действий по получению данной лицензии.

Следует акцентировать внимание на том, что желание лица направлено не столько на совершение одного или нескольких альтернативных действий, содержащихся в диспозиции исследуемой уголовно-правовой нормы, сколько на их совершение для введения в предпринимательский оборот контрафактной продукции, которое обусловлено целью — получением прибыли. Соответственно, для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 171³ УК РФ недостаточно определения только формы вины.

Психическое отношение в рамках субъективной стороны рассматриваемого состава необходимо исследовать неразрывно с желаемым результатом — целью. На основании доктринального подхода известно, что цель — это конечный результат совершаемого преступления. Цель — «внутренняя

модель желаемого результата» [1, с. 42]. Как верно отмечено С. П. Новосельцевым, «составы, сконструированные по типу формального, требуют обязательного установления мотивов либо цели. В случае их отсутствия привлечь лицо к уголовной ответственности невозможно» [2, с. 75]. На решающую роль цели и мотива при квалификации преступления указывают М. В. Бавсун и С. В. Векленко, которые утверждают, что «цель в ряде составов Особенной части выступает составообразующим элементом, при отсутствии которого совершенное деяние „выпадает“ из сферы уголовно-правового регулирования» [3, с. 104]. Общественная опасность исследуемого преступления обусловлена не производством контрафактной продукции в крупном размере, а намерением извлечь прибыль от незаконного оборота такой продукции. Целью бутлегеров (так называемых подпольных производителей или торговцев нелегальной продукцией) является получение прибыли, которое, в свою очередь, невозможно без сбыта алкоголя и табака на потребительский рынок. Если лицо производит алкогольную продукцию для себя и не намерено ее вводить в оборот для заработка, то в его действиях отсутствует состав преступления. Цель как признак субъективной стороны рассматриваемого преступления выступает одним из индикаторов общественной опасности.

Следует отметить, что получение прибыли от оборота продукции возможно не только от ее сбыта, но и при совершении отдельных альтернативных действий, входящих в оборот продукции. Таких, например, как перевозка или хранение, которые в соответствии с п. 2 ст. 18 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (далее — Федеральный закон № 171-ФЗ), подлежат обязательному лицензированию. На данный аспект также указывает Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка: «Лицензированию подлежит хранение организацией этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, не являющихся собственностью данной организации»¹. Например, лицо предоставляет помещение в аренду для хранения алкогольной продукции, которая принадлежит другому лицу. В данном примере лицо совершает действие, входящее в оборот продукции, подлежащее обязательному лицензированию. Если при хранении или перевозке чужой продукции у лица отсутствует цель получить от этого материальную выгоду, то в данном деянии отсутствует обществен-

¹ Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ная опасность. Это демонстрирует обязательное наличие цели, которую необходимо установить в каждом конкретном случае.

Таким образом, целью лиц, осуществляющих незаконный оборот продукции, выступает извлечение прибыли от данной деятельности. Каждое действие, входящее в оборот продукции, должно преследовать цель — извлечение прибыли. Представляется, что цель в исследуемом посягательстве следует относить к обязательному и криминообразующему признаку субъективной стороны состава преступления.

Формально-юридически цель в анализируемом составе преступления отсутствует. Согласимся с точкой зрения А. Н. Трайнина, что в отдельных случаях необходимость цели как элемента состава определяется общим характером состава [4, с. 104], особенно если он относится к бланкетному. Как верно подмечает А. П. Козлов, некоторые составы сформулированы так, что главнымотягчающим ответственность свойством выступает не субъективный момент, а объективный, в частности, крупный размер, однако желание отграничить преступления друг от друга по объективным признакам приводит законодателя к отражению данных объективных признаков через субъективный момент — цель [5, с. 76]. Используя сущностно-правовой подход, можно установить следующее: в п. 3 ст. 1 Федерального закона № 171-ФЗ законодатель указывает, что действие настоящего Федерального закона не распространяется на деятельность физических лиц, производящих продукцию, содержащую этиловый спирт, не в целях сбыта. Следовательно, лицензированию подлежит только производство в целях сбыта. Таким образом, цель фактически институционализируется в диспозиции статьи посредством бланкетного механизма, т. е. путем правоприменительной терминологической экстраполяции из указанного Федерального закона в уголовно-правовую норму.

Несмотря на фактическую институционализацию цели, в диспозиции анализируемой уголовно-правовой нормы своего отражения ни в названии, ни в диспозиции статьи она не нашла. В связи с чем отсутствие нормативного учета цели порождает разногласия в правоприменительной практике, а также это стало предметом оживленных дискуссий в научном сообществе.

Например, по мнению И. А. Белецкого, буквальное толкование диспозиции ч. 1 ст. 171³ УК РФ позволяет правоприменителю заключить, что ответственность может наступать за отдельные альтернативные действия, не представляющие собой оборота, т. е. взаимосвязанные действия, направленные на получение прибыли [6, с. 267]. М. Г. Жилкин полагает, что отсутствие цели сбыта в диспозиции комментируемой нормы не имеет существенного значения,

поскольку бутлегеры, как правило, занимаются незаконной деятельностью, стремясь получить доход, а без сбыта продукции этого достичь невозможно [7, с. 32]. Согласимся отчасти с указанными мнениями по следующим основаниям: 1) законодатель, отнеся данную норму как специальную по отношению к ст. 171 УК РФ, фактически включил в нее цель — извлечение прибыли, которое для бутлегеров без сбыта данной продукции невозможно, и намеренно не включил ее в диспозицию статьи. Все альтернативные действия, составляющие незаконный оборот, должны быть объединены единой целью — извлечение прибыли от действия, входящего в оборот продукции; 2) не закрепив цель в диспозиции статьи, законодатель породил плюрализм подходов к ее определению и закреплению в процессуальных документах, что подтверждается результатами следующих исследований.

Так, по итогам опроса 63 сотрудников судебной и правоохранительной систем установлено, что у 50,8% возникали трудности при квалификации преступления по ст. 171³ УК РФ из-за отсутствия цели сбыта в диспозиции статьи. Кроме того, один из респондентов указал, что для исследуемого состава не обязательно установление цели сбыта, так как основу составляет совершение преступления без соответствующей лицензии. Согласимся с приведенной выше позицией И. А. Белецкого о том, что правоприменителем диспозиция исследуемого состава может трактоваться буквально. Однако данную позицию поддержало наименьшее количество опрошенных. Следует подчеркнуть, что, несмотря на верное толкование правоприменителем обязательного наличия цели сбыта, больше половины респондентов сталкивались с проблемами из-за ее отсутствия в уголовно-правовой норме. Данный факт указывает на особенности описания признаков субъективной стороны в исследуемом составе преступления и необходимость соответствующего реагирования со стороны законодателя.

В свою очередь, на вопрос «Указываете ли вы цель сбыта продукции в своих процессуальных документах?» были получены следующие ответы: 33,3% опрошенных ответили — да, указываю, что незаконный оборот продукции осуществлялся для обязательной цели сбыта; 22,2% — да, указываю, что незаконный оборот продукции осуществлялся для получения материальной выгоды, что невозможно без сбыта; 20,6% — не указываю; 14,3% — не указываю, так как наличие цели не обязательно; 6,3% — не указываю, так как в диспозиции статьи цель не прописана, но считаю, что данное деяние не образует состав преступления без цели сбыта. На основании полученных ответов видим, что отсутствие законодательного закрепления таких обязательных категорий для дан-

ного состава, как извлечение прибыли и цели сбыта, порождает разногласия в правоприменительной практике и привести к привлечению к уголовной ответственности невиновного в случае квалификации деяния без наличия у лица цели последующего сбыта продукции.

Анализ 145 приговоров, вынесенных за период с января 2018 г. по июнь 2025 г., позволил прийти к выводу, что в 115 из них цель фактически выступает обязательным признаком субъективной стороны состава преступления и находит свое отражение в приговорах. Причем суды по-разному формулируют рассматриваемую цель.

1. «Г. с целью незаконного обогащения совершил закупку и хранение алкогольной продукции без соответствующей лицензии»².

2. «П., реализуя задуманное преступление по приобретению, хранению, перевозке в целях сбыта и последующей продаже алкогольной продукции, руководствуясь единым преступным корыстным умыслом»³.

3. «З., преследуя корыстную цель, направленную на незаконное обогащение, путем извлечения постоянного дохода от преступной деятельности, направленной на закупку и розничную продажу спиртосодержащей продукции, изготовленной на основе этилового спирта, без соответствующей лицензии с целью последующей продажи по более выгодной для себя цене и получения дохода в крупном размере»⁴.

4. «П. осуществил закупку, перевозку и хранение спиртосодержащей продукции с целью извлечения личной материальной выгоды»⁵.

5. «П., осознавая, что реализация контрафактной алкогольной продукции является высокодоходным видом преступной деятельности, преследуя цель незаконного обогащения»⁶.

6. «Г. с целью получения материального дохода от данной преступной деятельности»⁷.

7. «У К., осведомленного о том, что незаконная деятельность по обороту контрафактной алкогольной, спиртосодержащей продукции и контрафактных табачных изделий приносит систематически высокую прибыль, в целях незаконного обогащения из корыстных побуждений возник преступный умысел»⁸.

8. «К. с целью получения незаконной прибыли, имея преступный умысел, направленный на совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом алкогольной продукции, организовал деятельность, связанную с хранением и розничной продажей алкогольной продукции без соответствующей лицензии в крупном размере»⁹.

Резюмируя анализ данных приговоров, можно сделать вывод, что органами предварительного расследования цель указывается как обязательный результат незаконной деятельности, но единая формулировка цели незаконного оборота продукции отсутствует.

Таким образом, субъективная сторона исследуемого состава выражена виной в форме прямого умысла и специальной целью. Первостепенной целью для субъекта исследуемого состава является получение прибыли. Получение прибыли при незаконном обороте продукции возможно в двух случаях: 1) от сбыта продукции; 2) от совершения действия для лица, заинтересованного в сбыте продукции, т. е. хранение и перевозка алкогольной продукции.

Цель выступает индикатором общественной опасности данного преступления и фактически является обязательным признаком субъективной стороны. Ее отсутствие при совершении любого альтернативного действия, составляющего оборот продукции, говорит об отсутствии в действиях лица признаков исследуемого состава преступления. Большинство практических сотрудников указывают на обязательное наличие такой цели, как сбыт. Полагаем, это связано с тем, что в судебной практике значительное количество субъектов относится к бутлегерам. При совершении деяния они выполняют почти все альтернативные действия, составляющие незаконный оборот: создание продукции или ее приобретение, перевозка, хранение и непосредственно сбыт. Конечным этапом их деятельности является сбыт, который приближает их к желаемой цели, — получению прибыли. Для бутлегеров получение прибыли невозможно без сбыта контрафактной продукции. С точки зрения учения о логическом соотношении явлений можно предположить, что в формально-юридиче-

² Приговор Советского районного суда г. Красноярск от 7 июля 2020 г. по делу № 1-752/2020. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 15.06.2025).

³ Приговор Алексеевского районного суда Белгородской области от 30 ноября 2023 г. по делу № 1-136/2023. Там же.

⁴ Приговор Мариинского городского суда Кемеровской области от 26 ноября 2020 г. по делу № 1-222/2020 № 12001009510000068. Там же.

⁵ Приговор Мариинского городского суда Кемеровской области от 25 мая 2022 г. по делу № 1-130/2022. Там же.

⁶ Приговор Заводского районного суда г. Кемерово от 29 сентября 2020 г. Там же.

⁷ Приговор Минусинского городского суда Красноярского края от 3 декабря 2021 г. Там же.

⁸ Приговор Советского районного суда г. Иваново от 30 сентября 2024 г. по уголовному делу № 1-149/2024. Там же.

⁹ Приговор Свердловского районного суда г. Красноярск от 11 мая 2022 г. по уголовному делу № 1-22/2022. Там же.

ском смысле цель извлечения прибыли и цель сбыта соотносятся как общее и частное явления. Цель извлечения прибыли обязательна для всех субъектов незаконного оборота продукции, а цель сбыта присуща только бутлегерам.

Однако ни цель извлечения прибыли, ни сбыт не нашли законодательного закрепления в диспозиции уголовно-правовой нормы, что приводит к проблемам квалификации данного преступления. Представляется необходимым разработать постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами уголовных дел

о преступлениях, связанных с незаконным производством и (или) оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства», где указать на обязательное наличие цели — извлечение прибыли при осуществлении незаконного оборота продукции. При помощи аутентичного толкования это будет способствовать единообразному применению законодательства по ст. 171³ УК РФ и разрешит трудности при установлении субъективных признаков данного состава преступления.

Список источников

1. Кудрявцев В. Н. Механизм преступного поведения. М., 1981.
2. Новосельцев С. П. Особенности уголовно-процессуального доказывания формального состава преступления : учеб.-практ. пособие. Красноярск, 1999.
3. Бавсун М. В., Векленко С. В. Квалификация преступлений по признакам субъективной стороны : учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2025.
4. Трайнин А. Н. Учение о составе преступления. М., 1946.
5. Козлов А. П. Фундаментальные науки и уголовное право (вопросы понятия и соотношения) : учеб. пособие. Красноярск, 2001.
6. Белецкий И. А. Уголовная ответственность за закупку алкогольной продукции в крупном размере без цели сбыта // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : мат-лы XXII междунар. науч.- практ. конф. Красноярск, 2019. Ч. 1.
7. Жилкин М. Г. Вопросы квалификации преступлений в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции // Уголовное право. 2019. № 1.

УДК 343.9

doi: 10.24412/1999-625X-2025-499-364-373

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Новеллы правовой регламентации профилактики правонарушений органами внутренних дел

Светлана Александровна Тимко

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и профилактики преступлений¹,

✉ satimko@list.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

В статье исследуются новизна, обоснованность, практическая ценность положений приказа МВД России от 24 августа 2023 г. № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений», преемственность его содержания по отношению к нормам ранее действовавшего приказа МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений». Автор анализирует соотношение целей, задач, мер профилактики правонарушений, реализуемых сотрудниками ОВД, с организационными основами системы профилактики правонарушений, общими правилами ее функционирования, направлениями профилактики правонарушений и формами профилактического воздействия, определенными Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Выявлены недостатки и указаны возможности совершенствования сферы превентивной деятельности ведомственного нормативного правового акта — приказа МВД России от 24 августа 2023 г. № 619.

Ключевые слова: профилактика правонарушений, правовая регламентация, органы внутренних дел, субъекты профилактики, задачи профилактики, меры профилактики

Для цитирования: Тимко С. А. Новеллы правовой регламентации профилактики правонарушений органами внутренних дел // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 4(99). С. 364–373.

New Legal Regulation of Prevention of Offences by Internal Affairs' Bodies

Svetlana A. Timko

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Criminology and Prevention of Crimes¹,

✉ satimko@list.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The article examines the novelty, validity and practical value of the provisions of the Order No.619 "On Some Organizational Issues of the Work of the Internal Affairs of the Russian Federation aimed at Prevention of Offenses" issued by the Russian Ministry of Internal Affairs on August 24, 2023, continuity of its content in relation to the norms of the previously valid Order of the Russian Ministry of Internal Affairs No. 19 "On the Activities of Internal Affairs' bodies to Prevent Crimes" dated January 17, 2006. The author analyzes the ratio of goals, objectives, measures of prevention of offenses implemented by Internal Affairs' officers with organizational bases of the system of prevention of offenses, general rules of its functioning, areas of prevention of offenses and forms of preventive influence, determined by the Federal Law No. 182-FZ "On the Basis of the System for Prevention of Offences in the Russian Federation" dated June 23, 2016. The paper identifies shortcomings and outlines the possibilities of improvement of a key in the field of preventive activities of the departmental normative legal act — Order of the Russian Ministry of Internal Affairs No. 619 dated August 24, 2023.

Keywords: prevention of offences, legal regulation, law enforcement bodies, subjects of prevention, tasks of prevention, preventive measurers

Citation: Timko S. A. New Legal Regulation of Prevention of Offences by Internal Affairs' Bodies. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 4(99). Pp. 364–373 (In Russ.).

Криминальная ситуация в России и мире постоянно меняется в количественном и качественном аспектах. Не должно стагнировать и антикриминальное законодательство. При этом если материальное

и процессуальное право чутко реагируют на подобные изменения, корректируя свои нормы, то в сфере предупреждения преступности совершенствование законодательства несколько отстает от складываю-

щейся криминальной обстановки. Очень долго разрабатывался и в итоге был принят не в самой совершенной редакции базовый нормативный правовой акт в сфере предупреждения преступности — Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 182-ФЗ), 17 лет определял организационные основы предупредительной деятельности органов внутренних дел (далее — ОВД) приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (далее — приказ № 19). Инструкция, утвержденная данным приказом, формулировала понятие предупреждения преступлений органами внутренних дел, цель этой работы, закрепляла организацию деятельности по предупреждению преступлений структурными подразделениями центрального аппарата МВД России и территориальными органами МВД России, а также обязанности сотрудников отдельных подразделений ОВД по предупреждению преступлений.

24 августа 2023 г. глава МВД России генерал полиции Российской Федерации В. Колокольцев подписал приказ № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» (далее — приказ № 619). Он пришел на смену морально устаревшему и не в полной мере соответствующему современной нормативной правовой базе в сфере противодействия преступности приказу № 19. Попытаемся разобраться, что изменилось в правовой регламентации предупредительной деятельности ОВД и насколько совершенен новый документ.

I. Обратимся к наименованию.

1. В приказе № 619 акцентировано, что прописываются *организационные основы* профилактической деятельности ОВД. В приказе № 19 этого не содержалось, несмотря на то что в тексте присутствовали элементы организационных основ.

2. В приказе № 619 не указывается на профилактическую работу в отношении *правонарушений*, в приказе № 19 — преступлений. Соответственно, объект превентивного воздействия стал шире.

3. В приказе № 619 говорится о *профилактике*, в приказе № 19 — о *предупреждении*. Смысловое наполнение этих понятий неоднозначно. В нормативных правовых актах, а тем более среди научной общественности, нет единого понимания терминов «профилактика» и «предупреждение». Как справедливо пишут И. В. Хоменко и Ю. В. Деришев, «в настоящее время сложилось три основных подхода к соотношению рассматриваемых терминов: профилактика и предупреждение как тождественные понятия,

профилактическая деятельность включает в себя функцию предупреждения и предупредительная деятельность выступает родовым понятием для функции профилактики» [1, с. 108]. Аналогичную проблему поднимают Д. А. Гришин [2, с. 92], Г. Г. Смирнов [3, с. 12], С. С. Симонова [4, с. 17] и др. В рамках данной статьи считаем нецелесообразным углубляться в анализ этих терминов, однако отметим, что предупреждение, на наш взгляд, более объемное понятие, включающее в себя профилактику как одну из форм превентивной работы (наряду с предотвращением и пресечением).

Федеральный закон № 182-ФЗ (единственный в числе правовых источников) в п. 2 ч. 1 ст. 2 определил профилактику правонарушений как «... совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения». Этот закон — один из базовых источников, на которых строится превентивная работа полицейских. Поэтому закрепление положений данного закона и использование ведомством в приказе № 619 аналогичной терминологии выглядит логичным. Приказ № 619, отсылая к Федеральному закону № 182-ФЗ, не дублирует определение, указывая, что профилактика преступлений и административных правонарушений является приоритетным направлением деятельности ОВД.

II. Указанное выше понятие профилактики правонарушений, предлагаемое Федеральным законом № 182-ФЗ, является универсальным для субъектов профилактики и лиц, участвующих в профилактике. Оно включает в себя общесоциальный, специально-криминологический и индивидуальный уровни этой работы. Деятельность же ОВД намного уже и осуществляется на специально-криминологическом и индивидуальном уровнях. Определение предупреждения преступлений ОВД, которое было прописано в приказе № 19: «... деятельность служб, подразделений и сотрудников органов внутренних дел, осуществляемая в пределах их компетенции, направленная на недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказания профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением», представляется более удачным, акцентирующим внимание на специфике деятельности сотрудников полиции.

Важным недочетом обоих приказов видится акцент лишь на профилактику антиобщественного, противоправного поведения. Неосторожность, неосмо-

трительность жертв преступлений нередко становятся условиями, а иногда и причинами преступлений. Об этом свидетельствует анализ правоприменительной практики, результаты многочисленных криминологических исследований¹ [5, с. 34; 6, с. 19], экспертное мнение сотрудников полиции². Поэтому все большую значимость приобретает виктимологическая профилактика. Более того, полицейские говорят о том, что виктимологической профилактике в настоящее время они нередко уделяют больше внимание, чем традиционной (в отношении девиантов). Определяя профилактику правонарушений в Федеральном законе № 182-ФЗ, корректнее было бы говорить о воспитательном воздействии на лиц «... в целях недопущения совершения правонарушений, антиобщественного или *виктимного* поведения».

III. Приказ № 19 закреплял цель предупреждения преступлений органами внутренних дел, а именно: защиту личности, общества, государства от преступных посягательств, обеспечение сдерживания и сокращения преступности.

Ни Федеральный закон № 182-ФЗ, ни приказ № 619 четко цель профилактики правонарушений не сформулировали. Можно, конечно, предположить, что законодатель упомянул ее в понятии профилактики правонарушений — «совокупность мер ... направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению

правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц *в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения*» (п. 2 ст. 2 Федерального закона № 182-ФЗ).

Однако не совсем понятно, к чему относится данная фраза — к воспитательному воздействию на лиц? Тогда это не цель профилактики в целом. Ко всей фразе? Тогда такая цель слишком узка, так как профилактика осуществляется не только в отношении конкретных лиц, склонных к девиантному или правонарушающему поведению, но и факторов окружающей действительности, а также потенциальных и реальных жертв.

Представляется, что такой базовый элемент любой деятельности, как ее цель, непременно должен быть неотъемлемым атрибутом ее организационных основ. Формулировка, которая присутствовала в приказе № 19, вполне полная и лаконичная и могла бы быть перенесена в приказ № 619 с добавлением указанной выше виктимологической составляющей.

IV. Переработаны задачи предупреждения (в настоящее время — профилактики), которые решают субъекты ведомственной системы профилактики в пределах своей компетенции. Их сравнительная характеристика представлена в таблице.

Четыре задачи остались почти неизменными (пп. 1–4 таблицы).

Таблица. Задачи предупреждения преступлений (профилактики правонарушений), закрепленные приказами № 19 и № 619

№	Приказ № 19	Приказ № 619
1	Выявляют и анализируют причины и условия, способствующие совершению преступлений, принимают меры по их устранению	Выявляют и анализируют причины, порождающие правонарушения, и условия, способствующие совершению правонарушений или облегчающие их совершение, принимают в пределах своих полномочий меры по их устранению или нейтрализации
2	Устанавливают лиц, осуществляющих приготовление к преступлению и (или) покушение на преступление, и принимают меры по пресечению их противоправной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации	Выявляют лиц, подготавливающих правонарушения, принимают к ним меры в соответствии с законодательством Российской Федерации
3	Привлекают к работе по предупреждению преступлений общественные объединения правоохранительной направленности и граждан	Обеспечивают привлечение граждан, общественных объединений и иных организаций для оказания помощи (содействия) в рамках реализации своих прав в сфере профилактики правонарушений, информируют граждан о способах защиты от противоправных посягательств

¹ URL: <https://izron.ru/articles/aktualnye-problemy-yurisprudentsii-i-puti-resheniya-sbornik-nauchnykh-trudov-poitogam-mezhdunarodno-sektsiya-6-ugolovnoe-pravo-i-kriminologiya-ugolovno-ispolnitelnoe-pravo/viktimologicheskaya-kharakteristika-poterpevshikh-ot-moshennichestva/> (дата обращения: 28.08.2024).

² Было опрошено 189 сотрудников ОВД (участковых уполномоченных полиции, сотрудников патрульно-постовой службы полиции, подразделений по делам несовершеннолетних, Госавтоинспекции, уголовного розыска, следователей, дознавателей) из 11 регионов, проходивших обучение по дополнительным профессиональным программам повышения квалификации в 2020–2021 гг. на факультете заочного обучения, переподготовки и повышения квалификации, а также получающих высшее образование по заочной форме в Омской академии МВД России. 3/4 респондентов уверены, что способствующая роль жертвы присутствует в 50–70% совершенных преступлений.

№	Приказ № 19	Приказ № 619
4	Осуществляют контроль (надзор) за соблюдением лицами установленных для них в соответствии с законодательством запретов и ограничений	Обеспечивают в установленном порядке надзор (контроль) за лицами, противоправные и антиобщественные деяния которых дают основания в соответствии с законодательством Российской Федерации проводить в отношении них такие мероприятия и принимать меры правового воздействия для предупреждения совершения ими правонарушений
5	Выявляют и ставят на профилактические учеты лиц, имеющих намерение совершить преступление	—
6	Предупреждают безнадзорность и правонарушения несовершеннолетних	—
7	—	Осуществляют меры по обеспечению безопасности граждан от противоправных посягательств на улицах и в иных общественных местах, объектах транспорта и транспортной инфраструктуры, а также имущественной безопасности всех форм собственности от преступных посягательств

В задаче привлечения граждан, общественных объединений и иных организаций для оказания помощи в сфере профилактики правонарушений добавлено также информирование граждан о способах защиты от противоправных посягательств (п. 3 таблицы). Это, по сути, небольшое упоминание о виктимологической профилактике, однако недостаточное, поскольку информирование о способах защиты от посягательств может являться одной из мер виктимологической профилактики, но никак не задачей.

Не стало в перечне задач предупреждения безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (п. 5 таблицы), теперь это закреплено как направление профилактической деятельности.

Не рассматривается в настоящее время в качестве задачи выявление и постановка на профилактические учеты лиц, имеющих намерение совершить преступление (п. 6 таблицы). Данная задача, действительно, носила весьма узкий характер, так как индивидуального профилактического воздействия требуют не только лица, имеющие намерение совершить преступление или его подготавливающие, но и склонные к совершению преступлений (например, семейные дебоширы). В связи с этим задачу профилактики правонарушений, закрепленную приказом № 619 (выявляют лиц, подготавливающих правонарушения, принимают к ним меры в соответствии с законодательством Российской Федерации), целесообразно было бы сформулировать следующим образом: «*выявляют лиц, от которых можно ожидать совершения правонарушения, принимают к ним меры в соответствии с законодательством Российской Федерации*». Это отражало бы такое направление профилактики правонарушений, как «развитие системы профилактического учета лиц, склонных к совершению правонарушений» (п. 3 ч. 1 ст. 6 Федерального закона № 182-ФЗ и п. 3 перечня направлений профилактики приказа № 619).

Отражением одновременно четырех направлений профилактики (охрана общественного порядка, в том числе при проведении спортивных, зрелищных и иных массовых мероприятий (п. 4 ч. 1 ст. 6 Федерального закона № 182-ФЗ и п. 4 перечня направлений профилактики приказа № 619), обеспечение общественной безопасности, в том числе безопасности дорожного движения и транспортной безопасности (п. 5 ч. 1 ст. 6 Федерального закона № 182-ФЗ и п. 5 перечня направлений профилактики приказа № 619), противодействие терроризму и экстремистской деятельности, защита потенциальных объектов террористических посягательств, в том числе критически важных и (или) потенциально опасных объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения, а также мест массового пребывания людей (п. 8 ч. 1 ст. 6 Федерального закона № 182-ФЗ и п. 8 перечня направлений профилактики приказа № 619), обеспечение защиты и охраны частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности (п. 10 ч. 1 ст. 6 Федерального закона № 182-ФЗ и п. 10 перечня направлений профилактики приказа № 619)) стала задача профилактической работы, закрепленная приказом № 619 — осуществление мер по обеспечению безопасности граждан от противоправных посягательств на улицах и в иных общественных местах, объектах транспорта и транспортной инфраструктуры, а также имущественной безопасности всех форм собственности от преступных посягательств.

В качестве недостатка, опять же, упомянем об отсутствии в новом приказе задачи виктимологической профилактики, осуществляемой полицейскими. Она могла бы быть сформулирована так: «*минимизация криминальной виктимности отдельных лиц и населения в целом*».

Кроме того, нужно помнить: задачи профилактики характеризуют, что конкретно нужно выполнить для достижения цели, включая в себя комплекс тех или иных профилактических мер. Они носят об-

щий, унифицированный для субъектов ведомственной профилактики характер. Опираясь на нормативные правовые акты и фактически осуществляемую сегодня сотрудниками ОВД деятельность, считаем целесообразным перечень задач профилактики дополнить следующими:

— *информирование граждан о деятельности ОВД (полиции) по профилактике правонарушений.* Такое информирование осуществляется и с использованием традиционных средств массовой информации (далее — СМИ) (например, в информационных выпусках, публицистических передачах), и все больше работа ведется в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на официальных страницах МВД России и в аккаунтах социальных сетей.

Включение в приказ № 619 этой задачи соответствовало бы Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее — Закон о полиции) (ст. 8 «Открытость и публичность»); Федеральному закону № 182-ФЗ (ст. 31 «Информационное обеспечение профилактики правонарушений»); Указу Президента РФ от 10 августа 2011 г. № 1060 «Об утверждении Перечня информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации, размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети Интернет», соотносилось с приказом МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (раздел VII «Отчет перед населением») и пр.;

— *взаимодействие в предупредительной деятельности с другими субъектами профилактики и лицами, участвующими в профилактике правонарушений.* Без внутреннего взаимодействия (между подразделениями ведомства), а также внешнего (с физическими и юридическими лицами за рамками МВД России) осуществление профилактики иногда проблематично, а иногда и невозможно. Взаимодействие обеспечивается многими законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и МВД России. Например, Закон о полиции (ст. 9 «Общественное доверие и поддержка граждан» и ст. 10 «Взаимодействие и сотрудничество», п. 6 ч. 1 ст. 12 «Обязанности полиции» и др.); Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» (далее — Федеральный закон № 44-ФЗ); Федеральный закон № 182-ФЗ (ст. 5 «Субъекты профилактики правонарушений», глава 2 «Полномочия, права и обязанности субъектов профилактики правонарушений и лиц, участвующих в профилактике правонарушений»); постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345 «Об утверждении

государственной программы Российской Федерации „Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности“»; приказ Минздрава России от 24 июня 2021 г. № 664н «Об утверждении порядка информирования медицинскими организациями органов внутренних дел в случаях, установленных пунктом 5 части 4 статьи 13 Федерального закона „Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации“»; приказ Минюста России, МВД России от 4 октября 2012 г. № 190/912 «Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений»³ и пр.;

— *разработка и совершенствование нормативной правовой основы профилактики правонарушений (концепций, программ, федеральных законов, ведомственных нормативных правовых актов).* Не требует подтверждения тот факт, что нормативные правовые акты, в том числе в сфере профилактики правонарушений, часто корректируются, а иногда складывающаяся криминальная ситуация требует установления новых правовых предписаний или запретов. Например, в Федеральный закон № 44-ФЗ изменения вносились уже трижды;

— *перманентный мониторинг эффективности профилактической работы, осуществляемой ОВД, и ее коррекция.* Решение этой задачи необходимо, чтобы реализуемые профилактические мероприятия отвечали принципам своевременности, объективности, достаточности и последовательности. Анализ оперативной обстановки, состояния правонарушений и эффективности противодействия им, в том числе и профилактики, во всех подразделениях ОВД осуществляется постоянно. Этого требуют, например, Федеральный закон № 182-ФЗ (ст. 32 «Мониторинг в сфере профилактики правонарушений»), приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации».

V. Для приведения правового регулирования ведомственной профилактики в соответствие вышестоящим источникам из Федерального закона № 182-ФЗ в приказ № 619 были включены 13 из 16 направлений профилактики правонарушений. Исключением стали отнесенные к компетенции других субъектов профилактики обеспечение экологической безопасности и охрана окружающей среды; обеспечение пожарной безопасности; предупреждение, ликвидация и (или) минимизация последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (пп. 13–15 ч. 1 ст. 6 Федерального закона № 182-ФЗ).

³ Приказ в силу не вступил.

VI. Приказ № 19 содержал перечень обязанностей, которые возложены на сотрудников отдельных подразделений органов внутренних дел по предупреждению преступлений.

В приказе № 619 такого перечня не имеется, в нем указывается, что «подразделения центрального аппарата МВД России, территориальные органы МВД России и организации, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на органы внутренних дел Российской Федерации, участвуют в профилактике правонарушений в пределах своей компетенции...». Безусловно, это разумное решение, поскольку детальная регламентация профилактической деятельности содержится в специализированных нормативных правовых актах⁴ и какой-то унифицированный перечень будет априори неполным. К тому же в законодательные и иные нормативные правовые акты Российской Федерации и МВД России часто вносятся коррективы, принимаются новые нормативные правовые акты, регламентирующие рассматриваемую деятельность, и единый перечень обязанностей требовал бы постоянной доработки.

Обязанности по предупреждению преступлений в приказе № 619 заменены на меры, которые реализуют субъекты ведомственной системы профилактики при осуществлении профилактики правонарушений в пределах своей компетенции: меры по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений, меры административного, уголовного, уголовно-процессуального характера, меры оперативно-розыскного характера и организационно-методические меры. Их содержание определено преимущественно формами профилактического воздействия, закрепленными ст. 17 Федерального закона № 182-ФЗ.

Остановимся на мерах профилактики подробнее.

1. Меры по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений.

Три из них касаются внесения представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения. Ранее в приказе № 19

эта обязанность была закреплена лишь за сотрудниками ГИБДД (в настоящее время — ГАИ), дознания и следственных подразделений.

Как самостоятельная мера появилось предусмотренное приказом МВД России от 4 марта 2020 г. № 119 объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения⁵. В ранее действовавшем приказе № 19 эта обязанность не закреплялась.

К рассматриваемой группе мер отнесено выступление СМИ по вопросам предупреждения правонарушений и происшествий, издание печатной продукции, распространение и разъяснение информации о способах и средствах правомерной защиты от преступных и иных посягательств среди различных групп населения, оказание гражданам бесплатной юридической помощи в виде правового консультирования в устной и письменной формах. Эта мера объединила в себе такие формы профилактического воздействия, определенные в Федеральном законе № 182-ФЗ, как «правовое просвещение и правовое информирование» и «помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми». Однако осталось непонятным, почему речь идет только о выступлениях в СМИ, распространении печатной продукции? Ведь современные исследования показывают, что население, в особенности молодого возраста, все больше получает интересующие их сведения, знакомится с новостным контентом в сети Интернет. Да и сам термин «предупреждение» используется здесь как равнозначный «профилактике». Или речь идет о предупреждении как направлении профилактики (п. 2 перечня направлений профилактики приказа № 619)?

В блоке мер по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений, оказались также организация и проведение в установленном порядке комплексных оперативно-профилактических операций и оперативно-профилактических мероприятий. Ранее приказ № 19, говоря об организации деятельности по предупреж-

⁴ См. напр.: *О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности* : приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; *Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации* : приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 ; *Об утверждении Наставления по организации деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел* : приказ МВД России от 27 ноября 2023 г. № 908 ; *Об утверждении Наставления по организации деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по пропаганде безопасности дорожного движения* : приказ МВД России от 29 декабря 2018 г. № 903.

⁵ *О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения* : приказ МВД России от 4 марта 2020 г. № 119.

дению преступлений территориальных органов МВД России на районном уровне, также предписывал проведение комплексных и целевых оперативно-профилактических мероприятий по предупреждению преступлений и улучшению криминогенной обстановки.

Вызывает сомнение такая мера, как «привлечение граждан, общественных объединений и иных организаций к работе по профилактике правонарушений и охране общественного порядка». Во-первых, она заявлена в приказе № 619 как задача; во-вторых, далее сформулирована весьма похожая мера: «осуществление взаимодействия с ... гражданами, общественными объединениями и иными организациями, оказывающими помощь (содействие) субъектам ведомственной системы профилактики в рамках реализации своих прав в сфере профилактики правонарушений». Речь, по сути, идет об одном и том же. Более логично реализацию указанной задачи «привлечение граждан, общественных объединений и иных организаций для оказания помощи (содействия) в рамках реализации своих прав в сфере профилактики правонарушений...» представить следующей мерой: *«организация и координация участия граждан в информировании органов внутренних дел о правонарушениях и об угрозах общественному порядку; в мероприятиях по охране общественного порядка по приглашению органов внутренних дел (полиции) и иных правоохранительных органов; в охране общественного порядка при проведении спортивных, культурно-зрелищных и иных массовых мероприятий по приглашению их организаторов; в работе координационных, консультативных, экспертных и совещательных органов (советов, комиссий) по вопросам охраны общественного порядка, создаваемых в органах внутренних дел (полиции), по их приглашению, а также оказывать иное содействие органам внутренних дел (полиции) в соответствии с законодательством Российской Федерации»*. Такая формулировка не являлась бы дублированием задачи и позволила бы соотносить эту меру с положениями Федерального закона № 44-ФЗ.

Обоснованно включение в рассматриваемую группу мер организации и проведения комплексных оперативно-профилактических операций и оперативно-профилактических мероприятий, направленных на снижение остроты криминогенной обстановки на соответствующей территории, на объектах и в отраслях экономики.

2. Меры административного, уголовного, уголовно-процессуального характера, применение которых обусловлено реализацией норм материального и процессуального права в административной и уголовной сферах.

Часть 1 ст. 3.1 КоАП РФ закрепляет, что «административное наказание ... применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами». Административное судопроизводство согласно п. 4 ст. 3 Кодекса административного судопроизводства РФ одной из задач определяет «... предупреждение нарушений в сфере административных и иных публичных правоотношений». На основании ч. 2 ст. 43 УК РФ наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. УПК РФ не содержит прямого указания на предупредительный характер досудебного и судебного производства по делу, однако некоторые действия должностных лиц в ходе производства по делу имеют именно такое предназначение. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 158 УПК РФ, «установив в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона. Данное представление подлежит рассмотрению с обязательным уведомлением о принятых мерах не позднее одного месяца со дня его вынесения».

Обратим внимание, что вынесение указанного выше представления предусмотрено именно уголовно-процессуальным законодательством. Однако в блок мер административного, уголовного, уголовно-процессуального характера приказ № 619 поместил лишь реализацию (привлечение к административной ответственности) в установленном порядке должностными лицами, осуществляющими контроль за выполнением организациями или должностными лицами представлений об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений или других нарушений закона, информации об их невыполнении (п. 4.2.3 приказа № 619).

Вся остальная деятельность сотрудников ОВД, сопровождающая вынесение указанного представления, нашла свое отражение в перечне мер по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений (пп. 4.1.1–4.1.3 приказа № 619). Это обоснованный подход, поскольку выносить такое представление уполномочены не только лица, производящие расследование или судебное разбирательство по делу.

Нормы административного и уголовного законодательства служат общей и частной превенции. Закрепление деяний в качестве правонарушающих (преступных) и установление ответственности за их

совершение выполняет роль общей превенции, удерживая значительную часть граждан от совершения противоправных деяний. Однако некоторая часть населения нуждается в более интенсивном профилактическом воздействии. Для них предусмотрены специфические меры воздействия. К ним относится в том числе привлечение к административной или уголовной ответственности. Яркий пример — нормы так называемой «двойной превенции». Для более дифференцированного подхода к девиантам законодатель предусматривает административную преюдицию. Поэтому в рассматриваемую группу мер (мер административного, уголовного, уголовно-процессуального характера) следовало бы включить *деятельность ОВД по привлечению лиц, совершивших правонарушения, к административной или уголовной ответственности*.

3. Меры оперативно-розыскного характера реализуются в рамках практически всех направлений профилактики преступлений.

В приказе № 19 оперативно-розыскная профилактика содержалась в разделе, закрепляющем обязанности сотрудников подразделений уголовного розыска по предупреждению преступлений. Преимущественно они касались осуществления оперативно-розыскных мероприятий в отношении определенных категорий лиц и обмена информацией с сотрудниками иных подразделений. Учитывая иное построение приказа № 619, становится очевидным, что решение задач профилактики противоправных деяний уголовный розыск осуществляет не только посредством мер оперативно-розыскного характера, но и иных: мер по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений (например, участвуя в целевых оперативно-профилактических операциях), организационно-методических мер (например, осуществляя обмен информацией). Структура приказа № 619 позволила учесть это.

В то же время считаем необходимым высказать некоторые суждения относительно содержания указанной группы мер.

Отправным моментом любой профилактической работы является получение необходимой информации. Специфика оперативно-розыскной профилактики, как справедливо указывает С. С. Овчинский, заключается в обязательном осуществлении оперативного наблюдения за лицами с высокой степенью вероятности совершения преступления; оперативной осведомленности о подучетном контингенте лиц, способных встать на путь совершения преступлений, допускающих антиобщественное поведение и испытывающих негативное влияние де-

структивных элементов; фиксации и анализе среды жизнедеятельности местных криминально активных жителей; негласной проверке на причастность к совершенным преступлениям категории лиц, находящихся под оперативным наблюдением (либо имеющих признаки лиц, находящихся в розыске); изучении отдельных категорий лиц, представляющих оперативный интерес в связи с их кругом общения, образом жизни, поведения, прошлого, для получения оснований к применению мер профилактики [7, с. 480]. В связи с этим целесообразно в число мер оперативно-розыскного характера включить, прежде всего, *«обеспечение оперативных позиций на конкретных объектах, в криминогенной среде»*, а также *«оперативное наблюдение и контроль за поведением профилактируемых лиц»*.

Обеспечению соответствия задачам профилактики правонарушений способствовало бы включение такой меры оперативно-розыскного характера, как *привлечение граждан к оказанию содействия на конфиденциальной основе*⁶.

А вот целесообразность нахождения в рассматриваемом блоке мер выявления лиц, вовлекающих несовершеннолетних в преступную деятельность, и своевременное принятие к ним мер правового воздействия вызывает сомнения. Во-первых, эта деятельность по своему содержанию ближе к мерам по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений. Во-вторых, она реализуется не только посредством оперативно-розыскных мер сотрудниками уголовного розыска, но и сотрудниками иных подразделений ОВД (например, подразделений по делам несовершеннолетних, патрульно-постовой службы полиции, участковых уполномоченных полиции). В-третьих, рассматриваемая мера достаточно узка, вряд ли ее следует выделять отдельно, тем более что задача, касающаяся предупреждения безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, которая устанавливалась приказом № 19, в приказе № 619 отсутствует.

4. Организационно-методические меры направлены на построение эффективного функционирования субъектов ведомственной системы профилактики правонарушений, обеспечение обмена информацией, взаимодействие, координацию их работы.

Организация предупредительной деятельности в приказе № 19 предусматривала полномочия управленческого, методического, координационного, информационного, аналитического, законотворческого, пропагандистского характера. Нужно сказать, что концептуально его содержание в большей степени соответствовало положениям главы 4 Федерального закона № 182-ФЗ. В данной главе предусмотрены ор-

⁶ Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ст. ст. 17–18).

ганизационные основы функционирования системы профилактики правонарушений путем закрепления программной и информационной основ функционирования системы профилактики правонарушений, координации в сфере профилактики правонарушений, информационного обеспечения профилактики правонарушений и мониторинга в этой сфере. Соответственно, эти положения должны лечь в основу организационно-методических мер, включенных в приказ № 619.

Приказ № 619 определил меры по анализу оперативной обстановки и выработке управленческих решений, обмену информацией, участию в разработке и реализации мероприятий в сфере профилактики правонарушений, анализу профилактической деятельности и регламентирующих ее нормативных правовых актов. Не уделено внимание координации деятельности в сфере профилактики, информационному обеспечению профилактической деятельности. Нужно сказать, что в блоке мер по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений, речь шла о выступлениях в СМИ по вопросам предупреждения правонарушений и происшествий. Но назначение такой информационной работы было именно в непосредственном воздействии на детерминанты преступности. В организационных основах информационное сопровождение имеет более широкую направленность: формирование позитивного имиджа ОВД, обеспечение общественной поддержки и доверия граждан, публичности, открытости полицейской деятельности.

Одной из мер является «участие в пределах компетенции в разработке и реализации мероприятий в сфере профилактики правонарушений, предусмотренных государственными программами Российской Федерации, федеральными целевыми программами, межгосударственными программами, национальными проектами (программами), федеральными и ведомственными проектами, а также документов планирования по профилактике преступности либо пресечению отдельных преступлений». Исходя из буквального толкования, закреплена только разработка документов планирования, мероприятий, предусмотренных различными программами, но не идет речи о разработке (и участии в разработке) самих программ профилактики правонарушений.

Незавершенной представляется и такая мера, как «изучение и обобщение практики применения законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации по проблемам профилактики правонарушений, проведение анализа реализации полномочий в сфере профилактики правонарушений». Для чего осуществляется это изучение и обобщение? Для соответствующей корректировки правовой регламентации и совершенствования правоприменительной деятельности. Соответственно, следовало бы дополнить указанную меру следующей фразой: «... и разработка предложений по совершенствованию деятельности по профилактике правонарушений и ее правового регулирования».

Резюмируя сказанное, считаем важным акцентировать внимание на следующих моментах. Необходимость издания ведомственного приказа, регламентирующего организацию предупредительной деятельности, назрела давно. Приказ № 19, определявший концептуальные основы профилактики преступлений сотрудниками ОВД, перестал отвечать криминальной обстановке и требованиям современных нормативных правовых актов в сфере профилактики правонарушений. Приказ № 619 стал преемником приказа № 19, учтя положения Федерального закона № 182-ФЗ и ряда других законов и подзаконных нормативных правовых актов. Его ценность для практической деятельности ОВД неоспорима. Однако некоторые аспекты, на взгляд автора, требуют корректировки.

В частности, в приказе не приведено понятия профилактики правонарушений, осуществляемой ОВД. Четко не сформулирована цель профилактики правонарушений, осуществляемой ОВД. Неполно представлены задачи профилактики. Практически не отражена в задачах, мерах профилактики весьма актуальная для сегодняшней криминальной обстановки и широко реализуемая полицейскими превентивная работа с потенциальными и реальными жертвами правонарушений — виктимологическая профилактика. Объединенные в четыре группы меры профилактики, реализуемые ведомственными субъектами профилактики, должны быть дополнены, чтобы соответствовать заявленным в приказе задачам профилактики и реализуемой на практике профилактической деятельности.

Список источников

1. Хоменко И. В., Деришев Ю. В. Понятия и соотношение функций профилактики и предупреждения преступлений следователем // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 1.
2. Гришин Д. А. Предупреждение преступности: разграничение используемой терминологии // Закон и право. 2020. № 7.
3. Смирнов Г. Г. Проблемы развития и реализации криминологического учения о предупреждении преступности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

4. *Симонова С. С.* Теория и практика профилактики преступлений : учеб. пособие. Волгоград, 2022.
5. *Ильяшенко А. Н., Шмарион П. В.* Типология лиц, пострадавших от насильственных преступлений в семье // *Российский следователь*. 2005. № 7.
6. *Соловей Т. И.* Криминологическая характеристика личности потерпевших от сексуальных посягательств на малолетних и несовершеннолетних // *Вопросы ювенальной юстиции*. 2007. № 2.
7. *Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник*. 5-е изд., испр. и доп. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. К. К. Горяинова, д-ра юрид. наук В. С. Овчинского. М., 2021.

УДК 343.97

doi: 10.24412/1999-625X-2025-499-374-379

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Классификация криминальных угроз для несовершеннолетних в цифровом пространстве

Елена Михайловна Тимошина

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра № 1¹,

✉ emtimoshina@rambler.ru

¹ ВНИИ МВД России (Москва, Россия)

Глобальное влияние цифрового пространства на многие сферы жизни человека серьезно отразилось в противоправной деятельности, а значит, требует анализа, научного осмысления и систематизации происходящих процессов и явлений. В целях систематизации и организации знаний в исследуемой области, приведения их в удобный для анализа и изучения вид автором разработана классификация существующих в цифровом пространстве криминальных угроз для несовершеннолетних в зависимости от их общественной опасности: относящиеся непосредственно к преступным посягательствам; относящиеся к административным правонарушениям, которые могут рассматриваться как криминогенные факторы; относящиеся к деструктивным проявлениям, которые несут в себе криминальный потенциал. Представленная классификация как метод научного исследования явилась результатом таких этапов научного познания, как сбор и описание самостоятельно полученных данных, их объяснение и систематизация.

Ключевые слова: криминальные угрозы, несовершеннолетние, цифровое пространство, классификация, преступные посягательства

Для цитирования: Тимошина Е. М. Классификация криминальных угроз для несовершеннолетних в цифровом пространстве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 4(99). С. 374–379.

Classification of Criminal Threats to Juveniles in the Digital Space

Elena M. Timoshina

Candidate of Science (in Law), leading researcher of Science and Research Centre No.1¹,

✉ emtimoshina@rambler.ru

¹ All-Russian Research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

The global impact of digital space on many areas of human life has been seriously reflected in illegal activities, and, therefore, requires analysis, scientific understanding and systematization of current processes and phenomena. In order to streamline and organize knowledge in the field under study, bring it into a form applicable for analysis and study, the author has developed a classification of criminal threats to juveniles existing in the digital space according to their public danger: relating directly to criminal offences; relating to administrative offences which may be considered as criminogenic factors; relating to destructive manifestations which have a criminal potential. The presented classification as a method of scientific research is the result of such stages of scientific cognition as collection and description of self-generated data, their explanation and systematization.

Keywords: criminal threats, juveniles, digital space, classification, criminal encroachments

Citation: Timoshina E. M. Classification of Criminal Threats to Juveniles in the Digital Space. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 4(99). Pp. 374–379 (In Russ.).

Цифровое пространство представляет собой уникальное явление, не имеющее исторических аналогов. Возникнув лишь в начале XXI в. и получив бурное развитие, в настоящее время оно затрагивает многие значимые сферы человеческой жизни. Изучение влияния цифрового пространства на человека

не успевает охватывать активно меняющиеся процессы и явления. Одно из наиболее значимых направлений научного анализа связано с исследованием криминальных угроз.

Цифровое пространство понимается нами как часть информационного пространства¹, существо-

¹ Информационное пространство — это совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и необходимой информационной инфраструктуры (см.: *О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы* : указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

вание которого обеспечивается информационными технологиями (далее — ИТ)² и информационно-телекоммуникационными сетями (далее — ИТКС)³.

Цифровое пространство характеризуется непрекращающимися изменениями и невозможностью полной его изоляции от человека, активно вовлеченного в социальные процессы. Объективная реальность современной жизни такова, что все люди в той или иной степени уже включены в цифровое пространство и этому процессу практически невозможно сопротивляться. Особенно активно этому подвержены несовершеннолетние. Согласно результатам исследования Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ показатели вовлеченности в цифровое пространство данной возрастной группы являются самыми высокими среди всех остальных групп⁴.

Глобальные характеристики цифрового пространства требуют научной систематизации происходящих в нем процессов и явлений. Не стала исключением и криминальная сфера. Применяемый в исследовании метод классификации «является одним из важнейших методов научного познания, осмысления и описания закономерностей окружающего мира, а также формой так называемого контролируемого познания и одной из опор эмпирического знания, который используется для упорядочения знаний» [1, с. 251].

Изучение криминальных угроз, связанных с несовершеннолетними в цифровом пространстве, позволило сделать вывод о возможности их классификации по различным основаниям (по объекту и направленности посягательств, по способам воздействия, по источникам их криминального финансирования и видам материальной заинтересованности преступников, по масштабу причиненного вреда и др.). В основу представленной в статье классификации положена степень общественной опасности криминальных угроз, которые позволяют упорядочить исследуемое явление путем их деления на устойчивые группы [2, с. 280].

В зависимости от общественной опасности криминальные угрозы для несовершеннолетних

в цифровом пространстве можно распределить на три группы:

- угрозы, относящиеся непосредственно к преступным посягательствам;
- угрозы, относящиеся к административным правонарушениям, которые могут рассматриваться как криминогенные факторы;
- угрозы, относящиеся к деструктивным проявлениям, которые несут в себе криминальный потенциал.

Прежде всего к криминальным угрозам для несовершеннолетних в цифровом пространстве относятся любые преступные посягательства в отношении детей, совершенные посредством ИТКС или ИТ.

В данной группе можно выделить следующие подгруппы криминальных угроз.

1. Преступления, совершенные с использованием ИТКС (включая сеть Интернет), обязательным признаком которых является склонение или вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных и антиобщественных действий как самостоятельная форма преступного деяния.

Например, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (п. «б» ч. 2, чч. 3, 4 ст. 150 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (п. «б» ч. 2, ч. 3 ст. 151 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (п. «в» ч. 2 ст. 151² УК РФ), склонение несовершеннолетнего к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (п. «а» ч. 3, ч. 4 ст. 230 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией (ч. 3 ст. 240 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции (п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ) и др.

2. Преступления, связанные с причинением или угрозой причинения вреда жизни, здоровью, половой неприкосновенности или нравственности несовершеннолетних, фактически совершенные посредством ИТКС или ИТ⁵.

Например, доведение до самоубийства (пп. «а», «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ), склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (пп. «а», «д» ч. 3, ч. 6 ст. 110¹ УК РФ), организация

² Информационные технологии — это процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов (см.: *Об информации, информационных технологиях и о защите информации* : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (далее — Федеральный закон № 149-ФЗ)).

³ Информационно-телекоммуникационная сеть — это технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники (см.: Федеральный закон № 149-ФЗ).

⁴ URL: <https://issek.hse.ru/news/837320649.html> (дата обращения: 24.03.2025).

⁵ Фактически совершенные посредством ИТКС или ИТ, т. е. независимо от наличия в диспозиции статьи указания на такой признак, как «совершенные с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет)».

деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ч. 2 ст. 110² УК РФ), угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (п. «в» ч. 2 ст. 119 УК РФ), клевета (ч. 2 ст. 128¹ УК РФ), понуждение к действиям сексуального характера (п. «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ), развратные действия (ст. 135 УК РФ) и др.

3. Действия, совершенные посредством ИТКС или ИТ, сопряженные с неправомерным использованием персональных данных несовершеннолетних.

Частично эти деяния охватываются составами преступлений, предусматривающими уголовную ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ); нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК РФ); неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ); незаконное использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения (ст. 272¹ УК РФ); нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ).

К сравнительно новому и высоколатентному криминальному явлению относятся хищение и неправомерный сбор персональных данных. Их особенность заключается в том, что общественная опасность проявляется не только в настоящее время, но и сохраняется на протяжении всей жизни потерпевшего, т. е. имеет долгосрочный эффект и непредсказуемые отдаленные криминальные последствия.

В настоящее время эта проблема имеет особую актуальность, учитывая повышенное внимание к ней криминального мира. Например, только за 11 месяцев 2024 г. Роскомнадзор зафиксировал утечку более 680 млн записей личных данных в результате почти 130 случаев распространения баз персональных данных (далее — ПД)⁶.

Информация о несовершеннолетних сегодня активно размещается в различных базах (учащихся, участников конкурсов, олимпиад, спортивных турниров, соревнований, пациентов и др.). Например, одна из самых распространенных цифровых

образовательных платформ «Сферум» предполагает предварительную регистрацию детей в социальной сети «ВКонтакте» и обработку ряда ПД. Среди указанной информации самыми востребованными для преступников могут быть биометрические данные детей (в настоящее время эти данные требуются даже для оформления социальных карт, например, для карты «Москвёнок» нужна цифровая фотография ребенка), которые невозможно изменить, а потому они позволят идентифицировать человека на протяжении его жизни. Если раньше базы ПД были разрозненными, что затрудняло преступникам сбор информации, то сейчас базы объединяются. Так, созданная недавно «Единая биометрическая система»⁷ уже аккумулирует в себе колоссальное количество биометрических данных граждан России. И в случае взлома этой базы можно будет похитить большой объем биометрических данных граждан России. Уже сейчас можно предположить, какие криминальные последствия будет детерминировать утечка ПД детей, в том числе в их взрослой жизни, а также в связи с профессиональной деятельностью. Однако бурные процессы интеграции цифрового пространства в повседневную жизнь и непрекращающееся развитие технологий, которыми могут пользоваться в преступных целях, еще более усугубляют неблагоприятные прогнозы.

Рассмотрим угрозы для несовершеннолетних в цифровом пространстве, относящиеся к административным правонарушениям, которые можно рассматривать как криминогенный фактор.

1. Административные правонарушения, совершенные посредством ИТКС, связанные с вовлечением несовершеннолетних в совершение противоправных деяний и (или) причинением вреда своему здоровью.

Например, это вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ (ст. 6.10 КоАП РФ), в участие в несанкционированных собраниях, митинге, демонстрации, шествии или пикетировании, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния (п. 1.1 ст. 20.2 КоАП РФ) и др. Так, только за первое полугодие 2024 г. по требованию Роскомнадзора владельцы ресурсов удалили 1,8 тыс. интернет-страниц с призывами к участию в несанкционированных мероприятиях⁸.

⁶ URL: <https://www.interfax.ru/russia/999584> (дата обращения: 20.03.2025).

⁷ Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ.

⁸ URL: <https://tass.ru/obschestvo/21806497> (дата обращения: 12.03.2025).

2. Распространение посредством ИТКС информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, т. е. сведений (в том числе содержащихся в информационной продукции для детей), распространение которой среди детей запрещено или ограничено в соответствии с Федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»⁹.

К таким угрозам относятся: нарушение законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию (6.17 КоАП РФ); пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола, отказа от деторождения (ст. 6.21 КоАП РФ) и др.

3. Распространяемые посредством ИТКС угрозы, относящиеся к деструктивным проявлениям, которые несут в себе криминальный потенциал.

Данную группу составляют информация и действия, официально не подпадающие под правовой запрет, но относящиеся к деструктивным проявлениям, способные сформировать у детей аморальные или противоправные взгляды и поведенческие установки, побуждающие их нарушать приемлемые правила и нормы поведения, вредить самим себе или интересам общества, создающие условия для криминализации или виктимизации несовершеннолетних. К ним относятся как известные ранее, так и новые деструктивные явления, распространяющиеся в ИТКС, которые, по сути, посягают на охраняемые законом права несовершеннолетнего на жизнь, здоровье, полноценное развитие и безопасность, но не получившие до настоящего времени статуса противоправных посягательств.

Незапрещенная деструктивная информация и деструктивные действия гораздо больше по объему, чем преступления и правонарушения, и весьма разнообразны. В их числе: публикации безнравственного содержания, опасные «челленджи»¹⁰; пропаганда антиобщественного поведения, зацепинга, опасных «квестов» (онлайн- или офлайн-игр), суицидально-депрессивного контента [3, с. 19], радикального феминизма, сатанизма, оккультизма, антисемейных ценностей, антирелигиозных взглядов, упо-

ребления опасных веществ, анорексии, «селфхарма» (самоповреждений), получения «легких» денег, жестокости, пренебрежения человеческой жизнью, «пиплхейта» (ненависти к людям), «чайлдхейта» (ненависти к детям), деструктивных жанров «аниме», «фурри»¹¹, информационное воздействие в целях подрыва доверия молодого поколения к власти.

Серьезный криминальный потенциал присущ, например, субкультуре «аниме», посредством которой распространяется информация (в том числе сериалы), пропагандирующая насилие, каннибализм, убийства, сексуальные отклонения и самоубийства. По данным экспертов, только в одной самой популярной социальной сети насчитывается свыше 200 тыс. аниме-сообществ, а охват их аудитории достигает нескольких миллионов [4]. В декабре 2024 г. Роскомнадзор заблокировал некоторые порталы с аниме-контентом (сайты: jut.su, animego.org, amedia.site, YummyAnime) из-за информации, содержащей признаки пропаганды ЛГБТ-идеологии¹².

Аниме-продукция является лидером и по депрессивно-суицидальному контенту [4]. Даже «скулшутинг» популяризируется через «кровавое аниме» [5, с. 7]. Многие несовершеннолетние, готовившие школьные расстрелы, на своих страницах в социальных сетях имели подписки или увлекались аниме деструктивного характера.

В ряде стран мультипликационная продукция «аниме» проходит предварительную оценку, по результатам которой из нее удаляются откровенно сексуальные или жестокие сцены¹³.

В целом, по разным оценкам, в деструктивные течения через ИТКС в 2023 г. было вовлечено от 5 до 14 млн¹⁴ аккаунтов российских подростков, а в кибертравлю — около 2,5 млн детей¹⁵ [6, с. 3]. В 2024 г. по требованию Роскомнадзора владельцы ресурсов удалили 17,3 тыс. материалов, склоняющих несовершеннолетних к совершению противоправных действий, опасных для их жизни и здоровья (руфинг, зацепинг, массовые драки и др.); 3,6 тыс. — с суицидальным контентом; 103,8 тыс. — связанных с информацией об азартных играх. Количество заблокированных материалов с пропагандой ЛГБТ, педофилии и смены пола выросло почти в 12 раз за год¹⁶.

⁹ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ.

¹⁰ Челлендж (с англ. challenge — вызов) — это задание, действие или испытание, которое выполняет организатор. Он придумывает идею и призывает аудиторию последовать его примеру.

¹¹ URL: <https://ligainternet.ru/kak-uberech-detej-ot-destruktivnyh-soobshhestv-v-seti/> (дата обращения: 01.02.2025).

¹² URL: <https://ria.ru/20241205/roskomnadzor-1987599452.html> (дата обращения: 02.01.2025).

¹³ URL: <https://narasputye.ru/archives/4865> (дата обращения: 02.03.2025).

¹⁴ URL: <https://m.vz.ru/news/2023/2/14/1199251.html> (дата обращения: 02.03.2025).

¹⁵ URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/11/19/mizulina-mladshaya-podschitala-rossiyan-uchastvuyushchih-v-bullinge-v-seti> (дата обращения: 02.03.2025).

¹⁶ URL: <https://news.rambler.ru/tech/52619491-roskomnadzor-v-2024-godu-zablokiroval-bolee-170-tys-stranits-s-zapreshennym-kontentom/> (дата обращения: 02.03.2025).

После установления запрета пропаганды ЛГБТ-идеологии (с декабря 2022 г. по декабрь 2024 г.) по требованию Роскомнадзора владельцы интернет-ресурсов удалили свыше 50 тыс. страниц с такой информацией, при этом только за 2024 г. — более 29 тыс. страниц¹⁷.

Несмотря на то что большинство перечисленных деяний по объективной стороне очень похожи на правонарушения, но по тем или иным причинам они не подпадают под уголовную и административную ответственность (в том числе вследствие проблем квалификации, «нехватки» предусмотренных законодательством признаков, отсутствия правоприменительной практики и т. д.). Свидетельством этому выступает уголовная статистика. Например, в 2024 г. среди преступлений, совершенных с использованием ИТКС, выявленных органами внутренних дел, было зарегистрировано всего 145 преступлений по ст. 150 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления), одно — по п. «в» ч. 2 ст. 151² УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего) и ни одного — по ст. 151 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий)¹⁸.

Еще одна причина, обуславливающая выделение третьей самостоятельной группы криминальных угроз для несовершеннолетних в цифровом пространстве, связана с определенной «криминологической условностью» границ между противоправным и не запрещенным, но деструктивным характером деяний.

Некоторые из перечисленных угроз, относящихся к деструктивным проявлениям, которые несут в себе криминальный потенциал, пока просто не успели приобрести статус уголовно- или административно наказуемых. Так, до имевших место в 2022 г. законодательных изменений к этой группе можно было отнести пропаганду ЛГБТ-идеологии, а до 2024 г. — «шок-контент» и идеологию «чайлдфри» (добровольный отказ от рождения детей).

Именно третья группа, представленная наиболее многочисленными и разнообразными крими-

нальными угрозами, имеет наибольший интерес для перспективных криминологических исследований, поскольку может рассматриваться в качестве инструмента и стратегических целей ментальной войны против России, в которой основным объектом поражения определяется молодое поколение, активно вовлекаемое в деструктивную информацию в целях изменения его мировоззрения и поведения, распространения в его среде деструктивной идеологии [7, с. 26].

В ходе проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что криминальные угрозы для несовершеннолетних в цифровом пространстве неправильно было бы рассматривать исключительно в качестве преступных деяний, поскольку ряд угроз, распространяемых посредством ИТКС, в силу их специфики и особенностей распространения не подпадают под уголовный запрет или уголовное наказание (в том числе по причине трудности доказывания состава преступления), но относятся к деструктивным проявлениям, обладающим серьезным криминальным потенциалом, либо к административным правонарушениям и действуют как криминогенные факторы. Данный вывод обосновал необходимость классификации криминальных угроз для несовершеннолетних в цифровом пространстве для удобства их последующего изучения.

Разработанная по результатам сбора, описания, систематизации и обобщения знаний в исследуемой области актуальная классификация криминальных угроз для несовершеннолетних в цифровом пространстве фиксирует закономерные связи между классами объектов в целях определения их места в системе и представления знаний в надежном и удобном для обозрения, распознавания, сопоставления и использования виде [1, с. 252].

Вместе с тем классификация и анализ криминальных угроз цифрового пространства для несовершеннолетних позволила сделать вывод о существовании большого объема неизученных аспектов данного явления и о научной и практической значимости дальнейших исследований в этой сфере.

Список источников

1. Понкин И. В., Редькина А. И. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 37.
2. Сырых В. М. Подготовка диссертаций по юридическим наукам: настольная книга соискателя. М., 2012.

¹⁷ URL: <https://ria.ru/20241204/roskomnadzor-1987219420.html> (дата обращения: 10.03.2025).

¹⁸ Сводный отчет по России о результатах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также результатах деятельности структурных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, специализирующихся на противодействии преступлениям данного вида за январь-декабрь 2024 г. (сформирован с учетом требования приказа Генпрокуратуры России от 3 июля 2023 г. № 429) (Ф. 280. кн.1).

3. *Миронова М. Н.* Наши дети и деструктивные интернет-сообщества. М., 2021.
4. *Афанасьев А. А.* Аниме и его последствия. URL: <https://narasputye.ru/archives/7958> (дата обращения: 07.10.2024).
5. *Амелина Я. А.* Деструктивные тенденции на фоне пандемии. Переориентация «колумбайнеров» и возрождение радикального исламизма (18+) // Кавказский геополитический клуб. М., 2020.
6. *Методическое пособие по выявлению признаков риска поведения в социальных медиа.* Цифровая гигиена. Молодежь в сети. М., 2019.
7. *Ильницкий А. М.* Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8.

УДК 342.55

doi: 10.24412/1999-625X-2025-499-380-384

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Разрешение вопросов местного значения населением федеральной территории «Сириус» в условиях реформирования системы местного самоуправления

Даниил Владимирович Астраханцев

аспирант кафедры теории и истории государства и права¹,

✉ 63077@mail.ru

¹ Красноярский государственный аграрный университет (Красноярск, Россия)

Предметом научного исследования выступают правоотношения в сфере местного самоуправления, сложившиеся в пределах федеральной территории «Сириус». На основе анализа положений федерального законодательства о местном самоуправлении и территории «Сириус» выявлены особенности разрешения ее населением вопросов местного значения. Показано, что процессы реформирования порядка организации местного самоуправления в Российской Федерации требуют своевременного ответа федерального законодателя в целях недопущения нарушения права населения федеральной территории на осуществление местного самоуправления, гарантированного Конституцией Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, публичная власть, местное самоуправление, федеральная территория, население, «Сириус»

Для цитирования: Астраханцев Д. В. Разрешение вопросов местного значения населением федеральной территории «Сириус» в условиях реформирования системы местного самоуправления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 4(99). С. 380–384.

Resolution of Issues of Local Importance by the Population of the Federal Territory „Sirius“ under Conditions of Reforming the System of Local Self-Government

Daniil V. Astrakhantsev

post-graduate student at the chair of State and Law Theory and History¹,

✉ 63077@mail.ru

¹ Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Russia)

The subject of scientific research includes legal relations in the field of local self-government, established within the federal territory of „Sirius“. On the basis of the analysis of the provisions of the federal legislation on local self-government and the territory „Sirius“ the peculiarities of resolving issues of local importance by its population are identified. It is shown that the processes of reforming the organization of local self-government in the Russian Federation require a timely response from the federal legislator in order to avoid violation of the right of the population of the federal territory to exercise local self-governing, guaranteed by the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation, public power, local self-government, federal territory, population, „Sirius“

Citation: Astrakhantsev D. V. Resolution of Issues of Local Importance by the Population of the Federal Territory „Sirius“ under Conditions of Reforming the System of Local Self-Government. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 4(99). Pp. 380–384 (In Russ.).

Многонациональный народ Российской Федерации реализует право на осуществление местного самоуправления посредством самостоятельного решения вопросов местного значения. Следует отметить, что современная конституционно-

правовая доктрина также оперирует следующими категориями: право на местное самоуправление, право на участие в местном самоуправлении и право на осуществление местного самоуправления [1, с. 36; 2, с. 51, 58].

Указанная вариативность в подходах, принимая во внимание, что главой 2 Конституции РФ приведенные права не закреплены напрямую, оказывает значительное влияние на осмысление соответствующих категорий. Вместе с тем право на осуществление местного самоуправления является гарантированным Конституцией РФ по смыслу ч. 2 ст. 3, ч. 2 ст. 32, а также ст. ст. 130–133, фактически устанавливая «комплексные права» местного самоуправления [3, с. 133].

Между тем на уровне федерального законодательства указанное понятие не нашло своего закрепления. Так, в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Закон № 131-ФЗ) содержалось лишь перечисление форм участия граждан в его осуществлении.

Не конкретизировано данное право и в Федеральном законе от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее — Закон № 33-ФЗ). В статье 2 названного закона говорится, что право на осуществление местного самоуправления носит всеобщий характер.

Таким образом, раскрывая содержание принципа равенства в реализации гражданами данного права, законодатель не дает ответа на вопрос о его сущностных характеристиках.

Полагаем, что право на осуществление местного самоуправления представляет собой совокупность гарантируемых Конституцией РФ прав и свобод, выраженных в решении населением вопросов местного значения посредством государственно-властных и муниципальных институтов и механизмов. Как справедливо отмечается представителями отечественной юридической науки, реализация данного права также заключается в обеспечении и предоставлении гарантий самостоятельности принятия решений по вопросам местного значения, а также в создании соответствующих организационно-правовых условий [4, с. 139].

В статье 131 Конституции РФ определено, что особенности осуществления публичной власти в соответствии с Федеральным законом могут быть установлены не только на территориях, прямо поименованных в данной норме, но и на иных территориях. Принимая во внимание допустимость создания в Российской Федерации федеральных территорий, необходимо отметить, что под «иными» территориями также следует подразумевать федеральную территорию «Сириус».

Федеральным законом от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории „Сириус“» (далее — Закон № 437-ФЗ) была учреждена данная территория, закреплен ее особый правовой статус,

отличный от ординарных субъектов Федерации: территория «Сириус» является публично-правовым образованием с общегосударственным стратегическим значением.

Отличия прослеживаются и в порядке организации системы местного самоуправления на территории «Сириус». Так, частью 2 ст. 2 Закона № 437-ФЗ к полномочиям органов публичной власти территории «Сириус» отнесена компетенция органов местного самоуправления, а также закреплена возможность их передачи муниципальным органам города-курорта Сочи.

Таким образом, можно выделить следующие особенности осуществления местного самоуправления в пределах территории «Сириус»:

1) органы публичной власти территории «Сириус», будучи наделенными полномочиями местного самоуправления, также обладают частичной компетенцией региональных органов власти, что дает основания утверждать об их гибридной правовой природе;

2) в пределах территории «Сириус» отсутствуют самостоятельные органы местного самоуправления, поскольку его осуществление происходит через органы публичной власти федеральной территории.

При этом в отношении формирования представительного органа территории «Сириус» ее население также частично лишено самостоятельности: часть членов Совета федеральной территории назначается Президентом и Правительством Российской Федерации, а также губернатором Краснодарского края.

Учитывая имеющиеся ограничения в осуществлении гражданами, проживающими в пределах территории «Сириус», права на разрешение вопросов местного значения, следует признать спорными положения Закона № 437-ФЗ, допускающие наделение муниципальных органов города Сочи отдельными полномочиями в области местного самоуправления.

Представляется, что такой подход не позволяет в полной мере учесть особенности и потребности местного сообщества, проживающего на территории «Сириус», приводя к нарушению ключевого принципа организации местного самоуправления в интересах населения, так как в этом случае может иметь место затруднение в реализации права на осуществление местного самоуправления.

Неурегулированным также остается вопрос участия населения территории «Сириус» в муниципальных выборах города Сочи, а также в выборах в органы государственной власти Краснодарского края, притом что де-факто данная территория изъята из территории субъекта Федерации.

Отметим, что обозначенный вопрос носит комплексный конституционный характер и связан с до-

пустимостью распространения властных полномочий органов государственной власти на лиц, не участвовавших в их избрании.

По нашему мнению, закрепление возможности участия граждан, проживающих в пределах территории «Сириус», в выборах в органы государственной власти Краснодарского края является возможным.

Частью 1 ст. 11 Закона № 437-ФЗ закреплено право граждан, проживающих в пределах территории «Сириус», на осуществление местного самоуправления.

Как следует из правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в постановлении от 29 марта 2011 г. № 2-П, муниципальная власть является властью местного сообщества, что обусловлено ее правовой природой¹.

Следовательно, субъект, наделенный соответствующим правом, — население конкретного муниципального образования. Между тем по смыслу приведенной нормы разрешение вопросов местного значения возможно исключительно гражданами, проживающими в пределах территории «Сириус» [5, с. 37]. В то же время из статьи «Права граждан Российской Федерации на осуществление местного самоуправления» Закона № 33-ФЗ, также содержащейся в Законе № 131-ФЗ, изъята конкретизация принадлежности граждан к Российской Федерации. Таким образом, полагаем, что ч. 1 ст. 2 Закона № 33-ФЗ в системной взаимосвязи с ч. 1 ст. 11 Закона № 437-ФЗ подлежит расширительному толкованию. Тем самым иностранные граждане могут участвовать в управлении территорией «Сириус».

Кроме того, право иностранных граждан на участие в выборах в органы местного самоуправления и местном референдуме гарантировано Федеральным законом, регулирующим правовое положение иностранных граждан в Российской Федерации².

Однако указанные лица должны соответствовать критериям, приведенным в Федеральном законе от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»³.

Приведенной выше нормой Закона № 437-ФЗ также установлено, что Уставом федеральной территории «Сириус» (далее — Устав) могут быть закреплены иные формы управления данной территорией.

При этом формы, приведенные в Законе № 437-ФЗ, с некоторыми исключениями дублируют положения главы 5 Закона № 131-ФЗ. В то же время нормы Закона № 33-ФЗ, которыми урегулирована соответствующая сфера, претерпели изменения.

Так, в новом законе, в сравнении с предыдущим, произошло сокращение количества форм непосредственной демократии — с 14 до 9. В частности, действующим законодательством не предусмотрена правотворческая инициатива граждан. Между тем в Законе № 437-ФЗ и Уставе в настоящее время данные изменения отражены не были.

Представляется, что действующая редакция этих нормативных правовых актов, несмотря на приведенные выше законодательные новеллы, не вступает в противоречие с положениями Закона № 33-ФЗ. Буквальное прочтение ст. 42 данного закона позволяет прийти к выводу, что, помимо форм осуществления гражданами местного самоуправления, предусмотренных его нормативными положениями, не исключается возможность установления иных форм осуществления местного самоуправления, не противоречащих федеральным и региональным законам.

Таким образом, механизмы, установленные в ч. 3 ст. 42 Закона № 33-ФЗ и ст. 11 Закона № 437-ФЗ, позволяют расширить право граждан на осуществление местного самоуправления в пределах территории «Сириус» путем закрепления дополнительной формы управления ею в виде обращения с правотворческой инициативой.

Преимущества приведенного подхода заключаются в следующем:

- в возможности учесть особый конституционно-правовой статус федеральной территории «Сириус»;

- в предоставлении гражданам, проживающим в пределах данной территории, возможности на диспозитивных началах обратиться с законодательной инициативой, реализовав свое право на участие в разрешении вопросов ее функционирования.

Ряд дискуссионных вопросов также порождает действующая редакция ст. 48 Устава, устанавливающей единственную по состоянию на сегодняшний день дополнительную форму участия граждан в управлении данной территорией — референдум⁴. Частью 2

¹ По делу о проверке конституционности положения пункта 4 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой муниципального образования — городского округа «Город Чита»: постановление Конституционного Суда РФ от 29 марта 2011 г. № 2-П. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ.

³ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ.

⁴ Устав федеральной территории «Сириус» (утв. решением Совета федеральной территории «Сириус» от 19 ноября 2021 г. № 1-3/16). URL: <https://sirius-ft.ru> (дата обращения: 28.04.2025).

этой статьи определено, что референдум является голосованием граждан «по наиболее важным» вопросам функционирования территории «Сириус».

Полагаем, что приведенная формулировка носит субъективный и оценочный характер, поскольку существование «наиболее» важных вопросов предполагает наличие вопросов, имеющих «меньшую» важность. При этом ни в Законе № 437-ФЗ, ни в Уставе не приводится даже примерного перечня таких вопросов.

Кроме того, учитывая изменения в правовом регулировании местного референдума (ч. 1 ст. 43 Закона № 33-ФЗ), приведенная норма Устава подлежит изложению в следующей редакции: «Референдум федеральной территории — голосование граждан Российской Федерации, проживающих в границах федеральной территории и обладающих правом на участие в референдуме, по вопросам непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения».

Статья 37 Устава также предусматривает существование уникального для отечественного правового порядка института муниципального омбудсмана, который нашел отражение в практике зарубежных государств [6, с. 73]. Особый статус данного лица заключается в направленности его деятельности. Так, если должности омбудсмана, создаваемые в ординарном порядке, функционируют в целях обеспечения защиты прав и законных интересов слабозащищенных прав граждан, то в этом случае речь идет о предоставлении дополнительной защиты права граждан на участие в разрешении вопросов местного значения, носящего ограниченный характер [7, с. 19]. К соответствующим выводам приходит также С. С. Стариков, охарактеризовавший должность уполномоченного по вопросам местного самоуправления «противовесом» существующим ограничениям на осуществление местного самоуправления в пределах территории «Сириус» [8, с. 165–166].

Между тем в настоящее время правозащитный потенциал приведенного института остается нераскрытым. Кроме того, за всю историю существования федеральной территории «Сириус» на данную должность никто так и не был назначен. Правовой статус муниципального омбудсмана не урегулирован на уровне федерального законодательства: упоминание о нем отсутствует как в Законе № 437-ФЗ, так и в Федеральном законе от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» (далее — Закон № 48-ФЗ)⁵.

Представляется, что указанный вопрос и не должен быть предметом регулирования Закона № 48-ФЗ, поскольку федеральная территория не является

субъектом Федерации. Правовой статус уполномоченного по вопросам местного самоуправления урегулирован исключительно Уставом, причем посвященные ему нормы носят общий характер, не раскрывая ряда важных вопросов, имеющих практическое значение для осуществления данным должностным лицом своей деятельности.

В связи с этим полагаем, что правовой статус муниципального омбудсмана в силу объективной недостаточности его регламентации лишь Уставом, а также принимая во внимание цели учреждения данной должности, должен быть урегулирован нормами Закона № 437-ФЗ. Разрешению приведенной проблематики может способствовать введение в указанный Федеральный закон отдельной главы «Уполномоченный по вопросам местного самоуправления федеральной территории „Сириус“», в которой необходимо закрепить следующие положения:

- понятие уполномоченного по вопросам местного самоуправления федеральной территорией, правовая основа его деятельности;
- требования к кандидату, претендующему на занятие данной должности (критерии возраста, образования, опыта работы и безупречности репутации), запреты и ограничения;
- порядок и процедура назначения муниципального омбудсмана;
- срок осуществления им своих полномочий;
- задачи и полномочия;
- процедура обращения к муниципальному омбудсмену, порядок рассмотрения обращений;
- порядок взаимодействия уполномоченного с населением федеральной территории, а также с ее органами публичной власти;
- прекращение полномочий муниципального омбудсмана.

Полагаем, что в условиях имеющихся ограничений в реализации права на разрешение вопросов местного значения гражданами, проживающими в пределах территории «Сириус», развитие анализируемого института видится перспективным. Более того, приведенные выше элементы правового статуса муниципального омбудсмана носят универсальный характер. Они могут быть воспроизведены в законах о создании конкретной федеральной территории, за исключением той, где наличие территориально-публичного коллектива не предусмотрено в силу климатических, территориально-географических, инфраструктурных и иных факторов (ненаселенные федеральные территории).

Изложенное выше позволяет прийти к выводу о том, что проведение муниципальной реформы

⁵ Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации : федеральный закон от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ.

требует своевременного, но при этом концептуально выверенного и эффективного ответа со стороны законодателя на соответствующие изменения в системе органов местного самоуправления и формах непосредственной демократии, в том числе путем обращения к правовым механизмам, ранее не находившим своего практического применения. Не является исключением и законодательство о единственной федеральной территории, которое в условиях скорого прекращения действия переходного периода, установленного Законом № 437-ФЗ, требует критического осмысления и дальнейшего совершенствования.

Представляется, что устранение обозначенных правовых пробелов в регулировании местного самоуправления в пределах федеральной территории «Сириус» окажет положительное влияние на транспарентность органов публичной власти данной территории. Законодательные изменения, касающиеся форм непосредственной демократии, в первую очередь должны быть направлены на повышение эффективности реализации права населения федеральной территории на осуществление местного самоуправления, что до настоящего времени не получило своего практического воплощения.

Список источников

1. *Сергеев А. А.* Доступ к правосудию как гарантия прав местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 2.
2. *Еремин А. Р.* Реализация права человека и гражданина на местное самоуправление в Российской Федерации: конституционные вопросы : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003.
3. *Шугрина Е. С.* Понятие права на осуществление местного самоуправления // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 2.
4. *Громыко С. В., Курячая М. М.* Деятельность общественных объединений как форма реализации права граждан Российской Федерации на участие в управлении делами государства и осуществлении местного самоуправления // Право.by. 2015. № 5(37).
5. *Усманова Р. М.* К вопросу об организации публичной власти на федеральной территории «Сириус» // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2022. № 3.
6. *Кабышев С. В.* Муниципальный омбудсмен: зарубежный опыт и его рецепция в России // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 5.
7. *Праскова С. В.* О природе элементов системы органов федеральной территории «Сириус» // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 11.
8. *Стариков С. С.* Конституционно-правовой статус федеральных территорий в России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.

УДК 343.985:17

doi: 10.24412/1999-625X-2025-499-385-389

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Соотношение морали, этики и права в розыскной и идентификационной деятельности

Евгений Владимирович Буряков

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел¹,

✉ bur.e2010@yandex.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Исследуется влияние на розыскную и идентификационную деятельность права, морали и этики. Анализируется, как эти измерения пересекаются, конфликтуют и объединяются для обеспечения справедливости и доверия общества в процессе поиска, розыска и установления личности различных категорий граждан. Автор полагает, что необходимо внести предложение об изменении ч. 4 ст. 8 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», касающееся прослушивания телефонных и иных переговоров в отношении лиц, совершивших нетяжкие преступления и объявленных в розыск.

Ключевые слова: мораль, право, этика, розыскная деятельность, идентификационная деятельность, пропавшие без вести, скрывшиеся преступники

Для цитирования: Буряков Е. В. Соотношение морали, этики и права в розыскной и идентификационной деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 4(99). С. 385–389.

Relationship between Morality, Ethics and Law in Detection and Identification

Evgeny V. Buryakov

Doctor of Science (in Law), Professor, Professor at the chair of Operational Crime Detection Activities in Law Enforcement¹,

✉ bur.e2010@yandex.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The influence of law, morality and ethics on detective and identification activities is under study. The author analyzes how these dimensions intersect, conflict and unite to ensure justice and trust of society in the process of search, detection and identification of different categories of citizens. According to the author, it is necessary to make a proposal for amendment of Part 4 of Art. 8 of Law „On Operational Crime Detection Activities“, concerning the interception of telephone and other conversations against persons who have committed non-serious crimes and are wanted by police.

Keywords: morality, law, ethics, detective activities, work on identification, missing people, escaped criminals

Citation: Buryakov E. V. Relationship between Morality, Ethics and Law in Detection and Identification. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 4(99). Pp. 385–389 (In Russ.).

В сфере розыскной и идентификационной деятельности взаимодействие этики, морали и права формирует сложную систему, которая направляет действия сотрудников оперативных подразделений полиции. Если правовые нормы задают структурные правила, то моральные принципы часто затрагивают тонкие этические дилеммы, присущие этой сфере деятельности. Розыскная работа стоит на пересечении права и морали, где юридические нормы нередко сталкиваются с нравственными императивами. Задача правоохранительных органов — не только найти пропавших без вести и скрывшихся преступников или установить личность обнаруженных неизвестных лиц или трупов, но и сохранить баланс между эффективностью, законностью и гуманностью, так

как «правовая жизнь общества не может развиваться вне моральных категорий гуманизма и справедливости, совести и чести, добра и человеческого достоинства, свободы и ответственности» [1, с. 186]. Особую сложность представляют случаи розыска преступников, которые, как правило, переходят на нелегальное положение и продолжают совершать преступления, а также поиска пропавших лиц, осуществляемого в условиях эмоционально-психологической нагрузки на членов их семей, вызванной неопределенностью судьбы исчезнувшего человека. Эти проблемы требуют всестороннего анализа с позиций права, морали, этики и психологии взаимодействия сотрудников полиции с гражданами, вовлекаемыми в сферу розыскной и идентификационной деятельности.

Правовые нормы строго регламентируют действия правоохранительных органов в процессе осуществления розыскной работы. В частности, в ст. 12 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, гарантируется неприкосновенность частной жизни, а в ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 1950 г.) ограничивается произвольное вмешательство в личную жизнь. Эти нормы призваны предотвратить злоупотребления со стороны должностных лиц, но иногда они создают препоны в оперативной работе, препятствуют своевременному проведению оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ). Так, необходимость получения судебного разрешения на прослушивание телефонных переговоров в отношении лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия или суда, в соответствии со ст. 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) может замедлить на какое-то время розыск, но защищает граждан от произвола. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее — Закон о полиции) в ст. 12 закрепляет обязанность полиции принимать меры по розыску различных категорий лиц, которые конкретизируются в ведомственных и межведомственных приказах, однако часть из них носит закрытый характер и недоступна не только для широких слоев населения, но и ряда сотрудников правоохранительных органов, не относящихся к оперативным службам.

При этом правовые нормы устанавливают обязательные процедуры в процессе осуществления розыскной и идентификационной деятельности. Например, осмотр последнего места жительства пропавшего лица, фиксация и осмотр места обнаружения тела неопознанного трупа проводятся с соблюдением процессуальных норм; судебно-медицинская экспертиза обязательна для установления причины смерти и возможной идентификации; изъятие образцов ДНК родственников пропавшего и ДНК-регистрация ускоряют процесс опознания и т. д., т. е. законы и подзаконные нормативные акты устанавливают границы, в которых действуют правоохранительные органы. Эти нормы призваны балансировать между полномочиями государства и правами личности, гарантируя, что методы оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) соответствуют принципам правосудия. Однако на практике сроки и эффективность розыска не всегда соответствуют ожиданиям граждан, не всегда учитывают моральные аспекты, например, такие как уважение к памяти умершего и чувствам родственников, что требует анализа этих моральных аспектов. Кроме того, предписания ведомственных нормативных актов МВД России в ряде случаев противоречат законодательным.

Так, Положением об осуществлении розыска и идентификации лиц (2018 г.) предписывается изъятие образцов ДНК родственников пропавшего лица, однако Федеральным законом от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» такая процедура в отношении указанных лиц не предусмотрена.

Что касается моральной стороны рассматриваемого вопроса, то, по мнению П. П. Елисова, «морально-правовая оценка различными представителями общества применяемых в ОРД средств никогда не была единодушной, напротив, порой эти оценки были прямо противоположны друг другу, поскольку в этой деятельности наиболее ярко проявляется конфликт интересов, противоречивость общих и частных интересов» [2, с. 156–157].

В. С. Ишигеев и А. В. Пузикова считают, что «признание той или иной деятельности законной еще не делает ее нравственно допустимой, поэтому закон может оцениваться в общественном сознании как безнравственный» [3, с. 114]. В правовых нормах необходима точная интерпретация критериев нравственности как для защиты интересов государства, так и отдельных его граждан.

Полагаем, что нельзя не согласиться и с выводами А. А. Журавкова, исследовавшего нормы права, регулирующие ограничение прав человека в ходе ОРД: «следует учитывать, что в погоне за так называемыми либеральными ценностями, суть которых во многом сводится к минимизации вмешательства государства в частную жизнь, значительно возрастает риск ослабления правоохранительной функции государства, а вместе с ним и снижения эффективности правовой защиты личности от преступных посягательств» [4, с. 267]. Сущность изложенного выше особенно актуальна для розыскной и идентификационной деятельности, так как, на наш взгляд, нормы права в этой сфере должны обеспечивать, прежде всего, активные действия по задержанию лица, находящегося в розыске по подозрению или обвинению в преступлении, во-первых, в целях выяснения его виновности или не виновности, а пока он в розыске, уголовное дело, как правило, приостанавливается, и разрешить этот вопрос другими средствами невозможно; во-вторых, в случае задержания виновного лица происходит обеспечение защиты прав потерпевших от преступных деяний этого лица и других потенциальных жертв вследствие прекращения его дальнейшей преступной деятельности, т. е. можно вести речь о недопущении новых преступлений, о профилактической функции розыскной деятельности. Что касается фактов безвестного исчезновения людей, то быстрое установление судьбы пропавшего человека позволяет, с одной стороны, защитить права без вести пропавшего лица, в отношении кото-

рого совершены противоправные действия, а с другой — при обнаружении его живым и здоровым или даже погибшим прекратить страдания близких ему людей.

В современном обществе розыск скрывшихся преступников остается одной из ключевых задач правоохранительных органов. Однако эта деятельность неизбежно сталкивается с необходимостью балансировать между нормами права, закрепленными в законодательстве, и моральными принципами, которые регулируют общественные представления о справедливости и гуманности. Мораль и право, хотя и имеют общие корни в регулировании человеческого поведения, существенно различаются: право — это система формализованных норм, подкрепленных санкциями государства; мораль же основывается на внутренних убеждениях, традициях и общественных ценностях. В контексте розыска преступников право устанавливает процедуры (например, порядок объявления в розыск, правила задержания), тогда как мораль диктует, какие методы допустимы с точки зрения этики. Даже если они законны, то могут вызывать этические вопросы. Например, сбор данных через технологии распознавания лиц повышает эффективность, но нарушает приватность невиновных лиц или экстрадиция преступника стране с жесткими законами может быть законной, но ставит вопрос о гуманности. Существуют противоречия между законом и моралью, когда они вступают в конфликт. Яркий пример тому — дело Эдварда Сноудена. Его разыскивали за разглашение государственной тайны, но часть общества сочла его действия морально оправданными. Еще один аспект — использование возможностей интернета. В России Закон о полиции разрешает доступ к электронной переписке (при наличии оснований). Но этично ли это, если подозреваемый скрывается из-за того, что не совершал преступления и не может это доказать, или чтобы защитить семью от угроз? Таким образом, в этих примерах усматривается прямой конфликт между моралью и правом и, соответственно, возникает вопрос, как его решить? Полагаем, что в таких случаях важно публичное обсуждение и, возможно, реформирование законодательства.

Ряд ученых придерживаются мнения, что правовые нормы, направленные на борьбу с преступностью, по своей природе моральны и нравственны. Так, по мнению С. К. Крепышевой, «все проводимые оперативным сотрудником мероприятия являются нравственными в силу их „предписанности“ законом, так как закон — высшая форма общественной морали. Преступление же, напротив, аморально по своей природе и всегда нарушает чьи-то интересы: отдельно взятой личности, общества, государства» [5, с. 442]. А. В. Щеглов утверждает, что «законо-

послушное общество вынуждено само применять конспиративные методы для выявления тех, кто препятствует его развитию, нарушает установленные правила общения. Следовательно, нравственная значимость оперативно-розыскной деятельности не только чрезвычайно высока, но морально обоснованна и юридически правомерна» [6, с. 198]. Поддерживаем данный взгляд в контексте рассматриваемых в настоящей статье проблемных вопросов и в связи с этим отмечаем, что в последние годы оперативно-розыскное законодательство по многим направлениям подвергается совершенствованию и позволяет в розыскной деятельности использовать достижения научно-технического прогресса, однако ч. 4 ст. 8 Закона об ОРД по-прежнему допускает прослушивание телефонных и иных переговоров только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений. Таким образом, лица, совершившие нетяжкие преступления, находятся в более привилегированном положении, чем другие, и можно сказать, что получили от государства иммунитет от проведения в отношении них рассматриваемого мероприятия. Считаем, что права граждан, потерпевших от преступлений, не менее ценны, чем лиц, их совершивших, и должны защищаться всеми доступными ОРМ без каких-либо ограничений, а данная норма должна быть изменена полностью или хотя бы частично в отношении «лиц, совершивших нетяжкие преступления и объявленных в розыск», и разрешать в отношении них прослушивание телефонных и иных переговоров.

Таким образом, розыск преступников — это область, где право и мораль должны дополнять друг друга. Закон задает рамки, а мораль наполняет их человечностью. Технологический прогресс и глобализация требуют постоянного пересмотра этого баланса, только открытый диалог между государством и обществом позволит сохранить доверие к правоохранительным органам и обеспечить справедливость.

Проблема поиска без вести пропавших людей затрагивает не только правовые, но и глубокие моральные аспекты. Несмотря на то что право устанавливает четкие процедуры, моральные нормы часто требуют более гибкого подхода. Это касается сроков реагирования (закон не всегда определяет жесткие временные рамки, тогда как мораль требует немедленных действий); доступа к информации (право ограничивает распространение данных поисковой деятельности, но родственники и общественность ожидают прозрачности); ответственности должностных лиц (сотрудники могут избежать наказания за халатность, но с точки зрения морали их бездействие недопустимо). С одной стороны, государство обяза-

но обеспечить эффективный розыск, руководствуясь нормами закона, с другой — общество и родственники пропавших ожидают от правоохранительных органов не только формального исполнения обязанностей, но и человеческого участия, сострадания и максимальной вовлеченности, так как психологическое состояние родственников пропавших без вести усугубляется отсутствием информации о судьбе близкого человека, что приводит к хроническому стрессу и депрессии, когда невозможно ни оплакать гибель, ни надеяться, что он жив. Семьи требуют прозрачности в розыске, но раскрытие этих данных может помешать розыску или нарушить тайну проводимых мероприятий. Этические аспекты возникают и при освещении случаев пропажи людей в средствах массовой информации (далее — СМИ). Чтобы не навредить поиску и не травмировать близких людей, такие действия должны быть тактичными.

Для повышения эффективности розыска пропавших лиц необходимо также постоянное совершенствование правового регулирования рассматриваемой сферы; развитие сотрудничества полиции с волонтерскими организациями и СМИ; повышение профессионального мастерства и этики сотрудников правоохранительных органов через обучение и общественный контроль.

Еще одним направлением рассматриваемой деятельности является идентификация неопознанных трупов. Это сложный процесс, требующий не только строгого соблюдения правовых норм, но и учета морально-этических принципов. На стыке права и морали, на наш взгляд, можно выделить ряд возникающих проблем относительно: сроков хранения тел (право устанавливает конкретные периоды, но мораль требует индивидуального подхода, например, в случае массовых катастроф); публикации данных (размещение фотографий в открытом доступе может нарушить право на частную жизнь); захоронения «номерных» тел (этично ли хоронить людей без имени, если есть шанс на опознание в будущем?). Пожалуй, основная проблема в этом ряду касается процедур идентификации (порядка опознания, использования геномной и дактилоскопической информации и др.). Следовательно, существуют морально-этические аспекты идентификации, которые проявляются в следующих принципах: уважение к личности умершего — даже неопознанный труп не должен становиться просто «объектом исследования»; чуткое отношение к родственникам — процесс опознания должен проводиться максимально тактично; справедливость — каждый человек имеет право на имя, даже после смерти.

Полагаем, что для баланса между юридическими требованиями и этическими нормами необходимо: введение четких правил обращения с биомате-

риалом и защиты персональных данных; обучение сотрудников розыскных подразделений и медиков основам биоэтики; внедрение современных методов ДНК-анализа и цифровых баз данных для ускорения процесса опознания. Таким образом, взаимодействие права и морали в этой сфере играет ключевую роль, поскольку речь идет о человеческом достоинстве, праве родственников на информацию и обязанностях государства. Идентификация неопознанных трупов — это не только юридическая процедура, но и моральный долг общества перед погибшими и их семьями. Оптимальное соотношение права и морали в этой сфере возможно только при комплексном подходе, учитывающем как законность, так и человечность.

В настоящее время одним из эффективных способов отождествления личности как в розыскной деятельности, так в раскрытии преступлений является использование дактилоскопической и геномной информации. Плюсы дактилоскопии очевидны — это быстрая идентификация личности (например, при задержании лица, обнаружении неопознанного трупа), возможность сопоставления отпечатков с имеющимися базами данных, использование для установления связи подозреваемого с местом преступления. К минусам следует отнести то, что не всегда удается снять качественные отпечатки (повреждения кожи или отсутствие следов), а также ограниченность баз данных (не все граждане зарегистрированы).

Геномная регистрация в России получила развитие в 2008 г. с принятием Федерального закона № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации». Несмотря на высокую точность идентификации (особенно по ДНК родственников), возможность установления личности по биологическим следам (кровь, волосы, слюна, отпечатки пальцев рук), по сравнению с дактилоскопией, все же следует отметить ее дороговизну и длительность проведения исследования. Представители науки и правоохранительных структур в большинстве своем поддерживают эти меры и склоняются к всеобщему дактилоскопированию и геномной регистрации населения, тем более что такой опыт имеется в мировой практике. Однако отношение общества к таким мерам неоднозначно и зависит от страны, культурных особенностей и уровня доверия к государству.

Так, в России введена обязательная дактилоскопия для некоторых категорий граждан (ранее судимые, военные, госслужащие, представители ряда профессий с риском для жизни и здоровья и др.), геномная регистрация — для лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение общественно опасных деяний; подозреваемых или обвиняемых в совершении преступле-

ний; подвергнутых административному аресту, но всеобщий учет пока не принят. Общество относится настороженно, особенно из-за недоверия к способности сохранения баз данных от несанкционированного доступа.

В Китае активно внедряются биометрические системы, включая распознавание лиц, но это вызывает протесты среди правозащитников. В России используются аналогичные системы, однако в большинстве регионов они пока малоэффективны из-за недостаточного технического оснащения. В настоящее время активно обсуждаются вопросы использования возможностей искусственного интеллекта, которые, на наш взгляд, будут весьма полезны в розыскной и идентификационной деятельности.

Что касается этических вопросов, то в обществе в основном говорят о проблемах потерпевших, свидетелей, преступников и их родственников, но замалчиваются проблемы морально-психологического состояния сотрудников розыскных подразделений, которые постоянно сталкиваются в процессе осуществления розыска, так скажем, не с лучшей частью нашего общества: скрывающимися преступниками в условиях противодействия с их стороны

и близких им людей; с горем граждан, переживающих за судьбы пропавших родственников; необходимостью осмотров обнаруженных трупов и дальнейших действий по их идентификации в моргах (по словам одного из бывших оперативных сотрудников, ему до сих пор снятся трупы граждан). В связи с этим необходима разработка мер по социально-психологической реабилитации сотрудников, имеющих дело с указанными проблемами, для предотвращения профессионального выгорания оперуполномоченных и обеспечения их эффективности в дальнейшей службе.

В заключение отметим, что розыскная работа должна сочетать жесткость закона с гибкостью морали. Это та область, где право и мораль должны дополнять друг друга. Юридические нормы обеспечивают системность и порядок, а моральные принципы наполняют розыскную деятельность человечностью и состраданием. Только гармоничное сочетание этих аспектов позволит повысить эффективность поиска и поддержать тех, кто столкнулся с бедой. По мере развития технологий и социальных норм непрерывный диалог между юристами, философами и обществом становится ключом к балансу между правом, моралью и этикой.

Список источников

1. Маркушин А. Г. Мораль и право в оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17.
2. Елисов П. П. К вопросу о соотношении оперативно-розыскной деятельности и общественной морали // Закон и право. 2022. № 3.
3. Ишигеев В. С., Пузикова А. В. Нравственность в оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступностью // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 2(32).
4. Журавков А. А. К вопросу о соотношении норм международного права и Конституции Российской Федерации, регулирующих ограничение прав человека в ходе оперативно-розыскной деятельности // Вестник ИрГТУ. 2011. № 8(55).
5. Крепышева С. К. Морально-этические принципы в оперативно-розыскной деятельности // Юридическая техника. 2020. № 14.
6. Щеглов А. В. Особенности оперативно-розыскной этики в правоохранительной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1.

УДК 352

doi: 10.24412/1999-625X-2025-499-390-396

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Сколько муниципальных образований должно остаться в Российской Федерации?

Артур Валерьевич Жилыев

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права¹,

✉ avzhilyaev@yandex.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

На основе анализа динамики изменения численности и состава муниципальных образований в новейшей истории России, причин, повлекших сокращение как их видов, так и общего количества, а также положений нового закона о местном самоуправлении, определившего вектор развития этого важнейшего института гражданского общества на ближайшую перспективу, сформулирован вывод о том, что в нашей стране заканчивается период разнообразия территориальной организации власти на местах и продолжится процесс почти повсеместного перехода на одноуровневую систему построения муниципальных образований. Вместе с тем в российском экспертном сообществе нет полной уверенности в том, что реформа территориальных основ местного самоуправления на этом закончится. Сложности в решении вопросов во всех сферах, составляющих основы местного самоуправления, могут послужить основанием для дальнейших преобразований в данной области и изменения количества муниципальных образований в будущем.

Ключевые слова: местное самоуправление, территориальные основы местного самоуправления, муниципальная реформа, муниципальные образования

Для цитирования: Жилыев А. В. Сколько муниципальных образований должно остаться в Российской Федерации? // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 4(99). С. 390–396.

How Many Municipalities should Remain in the Russian Federation?

Artur V. Zhilyaev

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Constitutional and International Law¹,

✉ avzhilyaev@yandex.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The analysis of the dynamics of changes in the number and composition of municipalities in the recent history of Russia, the reasons for the reduction of both their types and total number, as well as the provisions of the new law on local self-government, determining the development vector of this important institution of civil society in the near future made it possible to formulate the conclusion that in our country the period of diversity of territorial organization of local authority is coming to an end and the process of almost universal transition to a single-level system of construction of municipalities will continue. However, the Russian expert community is not fully confident that the reform of the territorial foundations of local self-government will come to an end. Difficulties in solving issues in all spheres, which constitute the basis of local self-government, may serve as a basis for further transformations in this area and changes in the number of municipal entities in the future.

Keywords: local self-government, territorial foundations of local self-government, municipal reform, municipal entities

Citation: Zhilyaev A. V. How Many Municipalities should Remain in the Russian Federation? *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 4(99). Pp. 390–396 (In Russ.).

Со вступлением в силу Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее — Закон об общих принципах организации местного самоуправления) в Российской Федерации начался очередной этап муниципальной реформы, целью которой являет-

ся обеспечение такого уровня самостоятельности местных общин, который позволил бы удовлетворить все потребности населения и гарантировал бы поступательное развитие данного института народовластия в нашей стране. Одна из главных особенностей закона — закрепление в нем новой системы пространственной организации власти на местах,

полагающей установление в ближайшее время итогового количества муниципальных образований, необходимого для эффективного решения всех задач. Это должно повлечь за собой кардинальные преобразования и в остальных сферах, составляющих другие основы местного самоуправления. Вместе с тем в российском экспертном сообществе нет полной уверенности в том, что реформа территориальных основ местного самоуправления на этом закончится. Среди ученых и практиков по-прежнему не утихает дискуссия о правильности выбранного вектора развития данного уровня публичной власти и обоснованности внесенных в последние годы поправок в положения действующего законодательства. В связи с этим для понимания сути происходящих процессов уместно проследить динамику изменения численности и состава муниципалитетов в современной истории России, выявить причины происходивших трансформаций и дать их научное обоснование, сформулировать неразрешенные проблемы, имеющиеся на текущий момент, и попытаться спрогнозировать дальнейшее развитие ситуации на ближайшую перспективу.

Характеризуя картину в целом, следует отметить, что в период действия Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 131-ФЗ) изменение общего количества муниципальных образований в нашей стране имело тенденцию к уменьшению. Так, по данным Росстата, начиная с 1 января 2006 г. (когда их было максимальное количество — 24 208) и по состоянию на 1 января 2025 г. численность муниципалитетов сократилась на 7157¹ (таблица 1). При этом на протяжении всего отчетного периода уменьшение фиксировалось почти каждый год относительно к предыдущему. Только дважды был отмечен их рост, однако первый раз это было обусловлено неравномерным переходом ряда субъектов Федерации на новые правила территориальной организации местной власти на начальном этапе, а второй — иными объективными причинами, лишь косвенно связанными с организацией местного самоуправления, о которых пойдет речь ниже. При этом необходимо подчеркнуть, что данный процесс происходил на фоне появления новых видов муниципальных образований. В частности, с момента вступления в силу указанного выше закона, когда их было пять, увеличение происходило дважды (в 2014 г. — на два, в 2019 г. — на один).

Таблица 1. Динамика изменения общего количества муниципальных образований в 2006–2024 гг.²

Отчетный период	Количество муниципальных образований
на 1 января 2006 г.	24208 (–1) ³
на 1 января 2007 г.	24207 (–56)
на 1 января 2008 г.	24151 (+10)
на 1 января 2009 г.	24161 (–254)
на 1 января 2010 г.	23907 (–603)
на 1 января 2011 г.	23304 (–186)
на 1 января 2012 г.	23118 (–117)
на 1 января 2013 г.	23001 (–224)
на 1 января 2014 г.	22777 (+146)
на 1 января 2015 г.	22923 (–517)
на 1 января 2016 г.	22406 (–79)
на 1 января 2017 г.	22327 (–382)
на 1 января 2018 г.	21945 (–444)
на 1 января 2019 г.	21501 (–655)
на 1 января 2020 г.	20846 (–543)
на 1 января 2021 г.	20303 (–648)
на 1 января 2022 г.	19655 (–1253)
на 1 января 2023 г.	18402 (–655)
на 1 января 2024 г.	17747 (–696)
на 1 января 2025 г.	17051
Общее итоговое изменение	–7157

Говоря об отдельных видах муниципалитетов, следует обратить внимание на то, что динамика их уменьшения/увеличения была разнонаправленной. Больше всего предсказуемости и стабильности было в отношении четырех видов муниципальных образований. Так, на конец всего отчетного периода, по сравнению с его началом (либо с момента появления соответствующих видов муниципальных образований), количество городских округов уменьшилось на одну единицу, городских округов с внутригородским делением уменьшилось на одну единицу, внутригородских районов уменьшилось на семь единиц, внутригородских территорий городов федерального значения увеличилось на семнадцать единиц (таблица 2). В итоге общее изменение по четырем видам составило всего +8 единиц.

Однако если проанализировать ситуацию по отдельным годам, то можно прийти к выводу, что в отношении некоторых видов муниципалитетов она складывалась по-разному. В частности, количество городских округов с 2006 г. по 2019 г. в основном стабильно увеличивалось. Затем, начиная с 2020 г., оно также стабильно стало сокращаться. Количество внутригородских территорий городов федерального значения с самого начала и до 2023 г. оставалось не-

¹ Без учета Донецкой и Луганской народных республик и Запорожской и Херсонской областей.

² Здесь и далее во всех таблицах информация взята с официального сайта Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.06.2025).

³ Здесь и далее в скобках всех таблиц отражено изменение количества муниципальных образований, происшедшее в течение отчетного года.

изменным (кроме двух увеличений в 2012 г. и 2014 г.). И только в 2024 г. первый раз произошло их сокращение. Количество же городских округов с внутригородским делением и внутригородских районов в силу их взаимосвязи друг с другом изменялось

синхронно. Так, с момента их появления в 2015 г. и по 2020 г. число и тех и других оставалось неизменным. В дальнейшем за два последующих года их численность немного возросла, а начиная с 2023 г., наоборот, стала сокращаться.

Таблица 2. Динамика изменения количества городских округов, городских округов с внутригородским делением, внутригородских районов и внутригородских территорий городов федерального значения в 2006–2024 гг.

Отчетный период	Городские округа	Городские округа с внутригородским делением	Внутригородские районы	Внутригородские территории городов федерального значения
на 1 января 2006 г.	522 (–2)	–	–	236
на 1 января 2007 г.	520 (+1)	–	–	236
на 1 января 2008 г.	521 (–14)	–	–	236
на 1 января 2009 г.	507 (+5)	–	–	236
на 1 января 2010 г.	512 (+3)	–	–	236
на 1 января 2011 г.	515 (+2)	–	–	236
на 1 января 2012 г.	517 (+1)	–	–	236 (+21)
на 1 января 2013 г.	518 (+2)	–	–	257
на 1 января 2014 г.	520 (+15)	–	–	257 (+10)
на 1 января 2015 г.	535 (+25)	– (+3)	– (+19)	267
на 1 января 2016 г.	560 (+4)	3	19	267
на 1 января 2017 г.	564 (+24)	3	19	267
на 1 января 2018 г.	588 (+23)	3	19	267
на 1 января 2019 г.	611 (+21)	3	19	267
на 1 января 2020 г.	632 (–2)	3	19	267
на 1 января 2021 г.	630 (–22)	3 (+1)	19 (+4)	267
на 1 января 2022 г.	608 (–20)	4 (+5)	23	267
на 1 января 2023 г.	588 (–9)	9 (–6)	23 (–4)	267
на 1 января 2024 г.	579 (–58)	3 (–1)	19 (–7)	267 (–14)
на 1 января 2025 г.	521	2	12	253
Общее итоговое изменение	–1	–1	–7	+17

Таблица 3. Динамика изменения количества муниципальных округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений в 2006–2024 гг.

Отчетный период	Муниципальные округа	Муниципальные районы	Городские поселения	Сельские поселения
на 1 января 2006 г.	–	1802 (–9)	1756 (–24)	19892 (+27)
на 1 января 2007 г.	–	1793 (+6)	1732 (+2)	19919 (–58)
на 1 января 2008 г.	–	1799 (+11)	1734 (+11)	19861 (+2)
на 1 января 2009 г.	–	1810 (+19)	1745 (–6)	19863 (–272)
на 1 января 2010 г.	–	1829 (–5)	1739 (–6)	19591 (–595)
на 1 января 2011 г.	–	1824 (–3)	1733 (–22)	18996 (–163)
на 1 января 2012 г.	–	1821 (–4)	1711 (–24)	18833 (–11)
на 1 января 2013 г.	–	1817 (–2)	1687 (–27)	18822 (–297)
на 1 января 2014 г.	–	1815 (+8)	1660 (–16)	18525 (+129)
на 1 января 2015 г.	–	1823 (–35)	1644 (–52)	18654 (–477)
на 1 января 2016 г.	–	1788 (–4)	1592 (–3)	18177 (–76)
на 1 января 2017 г.	–	1784 (–26)	1589 (–51)	18101 (–329)
на 1 января 2018 г.	–	1758 (–27)	1538 (–48)	17772 (–392)
на 1 января 2019 г.	– (+33)	1731 (–58)	1490 (–92)	17380 (–559)
на 1 января 2020 г.	33 (+67)	1673 (–67)	1398 (–52)	16821 (–489)
на 1 января 2021 г.	100 (+80)	1606 (–62)	1346 (–59)	16332 (–590)
на 1 января 2022 г.	180 (+131)	1544 (–123)	1287 (–84)	15742 (–1162)
на 1 января 2023 г.	311 (+88)	1421 (–75)	1203 (–61)	14580 (–588)
на 1 января 2024 г.	399 (+129)	1346 (–80)	1142 (–79)	13992 (–586)
на 1 января 2025 г.	528	1266	1063	13406
Общее итоговое изменение	+528	–536	–693	–6486

Применительно же к остальным видам муниципальных образований необходимо констатировать, что по сравнению с упомянутыми выше их количество менялось гораздо существеннее (таблица 3). В частности, за весь отчетный период численность муниципальных районов уменьшилась на 536 единиц, городских поселений — на 693 единицы, сельских поселений — на 6486 единиц. В то же время в силу объективного развития ситуации число муниципальных округов выросло на 528 единиц. При этом сравнительный анализ динамики преобразований год к году в данном случае также дает богатую пищу для размышлений. Основной вывод, который можно сделать по его результатам, заключается в том, что относительно первых трех видов муниципалитетов негативные процессы, за исключением ряда лет, в основном на начальном этапе сохранялись все время. Именно это и дало общее итоговое уменьшение муниципальных образований в нашей стране.

Говоря о причинах трансформаций, которые раскрывают сущность приведенной сухой статистики, следует подчеркнуть, что их уместно характеризовать, исходя из деления таковых на две условные группы: разовые и текущие. В первом случае они были связаны либо с очередными изменениями законодательства, повлекшими за собой скачкообразное увеличение одних муниципальных образований и уменьшение других, либо с происходившими общественно-политическими процессами в области государственного устройства Российской Федерации. Во втором — с непрерывным процессом оптимизации муниципалитетов, обусловленным решением первоочередных проблем в отдельных субъектах Федерации.

Так, причины из первой группы дважды стали основанием увеличения количества такого вида муниципальных образований, как внутригородские территории городов федерального значения. В 2012 г. завершился процесс передачи обширных территорий Московской области под юрисдикцию города Москвы, а в 2014 г. в составе Российской Федерации появился третий город федерального значения — Севастополь. При этом в обоих случаях динамика изменения численности муниципалитетов определялась не внутренними процессами, происходившими в области функционирования местного самоуправления, а результатами преобразований отечественного феде-

рализма. Изменение действующего законодательства в 2014 г., в соответствии с которым субъекты Федерации получили возможность создавать у себя городские округа с внутригородским делением и внутригородские районы, также относится к характеризующей группе. При этом уместно обратить внима-

ние на практику реализации указанных поправок, отличавшуюся своеобразием. Почти сразу после вступления в силу новых норм власти Республики Дагестан, Самарской и Челябинской областей провели в своих административных центрах соответствующие преобразования, и следующие 6 лет число таких муниципальных образований в России оставалось стабильным. Определенная динамика была зафиксирована только в 2021 г. и 2022 г. (увеличение) и в 2023 г. (уменьшение), когда в Республике Ингушетия, Забайкальском крае и Кировской области также появились и впоследствии были упразднены упомянутые муниципальные образования, и в 2024 г., когда от данного вида округов отказались в Челябинской области. Однако если в последнем случае решение регионального законодателя определялось общим вектором развития муниципальных территориальных основ в стране, то мотивы действий властей первых трех субъектов Федерации не совсем понятны. Во-первых, на первоначальном этапе (2014–2015 гг.) после оживленных дискуссий они отказались от такой системы организации муниципалитетов в своих городах. На тот период это соответствовало позиции по данному вопросу подавляющего большинства российских регионов. Во-вторых (что вызывает больше вопросов), после изменений законодательства 2019 г., предусмотревших возможность создания муниципальных округов и закрепивших новые требования к созданию городских округов, и совершенно недвусмысленных намерений федеральных властей кардинальным образом сократить количество муниципальных образований в Российской Федерации они приняли решение об их увеличении. Особенно в этом преуспели законодатели Забайкальского края, где появилось целых четыре городских округа с внутригородским делением.

К этой же группе причин необходимо отнести и упомянутые выше правовые новеллы в сфере территориальных основ местного самоуправления 2019 г., согласно которым в отечественную практику был введен такой вид муниципальных образований, как муниципальный округ. Именно тогда начался переломный, предпоследний этап характеризуемой реформы. Он в корне изменил подход регионов к вопросу о пространственной организации власти на местах в пределах отдельных субъектов Федерации. Самое существенное уменьшение муниципальных районов, городских и сельских поселений и определенное увеличение названных округов произошло именно в данный период.

Относительно причин, касающихся второй группы, можно отметить, что попытки поиска региональными властями оптимальной системы территориальной организации муниципалитетов неизменно приводили к существенному сокраще-

нию в первую очередь сельских поселений путем их укрупнения. При этом главной причиной отказа отдельных муниципальных образований от самостоятельного существования была вынужденная необходимость объединения с соседями в целях сохранения хотя бы какого-то приемлемого уровня экономического развития, позволявшего решать основные вопросы местного значения. Однако, к сожалению, о каком-либо существенном прогрессе не приходилось говорить и в отношении большинства новых территорий.

Характеризуя текущий этап развития рассматриваемой области общественных отношений, необходимо подчеркнуть, что Закон об общих принципах организации местного самоуправления в качестве основы сохранил только три вида муниципальных образований. Для подавляющего большинства субъектов Федерации это будет означать окончательный отказ от двухуровневой системы организации местного самоуправления и кардинальное сокращение муниципальных образований на своих территориях. Тот факт, что указанным законом для отдельных регионов с учетом их местной специфики все же была предусмотрена возможность сохранения муниципальных районов и городских и сельских поселений, не будет играть существенной роли. По нашему мнению, таким правом воспользуются только некоторые национальные субъекты Федерации, так как именно они были категорически против отказа от существовавшей системы. Остальные же регионы, в том числе те, которые еще не завершили процесс повсеместного формирования муниципальных округов, вряд ли пересмотрят свою политику. Главной причиной этого будет отсутствие у них желания создавать напряженность в отношениях с федеральными властями. В результате очевидным является то, что в ближайшей перспективе за счет ликвидации поселенческого уровня организации местной власти в России останется почти на порядок меньше муниципалитетов по сравнению с тем количеством, которое было изначально. Однако будет ли это означать установление окончательного числа муниципальных образований в нашей стране? Полагаем, что ответ на данный вопрос не так однозначен.

Главным аргументом, позволяющим свидетельствовать, что трансформации будут продолжаться и в дальнейшем, выступает то, что федеральные власти решили ограничиться в своей реформе в основном только административной составляющей. Сокращение количества органов местного самоуправления и, соответственно, числа депутатов и муниципальных служащих, безусловно, приведет к упрощению принятия некоторых управленческих решений и определенному уменьшению расходов. Однако вряд ли это станет переломным моментом

для начала процесса улучшения жизни простых граждан в своих общинах. Полагаем, что результаты таких действий будут иметь лишь кратковременный эффект, так как они кардинально не укрепят экономические основы местного самоуправления. Сэкономленные в процессе оптимизации муниципалитетов средства быстро закончатся и ситуация вернется в свое первоначальное состояние. Проблему окончательно не решит даже новый принцип перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов Федерации, закрепленный в Законе об общих принципах организации местного самоуправления, так как многие регионы по причине недостаточного наполнения собственных бюджетов не смогут взять на себя решение большого количества вопросов местного значения. В связи с этим в очередной раз можно будет констатировать, что изначальные цели преобразований не были достигнуты.

По этой причине с новой силой возобновится дискуссия о дальнейших путях реформы, начавшаяся еще на стадии обсуждения в 2019 г. поправок в Федеральный закон № 131-ФЗ, предусматривавших постепенный отказ от двухуровневой системы построения муниципальных образований. Напомним, что уже тогда вопрос о новых критериях территориальной организации власти на местах получил неоднозначную оценку, а спектр высказываемых мнений по данному поводу складывался в диапазоне от конструктивной критики [1, с. 38–42; 2, с. 151–155; 3, с. 18] до полного отрицания [4, с. 24–30].

Следует отметить, что по целому ряду аспектов споры не утихали никогда. С формированием практики и появлением новых проблем они просто перешли в другую плоскость. В частности, обобщение многолетнего опыта функционирования отдельных муниципалитетов явилось основанием для выработки экспертным сообществом единой позиции, послужившей основанием для дальнейших законодательных изменений. Например, в рамках упоминавшейся выше ситуации, сложившейся по поводу преобразования Челябинского городского округа с внутригородским делением, челябинскими областными властями было публично признано, что подобное преобразование было следствием не столько ближайшего неизбежного отказа от такого вида муниципального образования, сколько неэффективного исполнения публичных функций внутригородскими районами округа [5, с. 133–139].

В то же время необходимо признать, что целый ряд авторов на протяжении всего времени продолжали подвергать критике общий принципиальный курс, выбранный федеральными властями. В частности, они отстаивали точку зрения о необходимости

сти сохранения поселенческого уровня организации муниципальных образований [6, с. 65–68; 7, с. 65–70; 8, с. 54–58].

Кроме того, на многогранность проблемы указывает и то, что в ряде случаев она выходит за рамки только местного самоуправления и охватывает смежные области. Например, в нашей стране до сих пор окончательно не разрешен вопрос о правовом статусе городских агломераций [9, с. 43–46]. Поскольку отнесение к ним той или иной территории определяет условия и порядок взаимоотношений органов публичной власти как по горизонтали, так и по вертикали, решение вопроса должно быть комплексным.

Особо обсуждаются проблемы развития местного самоуправления на новых российских территориях. В этом случае к неразрешенным вопросам реформы местного самоуправления добавляются специфические проблемы, связанные с особым правовым режимом, действующим в их пределах [10, с. 156–161]. Все это в целом свидетельствует о том, что, к сожалению, на текущий момент единообразные подходы к определению путей реформирования этого важнейшего института народовластия отсутствуют не только в части раскрытия содержания его отдельных аспектов, но и в отношении принципиальных вопросов, составляющих его фундамент.

Говоря о дальнейшей перспективе, отметим, что переход на новые правила, предусмотренные Законом об общих принципах организации местного самоуправления, не будет быстрым и безболезненным. С проблемами развития территорий, по нашему мнению, в той или иной степени столкнутся все субъекты Федерации. Прежде всего они будут связаны с завершением процесса упразднения старых муниципалитетов, формированием новых органов местного самоуправления и налаживанием механизма реализации их обновленных полномочий. При этом специфические задачи будут решать те из них, кто намерен сохранить поселенческий уровень организации власти. Акцентированность закона на городских и муниципальных округах привела к тому, что многие аспекты функционирования городских и сельских поселений в нем просто не отражены, а имеющиеся положения исключают возможность их проецирования на указанные муниципальные обра-

зования. Например, его нормами не предусмотрена такая форма непосредственной демократии, как сход граждан, осуществляющий полномочия представительного органа муниципального образования, хотя она по-прежнему сохраняет свою актуальность для многих сельских поселений. Или в законе отсутствуют, например, такие варианты преобразования муниципалитетов, как изменение статуса городского поселения в связи с наделением его статусом сельского поселения, и наоборот. В итоге федеральный законодатель, не пожелав установить исчерпывающие правила, заложил своеобразную мину замедленного действия, способную негативно сработать в обозримом будущем.

Очевидно, что в дальнейшем регионам придется решать свои проблемы в одиночку, что также может привести к изменению численности и состава их муниципальных образований.

Оценивая же складывающееся положение дел в общем контексте, подчеркнем, что, по нашему мнению, позитивные сдвиги в формировании полноценной самостоятельности муниципалитетов по решению всего спектра вопросов местного значения возможны только в случае обеспечения их финансово-экономической независимости. Благополучие населения будет улучшаться только при наличии стабильных и достаточных поступлений в местные бюджеты. В связи с этим следует согласиться с теми авторами, которые обосновывают необходимость сохранения низового уровня местного самоуправления и предлагают способы повышения его экономической самостоятельности посредством пересмотра налоговой политики и вытекающего из этого перераспределения компетенции между муниципальными образованиями и субъектами Федерации [8, с. 54–58]. Если не решить эту задачу, то рано или поздно все имеющиеся ресурсы в очередной раз будут исчерпаны и возникнет необходимость поиска дальнейших путей развития. В целом же сложности в решении вопросов во всех сферах, составляющих основы местного самоуправления, могут послужить основанием для дальнейших преобразований в данной области и изменения количества муниципалитетов в будущем путем их очередной оптимизации. Однако в этом случае необходимо будет объединять уже муниципальные округа.

Список источников

1. Аверьянова Н. Н. Некоторые проблемы муниципально-территориального устройства современной России // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 12.
2. Жиляев А. В., Быкова А. Г. Будущее местного самоуправления в Российской Федерации: возвращение к советской системе построения власти в новой оболочке? // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 2(81).

3. *Шугрина Е. С.* Территориальные основы местного самоуправления как поиск баланса интересов разных уровней публичной власти // Тенденции развития местного самоуправления на современном этапе (взгляд ученых и практиков) : монография / под ред. Е. С. Шугриной, М. П. Ряшина. Ханты-Мансийск, 2022.
4. *Пешин Н. Л.* Конституционная реформа местного самоуправления: механизмы встраивания местного самоуправления в систему государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8.
5. *Шахов А. А.* «Существенных плюсов не выявлено»: преобразование Челябинского городского округа с внутригородским делением // Местное право. 2024. № 3.
6. *Афанасьев А. А.* Сельские территории и сельские поселения: правовая доктрина устойчивого комплексного развития // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1.
7. *Болдырев О. Ю.* Проект нового закона о местном самоуправлении без самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2.
8. *Ястребов А. Е., Малявкина Н. В., Мосина Е. И.* Современные тенденции укрупнения муниципальных образований в Российской Федерации в условиях реформирования местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 6.
9. *Корабельникова Ю. Л.* Проблемы определения правового статуса городских агломераций в России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2.
10. *Жиляев А. В.* Проблемные аспекты формирования местного самоуправления в новых субъектах Российской Федерации (на примере Херсонской области) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. № 2(93).

УДК 340:378

doi: 10.24412/1999-625X-2025-499-397-403

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

«Основы российской государственности» для правоохранителей

Алексей Иванович Клименко

доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры теории государства и права¹, ✉ klimenko_law@mail.ru

Кирилл Алексеевич Ситников

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права¹,
старший научный сотрудник Центра исследований права и культуры юридического факультета²,
✉ kirillsa@mail.ru

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя (Москва, Россия)

² Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва, Россия)

В статье представлен обзор работы организационно-методического и информационного центра по обеспечению внедрения в образовательные программы вузов правоохранительной направленности модуля «Основы российской государственности». Авторы кратко излагают содержание основных докладов на научно-методических конференциях, проводимых в рамках работы Центра. Это проясняет объем и характер работы по формированию учебно-методического комплекса и других учебных, научных и учебно-методических материалов по курсу «Основы российской государственности» для вузов правоохранительной направленности. Экспозируются результаты такой работы и обозначаются ее перспективные направления.

Ключевые слова: конференция, круглый стол, основы российской государственности, учебно-методический комплекс, методическая работа

Для цитирования: Клименко А. И., Ситников К. А. «Основы российской государственности» для правоохранителей // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 4(99). С. 397–403.

„Fundamentals of Russian Statehood” for Law Enforcers

Alexey I. Klimenko

Doctor of Science (in Law), Professor, chief of the chair of State and Law Theory¹, ✉ klimenko_law@mail.ru

Kirill A. Sitnikov

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor at the chair of State and Law Theory¹,
senior researcher of Centre of Law and Culture Studies of Law Faculty², ✉ kirillsa@mail.ru

¹ V. Ya Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

² State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia)

The article presents an overview of the work of organizational and methodological information center on ensuring the introduction of the „Foundations of Russian Statehood” module into the educational programs of higher law enforcement schools. The authors give a brief description of the content of the main reports at scientific and methodological conferences held within the framework of the work of the center. This clarifies the scope and nature of the work on the formation of a learning and methodological complex and other educational, scientific and teaching materials on the course „Foundations of Russian Statehood” for law enforcement universities. The results of this work are exposed and its future areas are outlined.

Keywords: conference, round table, fundamentals of Russian statehood, learning and methodological complex, methodical work

Citation: Klimenko A. I., Sitnikov K. A. „Fundamentals of Russian Statehood” for Law Enforcers. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 4(99). Pp. 397–403 (In Russ.).

С 1 сентября 2023 г. обучающиеся первых курсов всех форм обучения и направлений подготовки высшего образования приступили к изучению новой дисциплины «Основы российской государственности».

Не стали исключением и студенты / курсанты / слушатели вузов правоохранительной направленности. В современных условиях функционирования и развития российского общества вопросы подготовки квалифицированных специалистов для

правоохранительной системы приобретают особое значение. При этом специфика будущей профессиональной деятельности предопределяет и некоторые содержательные отличия образовательных программ [1, с. 3], реализуемых образовательными организациями высшего образования систем МВД России, ФСИН России, СК России, Прокуратуры РФ.

В связи с этим важным видится вопрос формирования должной ведомственной учебно-методической базы по дисциплине «Основы российской государственности».

Старт данной деятельности был дан в Москве 28 июня 2024 г. на научно-методической межрегиональной конференций по вопросам разработки основных положений модуля «Основы российской государственности» и его внедрения в образовательный процесс вузов правоохранительной направленности. Одним из соорганизаторов мероприятия выступил Смоленский государственный университет (далее — СмолГУ) [2, с. 85]. Именно на базе данного вуза вскоре был создан организационно-методический и информационный центр по внедрению в образовательные программы вузов правоохранительной направленности модуля «Основы российской государственности» (далее — ОМиИЦ или Центр).

Одними из важнейших принципов функционирования ОМиИЦ выступили:

1) открытость — вся деятельность ОМиИЦ основывается на учете мнений и интересов представителей самих правоохранительных вузов из разных регионов Российской Федерации;

2) межведомственность — Центр стремится достичь компромисса между предложениями вузов различной ведомственной принадлежности, работа будущих выпускников которых составляет содержание всей системы правоохранительной деятельности (взаимозависимой и взаимосвязанной между собой);

3) научность — все положения, выработанные ОМиИЦ, основываются на современных достижениях социально-гуманитарных наук;

4) системность — учебно-методические материалы призваны помочь построить новый курс в формировании компетенций и ценностных ориентаций с учетом содержательных и формальных особенностей образовательных программ, реализуемых в правоохранительных вузах;

5) инновационность — сотрудники Центра, учитывая выработанный педагогической наукой и практикой опыт, стремятся сочетать традиционные подходы к обучению с использованием уникального контента и интерактивных методов.

Опираясь на изложенные выше начала, ОМиИЦ в течение сентября-декабря 2024 г. в городе Смолен-

ске был проведен цикл мероприятий, ядром которых стали научно-методические конференции и круглый стол.

28 сентября 2024 г. в рамках модуля и его внедрения в образовательный процесс вузов правоохранительной направленности состоялась научно-методическая межрегиональная конференция по вопросам разработки основных положений блоков «Что такое Россия», «Российское государство-цивилизация» и «Российское мировоззрение и ценности российской цивилизации».

Мероприятие открыли ректор СмолГУ М. Н. Артеменков, кандидат исторических наук, доцент и начальник отдела по формированию проектов государственной политики и работе с партнерами Управления сетевых и партнерских проектов государственной политики РАНХиГС Б. О. Церевитинова. Они обозначили регламент и задачи конференции, предполагающие рассмотрение наиболее важных вопросов, связанных с разработкой основных положений первых трех разделов курса «Основы российской государственности» для вузов правоохранительной направленности.

И. И. Мазуров, заместитель декана факультета истории и права, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин СмолГУ, кандидат юридических наук представил доклад «Смоленский ОМиЦ по обеспечению внедрения в образовательные программы вузов правоохранительной направленности модуля „Основы российской государственности“: задачи и перспективы». В начале выступления он осветил основные предпосылки формирования Центра, а также краткую дорожную карту его функционирования. И. И. Мазуров особо подчеркнул, что работа не будет сводиться исключительно к проведению научно-методических мероприятий и подготовке учебно-методического материала по дисциплине. Важную роль призваны сыграть:

— мастер-классы сотрудников ОМиИЦ в образовательных организациях вузов правоохранительной направленности;

— промежуточная экспертиза методических материалов, поступивших в Центр от вузов по итогам проведенных обсуждений на кафедрах;

— организация курсов повышения квалификации по преподаванию дисциплины «Основы российской государственности»;

— внешнее рецензирование нового учебно-методического комплекса по дисциплине для правоохранительных вузов.

Докладчик отметил, что сотрудники Центра делают все возможное, чтобы несколько сжатые сроки на первый этап их работы (сентябрь-декабрь 2024 г.) не сказались на ее эффективности, полноте коммуникации с представителями различных вузов и уверенности промежуточных результатов.

Старший преподаватель кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук К. А. Ситников обозначил основные характеристики и преимущества применения подкастинговых технологий в образовательном процессе [3, с. 95]. Он презентовал первый пилотный выпуск видеоподкаста «Введение в „Основы российской государственности“» (ссылку на видеоподкаст см. ниже).

В ролике в доступной и привычной для молодого поколения российских граждан форме говорится об основных причинах подготовки новой учебной дисциплины, дается общая характеристика содержания и форм проведения занятий по дисциплине «Основы российской государственности». Видеоматериалы вызвали неподдельный интерес участников мероприятия и большое число вопросов содержательного и технического характера. По итогам дискуссии было принято решение об апробации мультимедийной разработки в ближайшее время в нескольких вузах МВД России, ФСИН России и СК России.

Заключительное выступление на пленарной части мероприятия начальника кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктора юридических наук, профессора А. И. Клименко было посвящено научному обеспечению дисциплины «„Основы российской государственности“ для вузов правоохранительной направленности». Профессор отметил, что на занятиях обучающимся должны преподноситься достоверные и верифицированные научной методологией данные. Это залог успеха и конкурентоспособности той «картины мира», которая формируется в процессе преподавания. Кроме того, сами обучающиеся, сталкиваясь уже в первом семестре с данной дисциплиной, должны в рамках ее освоения знакомиться с научной методологией, включаться в исследования. Разумеется, этому должны способствовать опубликованные научные исследования и литература, появляющаяся в сфере исследования российской государственности [4, с. 24; 5, с. 95]. Чтобы обеспечить в образовании единство науки, обучения и воспитания (что принципиально необходимо), важно уделять внимание такого рода исследованиям, публиковать работы, основанные на научной методологии, которые бы не только давали нам новые знания о госу-

дарстве и мире, но и демифологизировали разного рода псевдонаучные концепции, связанные с нашей страной и определением ее места в мире.

Вторая часть конференции представляла собой деятельность трех ворк-шопов, в рамках которых были выработаны предложения по тематическому строению и общему содержательному наполнению первых трех разделов курса: «Что такое Россия», «Российское государство-цивилизация» и «Российское мировоззрение и ценности российской цивилизации».

Завершилась работа ворк-шопов открытой дискуссией, направленной на достижение консенсуса между представителями ведомственного научно-педагогического сообщества.

26 октября 2024 г. состоялась научно-методическая межрегиональная конференция по вопросам разработки основных положений блоков «Политическое устройство России» и «Вызовы будущего и развитие страны».

Открывая конференцию, ректор СмолГУ М. Н. Артеменков обратил внимание на широкий отклик (выразившийся, в том числе, в получении значительного количества предложений и рекомендаций методического характера), который получил ОМиИЦ по итогам состоявшегося в сентябре мероприятия.

Органичным продолжением вступительной части мероприятия стало выступление представителей Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя К. А. Ракова, В. И. Попова и Д. В. Богатырева на тему «Результаты работы участников научно-методической межрегиональной конференции по вопросам разработки основных положений блоков „Что такое Россия“, „Российское государство-цивилизация“ и „Российское мировоззрение и ценности российской цивилизации“ в рамках модуля».

В течение месяца в адрес Центра поступали предложения по наполнению первых трех разделов курса от представителей более чем 20 вузов правоохранительной направленности, подведомственных МВД России, ФСИН России и СК России. В значительной части из них особое внимание уделялось отражению правоохранительной специфики в рамках реализации дисциплины «Основы российской государственности».

Авторским коллективом Центра были учтены и обработаны все представленные материалы, которые постепенно ложатся в основу будущего примерного учебно-методического комплекса.

Представитель Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя К. А. Ситников представил участникам конференции второй пилотный выпуск видеоподкаста «Правоохрани-

тельная система в лицах» (ссылку на видеоподкаст см. ниже).

Ролик посвящен символической политике Российского государства [6, с. 263–264, 444], в частности, выраженной в традиции присваивать имена выдающихся соотечественников образовательным учреждениям, которая сформировалась еще в период существования Российской империи. В материале демонстрируется широчайшая география вузов правоохранительной направленности в Российской Федерации (МВД России, ФСИН России, СК России, Прокуратуры РФ): Белгород, Владивосток, Воронеж, Грозный, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Луганск, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Симферополь, Хабаровск и т. д.

В видеоматериале представлен образ правоохранительной системы в лицах соотечественников, внесших значительный вклад в обеспечение законности и правопорядка, развитие российского права и государства (О. Е. Кутафин, А. Я. Сухарев, Ф. Ф. Слипченко, В. Я. Кикоть, И. Д. Путилин, В. В. Лукьянов, И. Ф. Шилов и А. А. Кадыров).

Докладчик анонсировал опубликование первых двух пилотных выпусков подкаста в социальной сети «ВКонтакте»^{*} для более широкого распространения контента по учебной дисциплине и получения обратной связи от конечных потребителей мультимедийного образовательного продукта в целях его совершенствования.

С докладом «Выездная работа сотрудников ОМиИЦ в вузах правоохранительной направленности» выступил начальник кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя А. И. Клименко. Он подчеркнул, что сотрудники Центра неоднократно выезжали в вузы МВД России, например, в Нижегородскую академию МВД России, Омскую академию МВД России, Воронежский институт МВД России и т. д. В рамках выездов они встречались с преподавателями дисциплины «Основы российской государственности», обсуждали специфику содержания курса и совершенствование методики преподавания. Сотрудники Центра выступили с мастер-классами, посвященными ходу разработки учебно-методического комплекса по дисциплине «Основы российской

государственности» для вузов правоохранительной направленности и актуальным вопросам совершенствования преподавания курса. Такое общение полезно и представителям вузов, и сотрудникам Центра. Это также способствовало большему вовлечению профессорско-преподавательского состава вузов правоохранительной направленности в мероприятия, проводимые Центром, в его работу. Опыт выездных встреч, безусловно, является положительным. Такую практику следует продолжать и расширять, вовлекая преподавателей и ученых из разных регионов России.

В финальной части пленарного заседания с докладом «Проблемы определения пределов дифференциации содержания курса „Основы российской государственности“» в дистанционной форме выступил руководитель опорного научно-методического центра по разработке содержания модуля «Основы российской государственности» и механизмов его внедрения, доцент кафедры гражданского права и процесса Вятского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент Д. А. Плотников. Поделившись положительным опытом Центра, он заострил внимание на вопросе унифицированности и дифференцированности преподавания курса. Действительно, существует необходимость на ценностном уровне в единстве содержания курса, это обуславливается и тем, что научное знание не может противоречить само себе и формирует релевантный образ российской государственности. Однако при этом, в зависимости от категорий обучающихся и профилей вузов, следует гибко относиться к той части содержания, которая иллюстрирует характеристики российской государственности, обращаться к подвигам, достижениям, персоналиям и событиям с учетом профессионального профиля обучающихся (чем и обусловлена постановка вопроса подготовки учебно-методического комплекса, в частности, для вузов правоохранительной направленности).

Вторая часть конференции вновь была представлена тематическими ворк-шопами в смешанном (очном и дистанционном) формате с последующей дискуссией.

16 ноября 2024 г. прошел научно-методический межрегиональный круглый стол «Специфика концепции и проблемы преподавания курса „Основы российской государственности“ в вузах правоохранительной направленности».

Участников круглого стола, завершающего цикл научно-методических мероприятий Центра в 2024 г., традиционно поприветствовали М. Н. Артеменков и Б. О. Церевитинов.

^{*} Соответствующие ссылки в виде qr-кодов размещены в настоящей статье.

Организаторами подчеркивалось, что, несмотря на «резолютивный» в некоторой степени характер круглого стола, работа ОМиИЦ на этом не завершается, любое предложение от научно-педагогического сообщества по формированию учебно-методического комплекса по дисциплине «Основы российской государственности» для правоохранных вузов ни в коем случае не останется без должного внимания.

Первым с докладом «Организационно-методический и информационный Центр по обеспечению внедрения в образовательные программы вузов правоохранительной направленности модуля „Основы российской государственности“: планы и перспективы» выступил начальник кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя А. И. Клименко. Он представил «дорожную карту» перспективной работы Центра. При этом акцент был сделан как на ближайшую, так и на далекую перспективу. Так, в плане ближайшей перспективы было обозначено формирование учебно-методического комплекса, включающего в себя примерную рабочую программу и сборник планов проведения семинарских занятий, а также организация повышения квалификации для представителей вузов. В плане дальней перспективы отмечена необходимость проведения научных исследований по совершенствованию методики преподавания в рамках групповых занятий, а также методики творческой работы обучающихся: подготовка эссе, рефератов, работа с проектами и их презентация. В этом плане видится многообещающей подготовка научно-методического пособия на основе анализа методик, подходов и мнений как можно большего числа преподавателей. Практика работы с учебными подкастами и выездная деятельность (встречи и выступления с мастер-классами) также должны быть расширены для повышения интереса обучающихся и вовлечения большего количества ученых и педагогов в общее дело. Кроме того, был сделан акцент на том, что потребность в повышении квалификации будет сохраняться и в дальней перспективе, и возможность такого повышения (с учетом научно-методических наработок Центра) должна сохраняться.

Докладчик подчеркнул необходимость совершенствования учебников и учебных пособий социогуманитарного плана в контексте согласования с учетом содержания курса. Например, возможной была бы переработка учебников и учебных пособий по следующим дисциплинам: «Философия права», «История политических и правовых учений», «Теория государства и права», «Правоведение», «История государства и права России», «Конституционное право России» и др. Создание отдельного

учебника / учебного пособия по дисциплине «Основы российской государственности» для правоохранителей — вопрос дискуссионный, так как все-таки необходимо заботиться об унификации содержания курса [6, с. 111]. К этому вопросу выступающий предложил вернуться после формирования учебно-методического комплекса и научно-методического пособия по проведению групповых занятий и творческой работе обучающихся.

К. А. Ситников представил участникам круглого стола проект примерной рабочей программы дисциплины «Основы российской государственности» для вузов правоохранительной направленности. Он отметил, что данная рабочая программа — в определенном смысле результат работы каждого из участников наших конференций. «Мы творчески осмыслили и переработали каждое из ваших высказываний, каждое прозвучавшее предложение, каждый присланный методический материал. При этом одновременно с учетом ведомственной специфики в рабочую программу были заложены общие принципы и ценности, независимо от ведомственной принадлежности вуза, формирующие мировоззрение будущего компетентного специалиста в области обеспечения законности, правопорядка и национальной безопасности» — отметил докладчик.

В основу построения тематического плана была заложена концепция, согласно которой каждой (в некоторой степени обзорной) лекции соответствуют два семинара (как основной форме занятий по «Основам российской государственности»). Такой подход делает курс более стройным и логичным, а также закладывает прочную основу для подготовки в будущем учебно-методических материалов (в том числе в виде настольных игр). Примерный тематический план учебной дисциплины «Основы российской государственности» представлен в таблице.

С очными и дистанционными участниками круглого стола были поэтапно обсуждены все разделы рабочей программы. Благодаря продуктивной дискуссии некоторые элементы представленного документа были усовершенствованы и оптимизированы.

Особую поддержку среди научно-педагогического сообщества получила вариативность формы проведения зачета. Первая форма — устная, по билетам. Каждый билет включает в себя два теоретических вопроса. Вторая форма — проектная работа. Преподаватель может дать проектное задание, связанное с содержанием разделов дисциплины, наиболее успевающим обучающимся.

К. А. Ситников отметил, что мы уже можем говорить об одном из перспективных направлений нашей работы в 2025 г., связанном с подготовкой развернутых методических рекомендаций по организации зачета в виде проектной работы.

Таблица. Примерный тематический план учебной дисциплины «Основы российской государственности» для вузов правоохранительной направленности (с учетом замечаний и предложений от представителей научно-педагогического сообщества)

№	Наименование разделов и тем	Всего часов	Виды занятий		
			Самостоятельная работа	Лекции	Семинары
Раздел I. Что такое Россия					
1	Современная Россия: цифры и факты	4	1	1	2
2	Испытания, победы и герои России	4	1	1	2
Раздел II. Российское государство-цивилизация					
3	Подходы к типологизации общества	4	1	1	2
4	Цивилизационный подход: возможности и ограничения	3		1	2
5	Философское осмысление России как цивилизации	7	1	2	4
Раздел III. Российское мировоззрение и ценности русской цивилизации					
6	Мировоззрение и идентичность	3		1	2
7	Системная модель мировоззрения русского общества	4	1	1	2
8	Ценности русской цивилизации	4	1	1	2
9	Государство и мировоззрение	4	1	1	2
Раздел IV. Политическое устройство России					
10	Власть в политико- правовом измерении	4	1	1	2
11	Правовое государство и гражданское общество	3		1	2
12	Система органов государственной власти в Российской Федерации	4	1	1	2
13	Правоохранительные органы в единой системе публичной власти России	4	1	1	2
Раздел V. Вызовы будущего и развитие страны					
14	Глобальные вызовы современности	3		1	2
15	Участие России в решении глобальных проблем	3		1	2
16	Основы стратегического планирования развития Русского государства	4	1	1	2
17	Образ будущего России	4	1	1	2
ПЗ	Подготовка к зачету				
Дифференцированный зачет		6			
За 1 семестр		72	12	18	36
Итого за период обучения		72	12	18	36

Презентации проекта примерного сборника планов проведения семинарских занятий по дисциплине «Основы российской государственности» для вузов правоохранительной направленности было посвящено выступление доцента кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидата юридических наук В. И. Попова. Докладчик отметил, что сборник планов проведения занятий — неотъемлемая часть учебно-методического комплекса и закономерное продолжение первой его части в виде рабочей программы.

В план проведения каждого занятия входят:

- перечень вопросов, подлежащих обсуждению (с одной стороны, информативных, а с другой стороны, дающих преподавателю достаточную автономию в ходе организации учебного процесса);
- основные нормативные правовые акты по теме;
- основная и дополнительная литература по теме;
- темы докладов/рефератов;
- задания к самостоятельной работе;
- иные дополнительные элементы.

Презентация всех 17 планов сопровождалась активными дискуссиями, в ходе которых конвенционально совершенствовались и оптимизировались их отдельные положения.

Руководитель опорного научно-методического центра по разработке содержания модуля «Основы российской государственности» и механизмов его внедрения, доцент кафедры гражданского права и процесса Вятского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент Д. А. Плотников в дистанционной форме представил доклад «Потенциал музейного пространства в преподавании курса „Основы российской государственности“». В ходе выступления он описал преимущества организации выездных занятий по теме «Основы российской государственности» в музейных учреждениях, в том числе функционирующих при правоохранительных ведомствах. На примере накопленного докладчиком богатого педагогического опыта были раскрыты наиболее значимые организационные и методические аспекты проведения такого рода занятий.

После выступлений докладчиков мероприятие вновь перешло в формат открытой дискуссии: обсуждались представленные научно-педагогическому сообществу материалы, подводились некоторые итоги проведенной работы. Был озвучен ряд дополнительных предложений и рекомендаций, поступивших за прошедшие месяцы от кафедр вузов правоохранительной направленности, а также возникших у их представителей непосредственно в ходе круглого стола.

Участие в цикле мероприятий ОМиИЦ в 2024 г. приняли представители около 30 образовательных организаций Прокуратуры РФ, СК России, МВД России и ФСИН России, а также сотрудники вузов Минобрнауки России. География участников — от Луганска до Хабаровска, от Санкт-Петербурга до Омска.

По итогам конференций и круглого стола организаторы и участники вновь пришли к выводу об эффективности конвенционального способа выработки базовых положений курса «Основы российской государственности», позволяющего аккумулировать

разнообразные педагогические практики, потенциал многочисленных отечественных ведомственных научных школ и учесть специфику различных правоохранительных органов. Результаты проведенной работы станут достойной основой для постепенного формирования учебно-методической базы по дисциплине: от завершения подготовки примерного учебно-методического комплекса до создания новых материалов (курса лекций, методических рекомендаций по проведению промежуточной аттестации, мультимедийного контента и т. д.) [7, с. 21].

Список источников

1. Калиниченко И. А., Зиборов О. В., Клименко А. И. Место и роль учебной дисциплины «Основы российской государственности» в системе теоретической подготовки юристов для Министерства внутренних дел Российской Федерации // История государства и права. 2023. № 11.
2. Клименко А. И., Мазуров И. И., Ситников К. А. Обзор научно-методической межрегиональной конференции по вопросам разработки основных положений модуля «Основы российской государственности» и его внедрения в образовательный процесс вузов правоохранительной направленности // Вестник экономической безопасности. 2025. № 1.
3. Развитие российской государственности. Опыт теоретико-правового и историко-правового анализа : монография / Н. Д. Эриашвили, А. И. Клименко, И. Н. Гуледани [и др.]. М., 2024.
4. Савенков А. Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации : монография. М., 2024.
5. Ситников К. А. Опыт применения подкастинговых технологий в образовательном процессе вуза (на примере преподавания теоретико-исторических правовых дисциплин) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2024. № 1.
6. Харичев А. Д., Полосин А. В., Селезнева А. В. Основы российской государственности : учеб. пособие. М., 2024.
7. Основы российской государственности (для вузов правоохранительной направленности) : учеб.-метод. комплекс / М. Н. Артеменков, Д. В. Богатырев, М. В. Каиль [и др.]. Смоленск, 2024.

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2025-499-404-409

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Дистанционное участие в уголовном судопроизводстве: влияние на непосредственность судебного разбирательства

Петр Валерьевич Козловский

кандидат юридических наук, докторант научно-исследовательского отдела¹,

✉ kozlovskypv@yandex.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Автором исследована динамика применения видео-конференц-связи (далее — ВКС) в судебных стадиях уголовного процесса России за период с 2018 г. по 2024 г. Оцениваются преимущества и недостатки дистанционного участия в уголовном судопроизводстве. Анализируется зарубежный опыт, в рамках которого выделяются две тенденции: ограничение применения ВКС (европейские страны) и активное внедрение технологий, позволяющих дистанционно участвовать в судебном производстве (КНР). Исследовано положительное и отрицательное значение применения ВКС для обеспечения непосредственности судебного разбирательства, состязательности и права на защиту. Оценивается специфика влияния ВКС в судах различных инстанций на качество отправления правосудия. Обосновывается неизбежность более широкого применения различных форм дистанционного участия в уголовном судопроизводстве. Отмечена целесообразность расширения применения ВКС как альтернативы оглашению показаний, заочному рассмотрению уголовного дела, а также недопустимость подмены очного участия дистанционным по мотивам удобства и целесообразности. Указана возможность минимизации недостатков удаленного участия в производстве по уголовному делу с помощью технологий виртуальной реальности.

Ключевые слова: видео-конференц-связь, виртуальная реальность, дистанционное участие, непосредственность, состязательность, право на защиту

Для цитирования: Козловский П. В. Дистанционное участие в уголовном судопроизводстве: влияние на непосредственность судебного разбирательства // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 4(99). С. 404–409.

Distant Participation in Criminal Proceedings: Impact on the Immediacy of a Trial

Petr V. Kozlovsky

Candidate of Science (in Law), Doctorate degree student of the Science and Research department¹,

✉ kozlovskypv@yandex.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The author studies the dynamics of the use of video-conference communication (hereinafter — VCC) at the judicial stages of criminal proceedings in Russia during the period from 2018 to 2024. The advantages and disadvantages of distant participation in criminal proceedings are evaluated. The foreign experience is analyzed, within which two trends are distinguished: restriction of the use of VCC (European countries) and active introduction of technologies ensuring distant participation in court proceedings (the People's Republic of China). The positive and negative impact of the use of VCC in ensuring the immediacy of the trial, the adversarial nature and the right to a defence is investigated. The author evaluates specific influence of VCC in courts of different instances on the quality of administration of justice. The inevitability of wider use of various forms of distant participation in criminal proceedings is argued. The usefulness of expanding the use of VCC as an alternative to the reading of statements, distant trial of a criminal case, and the inadmissibility of substituting physical participation by distant one for reasons of convenience and expediency are noted.

Keywords: video-conference communication, virtual reality, distant participation, immediacy, adversarial nature, right to a defence

Citation: Kozlovsky P. V. Distant Participation in Criminal Proceedings: Impact on the Immediacy of a Trial. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 4(99). Pp. 404–409 (In Russ.).

Технологии ВКС прочно проникли в повседневную жизнь. В значительной степени их ускоренному внедрению способствовала пандемия коронавируса, военные и террористические угрозы. Общая тенденция расширения дистанционных способов ком-

муникации не обошла стороной и уголовное судопроизводство. Однако расширение применения ВКС сопровождается серьезными опасениями в части влияния на фундаментальные положения уголовного процесса. Ключевым условием справедливого

судебного разбирательства является непосредственное исследование судом доказательств, в том числе заслушивание показаний и их последующее исследование с участием сторон. Будет ли применение ВКС полноценной заменой личного участия — сложный вопрос, требующий внимательного изучения.

В ходе исследования была проанализирована судебная статистика за период с 2018 г. по 2024 г. в целях оценки складывающейся тенденции применения ВКС во время и после завершения пандемии, проверки гипотезы об устойчивом росте применения дистанционных технологий, который пандемия ускорила, не оказав определяющего воздействия. Применительно к судам первой инстанции исследовались статистические данные по уголовным делам, рассмотренным с вынесением итогового решения, и о ходатайствах об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей как наиболее важные решения, требующие личного участия подозреваемого (обвиняемого). При анализе деятельности судов апелляционной и кассационной инстанции наряду со сведениями о рассмотрении уголовных дел были исследованы данные обо всех решениях в порядке судебного контроля¹.

Общая динамика свидетельствует о стабильном увеличении количества случаев применения ВКС

в судах первой инстанции с 0,73% в 2018 г. до 2,45% в 2024 г. Спад после завершения пандемии в 2021–2022 гг. носил временный характер и влияния на общую тенденцию не оказал: в отсутствие ограничений к концу 2024 г. произошло превышение пандемийного уровня (2020 г.) (таблица 1).

Количество рассмотренных ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей также выросло в 2020 г. до 3,23%. После завершения пандемии этот показатель значительно снизился. Но в 2023–2024 гг. отмечается постепенное увеличение доли заседаний с применением ВКС.

Доля уголовных дел, рассмотренных судами апелляционной инстанции с применением ВКС, значительно выше (стабильно более 40%) (таблица 2). Пандемия не оказала особого влияния на данный показатель: доля уголовных дел в пиковый 2021 г. менее чем на 4% превысила показатели 2018 г., а к 2024 г. снижение составило чуть более 2% относительно 2021 г., тем не менее, превысив показатели 2018 г. При этом доля дел с применением ВКС об обжаловании решений, принятых в порядке судебного контроля, стабильно увеличивается: с 2018 г. рост составил более 13%.

Таблица 1. Дела, рассмотренные судами первой инстанции с применением видео-конференц-связи²

Год	Уголовные дела с вынесением итогового решения		Ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей	
	Всего	С использованием ВКС	Всего	С использованием ВКС
2018	885242	6421 (0,73%)	331093	604 (0,18%)
2019	806097	7283 (0,9%)	323927	688 (0,21%)
2020	748955	15806 (2,11%)	298028	9636 (3,23%)
2021	769948	12937 (1,68%)	301882	4537 (1,5%)
2022	771107	10363 (1,34%)	301848	2473 (0,82%)
2023	727194	15537 (2,14%)	275478	3707 (1,35%)
2024	659878	16200 (2,45%)	258176	3675 (1,42%)

Таблица 2. Дела, рассмотренные судами апелляционной инстанции с применением видео-конференц-связи³

Год	Уголовные дела с вынесением итогового решения		Судебные решения в порядке судебного контроля	
	Всего	С использованием ВКС	Всего	С использованием ВКС
2018	119631	51002 (42,63%)	110813	45755 (41,29%)
2019	115530	51853 (44,88%)	117225	51052 (43,54%)
2020	102235	46996 (45,97%)	123280	58535 (47,48%)
2021	112689	52322 (46,43%)	131153	63784 (48,63%)
2022	120375	55695 (46,27%)	130937	66189 (50,55%)
2023	121636	55057 (45,26%)	128830	69037 (53,59%)
2024	116265	51163 (44,01%)	133201	72899 (54,73%)

¹ Необходимо отметить, что обобщенные данные по всем видам решений в досудебном производстве менее информативны, так как по вопросам, не связанным с обжалованием мер пресечения, судебные заседания чаще проводятся без участия лиц, подавших жалобу. Однако в статистических данных сведения по отдельным видам решений не выделяются.

² Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2018–2024 гг. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 06.05.2025).

³ Там же.

Наиболее высока доля дел, рассмотренных с применением ВКС, в судах кассационной инстанции (таблица 3). В период с 2018 г. по 2024 г. имеет место устойчивый рост доли уголовных дел с 39,39% до 70,25%. По жалобам на решения в порядке судебного контроля за указанный период также произошло существенное увеличение с 22,39% до 38,35%. По последней категории дел пик приходится на 2023 г. (42,92%). Но, как представляется, снижение в 2024 г. об изменении общей тенденции не свидетельствует, так как доля рассмотренных дел с применением ВКС осталась существенно выше показателей 2022 г. Высокий уровень дистанционного участия в кассационных судах объясняется их территориальной удаленностью и затруднительностью личного присутствия.

Указанная динамика свидетельствует о том, что рост применения ВКС является устойчивой тенденцией, на которую пандемия коронавируса оказала ограниченное влияние.

Таблица 3. Дела, рассмотренные судами кассационной инстанции с применением видео-конференц-связи⁴

Год	Уголовные дела с вынесением итогового решения		Судебные решения в порядке судебного контроля	
	Всего	С использованием ВКС	Всего	С использованием ВКС
2018	7424	2924 (39,39%)	585	131 (22,39%)
2019	7052	2931 (41,56%)	601	148 (24,63%)
2020	19621	11102 (56,58%)	803	221 (25,52%)
2021	39902	27174 (68,1%)	548	199 (36,31%)
2022	42297	29527 (69,81%)	412	157 (38,11%)
2023	35469	24549 (69,21%)	424	182 (42,92%)
2024	31008	21783 (70,25%)	339	130 (38,35%)

Принимаемые меры организационного и правового характера свидетельствуют о намерении значительно расширить возможности дистанционного участия в судебных заседаниях. Продолжается разработка и внедрение сервиса «Правосудие онлайн», который в обозримом будущем позволит участвовать в судебных заседаниях с использованием технологии веб-конференции с личных устройств в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве⁵. Обсуждается вопрос о внесении изменений в УПК РФ, которые позволят допрашивать свидетелей и потерпевших посредством видеозвонка на телефонный номер. Идентификацию участника планируется осуществлять с помощью сервиса «Госуслуги» [1, с. 166].

Более широкому применению ВКС будет способствовать расширение круга преступлений, дела о которых могут быть рассмотрены в отсутствие подсудимого⁶.

К положительным чертам дистанционного участия можно отнести:

- сокращение сроков производства по уголовному делу;
- сокращение судебных издержек;
- обеспечение безопасности;
- получение показаний, которые по причине невозможности явки участников не могли бы быть получены [2, с. 20–21; 3, с. 27; 4, с. 21].

Необходимо отметить, что не все авторы разделяют уверенность в снижении издержек, указывая на возможный рост нагрузки в результате исполнения поручений [5, с. 174]. С указанным доводом сложно согласиться. Вероятно, на отдельные суды и подразделения нагрузка возрастет. Но общий эффект для правоохранительной системы и экономики в целом будет положительным за счет снижения затрат на проезд и проживание, минимизации отвлечения участников уголовного судопроизводства от исполнения трудовых обязанностей.

В определенной части использование ВКС может иметь важное значение для обеспечения доказывания и реализации права на защиту. При отсутствии оснований для оглашения показаний и невозможности явки свидетелей и потерпевших указанные доказательства могут быть недоступны для исследования. Но даже в случае оглашения протоколов следственных действий онлайн-допрос предоставляет гораздо большие возможности для оспаривания показаний и способствует реализации начала непосредственности. Дистанционное участие в производстве по уголовному делу подсудимого может быть хорошей альтернативой заочному рассмотрению.

Вместе с тем широкое применение ВКС сопряжено с рядом сложностей. Во-первых, это технические проблемы: сбои связи, низкое качество изображения, вероятность разглашения информации и др. [6, с. 23]. Во-вторых, дистанционное общение даже при хорошем качестве связи влечет ухудшение

⁴ Там же.

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О внесении изменения в статью 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 101-ФЗ.

восприятия невербальных сигналов, как следствие, рост когнитивной нагрузки [7, р. 292]⁷. Исследования показали, что дистанционное общение оценивается высоко в случае решения рутинных задач. Обсуждение важных вопросов, требующих эмоционального контакта, считается предпочтительным проводить лично [8, р. 1313]. Это особенно важно в уголовном судопроизводстве, где «присутствие человека в зале судебного заседания активизирует эмоциональную составляющую, оказывающую серьезное воздействие на принимаемое решение» [9]. Кроме того, участие с помощью ВКС осложняет контакт между подсудимым и защитником, затрудняет изучение предметов и документов, исследуемых судом, ухудшает качество восприятия показаний. Как следствие, затрудняются оценка достоверности доказательств [4, с. 22], реализация принципов состязательности и обеспечения права на защиту [10, с. 67; 11, с. 24–25].

Интересным представляется зарубежный опыт решения данной проблемы. Попытка существенно видоизменить уголовный процесс во Франции во время пандемии коронавируса путем наделения участников возможностью участвовать в судебном разбирательстве с помощью любых средств связи, включая телефон, была пресечена Конституционным и Государственным советами. Возобладала позиция, не допускающая замены реального участия в отправлении правосудия виртуальным, а право на физический доступ к правосудию признано незыблемым, по крайней мере, пока [12, с. 53–54].

Верховный Суд Австрии расценил участие подсудимого по ВКС из места содержания под стражей по другому делу как его отсутствие по причине нарушения права на защиту и принципа непосредственности судебного разбирательства. В Канаде дистанционное участие подсудимого возможно только с согласия стороны защиты [11, с. 25].

Очень активно развивается цифровизация судопроизводства в КНР. С 2019 г. Верховный народный суд создал в 12 городах и провинциях Китая «мобильные суды», позволяющие с помощью технологии распознавания лиц и других способов идентификации участвовать в производстве по делу с помощью смартфона [13, с. 56]. В период пандемии показательным стал вынесенный в онлайн-режиме приговор в отношении Чжан Чжэна за сбыт поддельных защитных медицинских масок. Судебное разбирательство полностью

проходило с применением ВКС. Судья, защитник, прокурор и подсудимый находились в разных местах [14, с. 80].

Масштабы цифровизации судопроизводства КНР свидетельствуют о том, что в обозримом будущем дистанционное участие в производстве по уголовным делам может стать преобладающей формой, которая со временем заменит традиционный очный формат. Судам всех инстанций предписано обеспечить развертывание деятельности в онлайн-режиме. В целях обеспечения права на защиту сделана оговорка о недопустимости принуждения сторон к проведению судебного разбирательства в дистанционном формате. Однако отказ от онлайн-участия влек отложение производства до завершения пандемии, а значит, и неограниченно длительное применение мер принуждения⁸, делая его крайне невыгодным для подсудимого.

Расширение дистанционных форм участия в производстве по уголовным делам неизбежно и обусловлено объективными тенденциями цифровизации общества и правосудия. В развитии ВКС требуется взвешенный подход, обеспечивающий соблюдение баланса между стремлением снизить судебные издержки и необходимостью полноценного непосредственного исследования доказательств. Следует стремиться к обеспечению очного участия допрашиваемых лиц в судебном заседании. Дистанционное участие подсудимого в суде первой инстанции должно быть возможно только по его ходатайству как альтернатива заочному рассмотрению уголовного дела. Онлайн-участие при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения или продлении срока ее действия без согласия обвиняемого должно иметь место лишь в исключительных случаях, когда его личное присутствие невозможно.

Классическая апелляция предполагает проведение судебного разбирательства по правилам производства в суде первой инстанции. Соответственно, активное применение ВКС для обеспечения участия подсудимого в суде первой и апелляционной инстанции, в том числе в рамках судебного контроля при избрании и продлении срока действия меры пресечения, ведет к ослаблению начала непосредственности и ограничению права на защиту. Дистанционное участие подсудимого является уместным и оправданным в качестве альтернативы заочному разбирательству. Для этого требуется разработка порядка

⁷ Имеются исследования, доказывающие отсутствие значимых отличий при личном общении, коммуникации посредством ВКС и технологий виртуальной реальности. Однако длительность эксперимента не превышала 15 минут, что вызывает серьезные сомнения в обоснованности сделанных выводов. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/virtual-reality/articles/10.3389/frvir.2024.1463189/full> (дата обращения: 06.05.2025).

⁸ Извещение об усилении стандартизации процессуальной работы онлайн в период предупреждения и контроля за коронавирусной инфекцией нового типа Верховного Суда КНР [15, с. 81].

дистанционного участия лиц, находящихся за пределами России, через дипломатические представительства и правоохранительные органы иностранных государств.

Оценка влияния дистанционного участия свидетелей, потерпевших и иных участников на реализацию начала непосредственности не столь однозначна. Применение ВКС при возможности обеспечить личную явку следует оценить негативно. Однако нередко участники производства по уголовному делу могут находиться на значительном удалении от места судебного разбирательства. В таком случае дистанционное участие будет отвечать требованию о непосредственном исследовании доказательств в значительно большей степени, чем оглашение протокола следственного действия. Требуется уточнить порядок производства допроса по ВКС, установив обязанность мотивировать принимаемое решение невозможностью или крайней сложностью обеспечения очного участия в судебном заседании.

Широкое применение ВКС в судах кассационной инстанции следует оценить положительно. В силу их удаленности от местонахождения участников производства по делу возможной альтернативой будет только заочное рассмотрение уголовного дела.

Отметим, что дальнейшее развитие информационных технологий способно значительно смягчить существующие проблемы удаленного участия. Технологии виртуальной реальности, применяемые для организации деловых встреч в бизнес-сообществе, по ряду параметров стали ближе к живому общению, хотя и не обошли его по качеству восприятия и вовлеченности. Вместе с тем дистанционное участие в будущем наряду с описанными недостатками несет новые возможности для усиления начала непосредственности: давать показания в обстановке происшедших событий, совмещая современный допрос и проверку показаний на месте, оставаясь при этом в одном физическом пространстве [15, р. 21].

Однако, используя современные технологии, не следует забывать, что возможность полноценного непосредственного исследования доказательств с участием сторон является ключевым элементом, отличающим судебное доказывание от следственного. Применение любых технических инноваций, способных повлиять на реализацию требования непосредственности, должно основываться на тщательном анализе недостатков и преимуществ такого шага.

Список источников

1. Муравьев К. В., Широка Э. Х. Применение технических средств связи в уголовном судопроизводстве: от вызовов времени к возможностям и перспективам // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 3.
2. Мичурина О. В. Информатизация уголовного судопроизводства в аспекте возможностей и преимуществ для предварительного расследования // Российский следователь. 2022. № 12.
3. Шурухов Н. Г. Правовые и информационно-технические процедуры производства допроса посредством систем видео-конференц-связи (анализ отдельных положений ст. 189¹ УПК РФ) // Российский следователь. 2022. № 7.
4. Волынская О. В., Семенова Е. В. Применение видео-конференц-связи в досудебном производстве по уголовным делам: перспективы и реальность // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5.
5. Проказин Д. Л., Семенов Е. А., Ляпин А. И. Развитие видеотехнологий в уголовном процессе России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 3.
6. Тютерева Ю. С. Способен ли процессуальный порядок производства по уголовному делу обеспечить процессуальные гарантии его участников? // Российский следователь. 2022. № 7.
7. Hove D. P., Watson B. The Shortcomings of Video Conferencing Technology, Methods for Revealing Them, and Emerging XR Solutions // Virtual and Augmented Reality. 2022. № 31.
8. Florina P., Valentin S. Virtual Versus Face-to-Face Meetings: A Study Regarding Romanian Managers' Perceptions. International Conference on Business Excellence, 2022.
9. Нам нужно определиться с моделью уголовного процесса для его дальнейшего развития. Интервью с Л. В. Головки // Закон. 2024. № 4.
10. Суременова С. В., Спиридонов М. С. Дистанционное участие в судебном разбирательстве уголовного дела. Новые возможности // Уголовный процесс. 2023. № 6.
11. Коновалов С. Г. Дистанционное участие подсудимого в уголовном процессе: опыт Австрийской Республики // Уголовное судопроизводство. 2024. № 4.
12. Головки Л. В. Изменение подходов к применению видео-конференц-связи в уголовном процессе Франции: от санитарно-технологического к ценностно-процессуальному дискурсу // Законность. 2022. № 6.

13. Драгилев Е. В., Драгилева Л. Л., Дровалева Л. С., Паламарчук С. А. Информатизация судебной системы Китая // Юридическая наука. 2022. № 8.
14. Троицкий П. В. Судебная система КНР в эпоху цифровизации: основные направления развития // Российское правосудие. 2021. № 6.
15. Abdullah A, Kolkmeier J., LO V., Neff M. Videoconference and Embodied VR: Communication Patterns Across Task and Medium // Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction. 2021. Vol. 5, No. CSCW2, Article 453.

УДК 351.741

doi: 10.24412/1999-625X-2025-499-410-413

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Правовой режим чрезвычайных обстоятельств как важное условие деятельности полиции по обеспечению безопасности в городе

Юлия Леонидовна Корабельникова

кандидат юридических наук, доцент, докторант факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров¹,

✉ korable79@yandex.ru

¹ Академия управления МВД России (Москва, Россия)

Полиция играет ключевую роль в обеспечении безопасности в городе как в повседневных, так и в особых условиях, что определяется, с одной стороны, полифункциональностью подразделений полиции, совокупностью полномочий, возложенных на них, а с другой — тем, что существующие в городах вызовы и опасности могут приводить к возникновению различных чрезвычайных обстоятельств. Чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, которые вызывают наиболее ощутимые последствия для городских жителей, проводимые в городах массовые и публичные мероприятия, резонансные преступления, совершаемые организованными преступными группами или носящие транснациональный характер, могут стать катализатором чрезвычайных обстоятельств социального характера, прежде всего массовых беспорядков. И таких примеров немало в современной российской истории. Более того, именно города находятся в наиболее уязвимом состоянии в случае совершения террористических актов или военных атак. Все это актуализирует деятельность полиции по обеспечению безопасности в городе в условиях чрезвычайных обстоятельств социального характера и позволяет сделать вывод о необходимости законодательного закрепления и правового регулирования правового режима чрезвычайных обстоятельств.

Ключевые слова: безопасность города, органы полиции, чрезвычайные обстоятельства социального характера, особый правовой режим

Для цитирования: Корабельникова Ю. Л. Правовой режим чрезвычайных обстоятельств как важное условие деятельности полиции по обеспечению безопасности в городе // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 4(99). С. 410–413.

Legal Regime of Emergency as an Important Condition for the Police to Provide Security in the City

Yulia L. Korabelnikova

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Doctorate degree student of the faculty of Scientific and Pedagogical Personnel Training¹,

✉ korable79@yandex.ru

¹ Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

Police authorities play a key role in ensuring security in the city both in everyday and special conditions, which is determined, on the one hand, by the multifunctional character of these state bodies, the totality of powers entrusted to them, and on the other — by the fact that challenges and hazards in the cities can lead to different types of emergencies. Natural and man-made emergencies that have the greatest impact on urban residents, mass and public events in the cities, high profile crimes committed by organized criminal groups or of a transnational nature, can become a catalyst for social emergencies, primarily mass riots. And there are many such examples in modern Russian history. Moreover, it is the cities that are most vulnerable to terrorist acts or military attacks. All this updates the activities of the police to ensure security in the city under conditions of social emergency and allows us to conclude that it is necessary to legislate and regulate this legal regime.

Keywords: city safety, police, emergency circumstances of social character, special law regime

Citation: Korabelnikova Y. L. Legal Regime of Emergency as an Important Condition for the Police to Provide Security in the City. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 4(99). Pp. 410–413 (In Russ.).

Правовые нормы регламентируют все стороны организации и деятельности полиции, что является закономерным и обусловлено возложенными на

нее властными полномочиями, которые предусматривают возможность правомерного вторжения в частную жизнь человека, законное ограничение

прав и свобод личности. Несомненно, это одна из онтологических особенностей полиции, присущая практически всем правоохранительным органам [1, с. 287].

Массовые и публичные акции являются частью жизни городского населения, а также приезжих, которые часто прибывают в города именно в целях посещения спортивных, культурных, религиозных и иных мероприятий. Это во многом осложняет деятельность органов публичной власти по обеспечению безопасности в городе, поскольку на подобных мероприятиях достаточно высока вероятность возникновения ситуаций, вызванных чрезвычайными обстоятельствами, как правило, социального характера. К ним, прежде всего, относятся массовые беспорядки, угрожающие жизни и здоровью людей. Жертвами таких ситуаций становятся наиболее уязвимые группы населения (дети, женщины, пенсионеры, лица с ограниченными возможностями и т. д.). В то же время значительная часть представителей данных категорий населения является активными участниками общественных мероприятий [2, с. 144].

На подразделения полиции возложено обеспечение безопасности в городе в различных условиях. Однако их особая роль проявляется при возникновении обстоятельств чрезвычайного характера, когда прямой угрозе подвергаются жизнь, здоровье, права и свободы граждан [3, с. 301], что приводит к необходимости своевременного и компетентного применения мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства в условиях городской среды. Это обусловлено тем, что именно на города направлено действие основных угроз общественной безопасности, среди которых следует выделить: деятельность террористических и экстремистских организаций; использование информационных и телекоммуникационных технологий для пропаганды и распространения запрещенной в государстве идеологии (например, фашизма); деятельность преступных организаций и сообществ, которые в настоящее время создаются в целях совершения преступлений международного характера, прежде всего связанных с торговлей людьми, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия и взрывчатых веществ и т. д. Все эти угрозы влекут наступление чрезвычайных обстоятельств.

В Федеральном конституционном законе «О чрезвычайном положении»¹ обстоятельства чрезвычайного характера разделены на две большие группы, первую из которых составляют чрезвычайные обстоятельства социального характера (попытка захвата власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки и др.), отличающиеся масштабностью и вызывающие необходимость применения специальных правовых, организационных и других, нередко достаточно жестких мер, реализуемых в условиях введения особых правовых режимов, а ко второй относятся чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера [4, с. 39]. Этот закон содержит прямое указание об использовании сил и средств органов внутренних дел для обеспечения данного особого правового режима независимо от обстоятельств его введения. Более того, нормами федеральных конституционных законов «О военном положении»² и «О чрезвычайном положении» закреплены меры обеспечения соответствующих режимов, к которым относятся усиление охраны общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, которые возложены на подразделения полиции. Необходимо отметить, что данные нормы коррелируют с положениями Федерального закона «О полиции»³ (далее — Закон о полиции), закрепляющими обязанность полиции участвовать в обеспечении режимов военного и чрезвычайного положений в случае их введения на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях.

Военная безопасность, безусловно, составляет основу безопасности государства в целом, но именно города, причем крупные, являются наиболее уязвимыми с точки зрения обеспечения их безопасности. Поэтому в городах в рамках обеспечения военной безопасности разрабатывается и осуществляется комплекс мер по гражданской обороне (подготовка защитных сооружений, развитие и совершенствование материально-технической базы, медицинских и иных средств и т. д.)⁴, готовятся маршруты и средства эвакуации населения, пункты временного размещения за пределами городов и т. д. В современных условиях данный вид безопасности приобретает еще большую актуальность, с учетом того что в четырех регионах России на основании Конституции РФ более двух лет действует режим военного положения. При этом беззащитность мегаполисов, даже находя-

¹ О чрезвычайном положении : федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О военном положении : федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ

³ О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ.

⁴ См., напр.: Муниципальная программа городского округа Красногорск Московской области «Безопасность и обеспечение безопасности жизнедеятельности населения на 2023–2027 годы», утв. постановлением администрации городского округа Красногорск Московской области 14 октября 2022 г. № 2250/10. URL: https://krasnogorsk-adm.ru/doc/doc_8678.html (дата обращения: 04.03.2025).

щихся за пределами территории, на которой введено военное положение, хорошо заметна в условиях специальной военной операции, когда отключение электроэнергии приводит к катастрофическим последствиям, дезорганизации жизнедеятельности города [5, с. 4]. Кроме того, достаточно часто нападение на объекты энергетической и иной инфраструктуры приводит к чрезвычайным ситуациям техногенного характера (например, пожар в районе нефтеперерабатывающего завода в городе Энгельсе после атаки беспилотников, атаки на энергетические объекты в Курской, Белгородской, Брянской областях в марте 2025 г. и т. д.). В подобных случаях вводится режим чрезвычайной ситуации.

Данный правовой режим подлежит введению и в случаях необходимости принятия повышенных мер безопасности, вызванных чрезвычайными ситуациями природного характера. Он является наиболее востребованным и часто вводимым на территории Российского государства, так как чрезвычайные ситуации природного характера постоянно возникают в разные времена года в тех или иных местностях (паводки, наводнения, сели, оползни, пожары, землетрясения, снежные лавины и т. д.). В Федеральном законе «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»⁵ установлен Порядок деятельности органов публичной власти и основные мероприятия, проводимые ими в условиях введения данных исключительных режимов. Государственное управление и координация деятельности федеральных органов исполнительной власти в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций возложены на МЧС России. При этом законом предусмотрено применение сил и средств органов внутренних дел при ликвидации чрезвычайных ситуаций. Законом о полиции в этих условиях именно на ее подразделения возлагаются обязанности по принятию неотложных мер по спасению граждан, охране имущества, оставшегося без присмотра, содействие работе спасательных служб, а также обеспечение общественного порядка при проведении карантинных мероприятий.

К числу особых правовых режимов, предусматривающих деятельность органов публичной власти по профилактике и борьбе с терроризмом, относится также правовой режим контртеррористической операции⁶, который признается наиболее эффективным правовым средством противодействия данному социально опасному явлению. Важным характеризующим признаком этого правового режима, объективно обусловленным необходимостью обеспечения

безопасности личности, общества и государства, выступает ограничение прав и свобод граждан [6, с. 161]. Для проведения контртеррористической операции создается группировка сил и средств, в состав которой включаются в том числе подразделения органов внутренних дел. Руководство операцией осуществляется ФСБ России. В то же время на основании Закона о полиции на полицию возложена обязанность по участию в мероприятиях по противодействию терроризму и обеспечению правового режима контртеррористической операции, а также по обеспечению защиты потенциально опасных объектов террористических посягательств и мест массового пребывания граждан.

Таким образом, объем и содержание полномочий, возложенных на подразделения полиции при чрезвычайных обстоятельствах, их задействование в случае возникновения всех видов особых условий, позволяют разделить выполняемые ими обязанности на две группы; во-первых, непосредственно возложенные на полицию законодательством, во-вторых, направленные на оказание содействия иным органам публичной власти при введении соответствующих правовых режимов (чрезвычайной ситуации, контртеррористической операции, особых условий в исправительном учреждении, военного положения). Для осуществления этой деятельности органы полиции подлежат включению в состав сил и средств, осуществляющих выполнение задач в условиях всех вышеуказанных правовых режимов. В результате обеспечение данных правовых режимов осуществляется на межведомственной основе, и в определенных правовых нормах устанавливается компетенция каждого задействованного органа публичной власти [7, с. 62].

Что касается собственно полномочий полиции, то они, как правило, осуществляются в чрезвычайных обстоятельствах социального характера, к которым относятся: массовые беспорядки, блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей, деятельность организованных преступных групп, бандформирований и др., то для них не предусмотрено введение какого-либо правового режима, кроме режима чрезвычайного положения. Но, как известно, после принятия соответствующего закона он не вводился на территории России ни разу, притом что обстоятельства социального характера, требующие принятия чрезвычайных мер, возникают регулярно. В рассматриваемых условиях необходимо установление правовой основы и организация межведомственного взаимодействия органов вну-

⁵ О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ.

⁶ О противодействии терроризму : федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ.

тренних дел с иными органами публичной власти, прежде всего с Росгвардией, учитывая исключение силовой составляющей МВД России (авиационных подразделений, подразделений специального назначения) [8, с. 94], и органами городского управления. Это обусловлено тем, что именно в городах совершается четыре из пяти преступлений, в том числе носящих организованный характер, происходят массовые беспорядки, зарождаются «цветные» революции, приводящие к смене власти во всем государстве («арабская весна», «цветные» революции на Украине, в Грузии, Киргизии и др.). В связи с этим справедливо признается вывод А. В. Снегового о том, что в современных условиях урбанизации представляется целесообразным расширить полномочия городских органов власти по реализации мер чрезвычайного характера, исходя из особенностей городов [4, с. 40].

На основании изложенного необходимо совершенствование публично-правового регулирования деятельности полиции, взаимодействия с иными органами государственной власти и городского управления по обеспечению безопасности при чрезвычайных обстоятельствах социального характера. Для этого следует предусмотреть в законодательстве особый правовой режим повышенной готовности при чрезвычайных обстоятельствах социального характера. Учитывая, что основной объем полномочий по обеспечению безопасности в городе в случае возникновения подобных чрезвычайных

обстоятельств возложен на полицию, закономерно возложение на МВД России руководства группировкой сил и средств, привлекаемых для выполнения задач по предупреждению и (или) пресечению чрезвычайных обстоятельств социального характера, минимизации и (или) ликвидации их последствий и ответственность за ее формирование. Головным подразделением МВД России в области организации и обеспечения комплексного применения сил и средств органов, организаций и подразделений системы МВД России в условиях правового режима повышенной готовности и чрезвычайных обстоятельств социального характера нужно определить Главное управление оперативного реагирования МВД России, возложив на него и территориальные оперативные подразделения МВД России оперативное управление при введении вышеуказанных правовых режимов. Именно мероприятия позволят незамедлительно, профессионально и качественно реагировать на изменения обстановки, предотвратить более тяжелые последствия для государства. Полное и всестороннее правовое регулирование условий и порядка введения данного особого правового режима с четким определением компетенции каждого из взаимодействующих субъектов под руководством МВД России необходимо для обеспечения своевременного и адекватного реагирования на вызовы и угрозы безопасности личности, общества и государства социального характера, возникающие в условиях городской среды.

Список источников

1. Киричѣк Е. В. Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.
2. Изингер А. В. Конституционно-правовой статус городов федерального значения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
3. Безруков А. В. Конституционно-правовой механизм обеспечения правопорядка органами публичной власти Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2017.
4. Снеговой А. В. Применение правового института чрезвычайного положения как инструмента обеспечения безопасности человека в современном городе // Градостроительное право. 2022. № 3.
5. Таболин В. В. Города выходят на первое место в развитии Дальнего Востока // Градостроительное право. 2023. № 4.
6. Рудьман Д. С. Конституционно-правовые основы обеспечения органами внутренних дел прав и свобод человека и гражданина в условиях проведения контртеррористической операции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
7. Снеговой А. В. Правовые и организационные аспекты деятельности органов внутренних дел Российской Федерации при чрезвычайных обстоятельствах // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 2.
8. Федотов С. Б. Проблема формирования модели взаимодействия спасательных воинских формирований МЧС России, МВД России, Росгвардии при совместном решении задач гражданской обороны в мирное и военное время // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2(46).

УДК 343.21

doi: 10.24412/1999-625X-2025-499-414-419

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Права лица, совершившего преступление, в рамках уголовно-правовых отношений

Валентина Николаевна Куфлева

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии¹,

✉ val_swatch@mail.ru

¹ Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия)

Анализ теоретических подходов к определению прав лица, совершившего преступление, в контексте современных уголовно-правовых отношений весьма важен. Целью работы является комплексное исследование особенностей правового положения такого лица с акцентом на сохранение его конституционных гарантий и прав в рамках уголовно-правового регулирования. Исторически рассматриваемый статус предполагал исключительно обязанность понести наказание, современные теоретические взгляды признают более сложную структуру корреспондирующих прав и обязанностей. Особое внимание уделяется классификации прав лица, совершившего преступление. Отмечается, что, несмотря на развитие учения, проблема четкого определения и систематизации правового статуса такого лица по-прежнему остается нерешенной. Делается вывод о необходимости комплексного понимания статуса лица, совершившего преступление, так как он остается субъектом права и имеет право не только на защиту, но и на справедливое и законное наказание.

Ключевые слова: преступление, наказание, правовой статус, уголовно-правовые отношения, меры уголовно-правового воздействия, уголовно-правовое регулирование

Для цитирования: Куфлева В. Н. Права лица, совершившего преступление, в рамках уголовно-правовых отношений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 4(99). С. 414–419.

Rights of a Person Who has Committed a Crime within Criminal Law Relationships

Valentina N. Kufleva

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Criminal Law and Criminology¹,

✉ val_swatch@mail.ru

¹ Kuban State University (Krasnodar, Russia)

Analysis of theoretical approaches to the definition of the rights of the person who committed a crime in the context of modern relationship within criminal law is very important. The aim of the work is a comprehensive study of the characteristics of the legal position of such a person with emphasis on the preservation of his constitutional guarantees and rights within the framework of criminal law regulation. Historically the status under consideration implied only the obligation to suffer punishment, whereas modern theoretical views recognize a more complex structure of corresponding rights and duties. The focus is made on the classification of the rights of the person who committed a crime. It is noted that, despite the development of the doctrine, the problem of clearly defining and systematizing the legal status of such a person remains unresolved. The conclusion made concerns the need for comprehensive understanding of the status of the person who committed a crime, since he remains subject to the law and has the right not only to defence, but also to fair and lawful punishment.

Keywords: crime, punishment, legal status, criminal law relationships, criminal law measures of impact, criminal law regulation

Citation: Kufleva V. N. Rights of a Person Who has Committed a Crime within Criminal Law Relationships. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 4(99). Pp. 414–419 (In Russ.).

Лицо, совершившее преступление, сохраняя, несмотря на неблагоприятный поступок, статус субъекта права, должно быть подвергнуто тем или иным мерам воздействия, которые установлены законом в общественно значимых целях восстановления нарушенной преступлением справедливости и укреп-

ления правопорядка. Это, пожалуй, самый общий и самый краткий тезис, характеризующий суть и значение механизма уголовно-правового регулирования.

Один из наиболее ранних и распространенных подходов к пониманию правового статуса лица, со-

вершившего преступление, состоит в том, что в рамках уголовно-правовых отношений за таким лицом признается наличие исключительной обязанности понести наказание или претерпеть иные меры, которые государство сочтет необходимым применить. Так, С. Ф. Кечекьян пишет, что уголовно-правовые отношения «возникают между органами государства, имеющими право назначать наказание и привести приговор в исполнение, применить наказание, и субъектом преступления, на котором лежит обязанность понести наказание» [1, с. 182]. Аналогично рассуждает Н. И. Загородников, когда указывает, что в рамках уголовно-правовых отношений один из субъектов (физическое лицо) должен быть подвергнут определенным мерам государственного воздействия и вследствие этого претерпеть определенные моральные и физические лишения, а другой (компетентный орган государства) — приобретает право на применение мер государственного принуждения и применяет их в целях воздействия на виновного, совершившего общественно опасный проступок [2, с. 87].

Такой подход, в значительной степени отождествляющий уголовно-правовые отношения с властеотношениями, в рамках которых обязанный субъект (лицо, совершившее преступление) фактически лишается каких-либо субъективных прав, в настоящее время можно считать достоянием истории, одним из этапов становления учения об уголовно-правовых отношениях. Большая часть современных юристов обоснованно полагают, что по своим структурным характеристикам предмет уголовного права не отличается от иных правоотношений, содержание которых представляет собой взаимную и корреспондирующую связь прав и обязанностей их субъектов. При этом, однако, само определение прав лица, совершившего преступление, формирование их номенклатуры и раскрытие содержания до сих пор остается сложным и неопределенным участком уголовно-правовой теории.

В современных исследованиях, специально посвященных анализу содержания уголовно-правовых отношений, вопрос о статусе лица, совершившего преступление, либо подменяется анализом видов самих субъектов и возникающих между ними правовых связей [3, с. 142–169], либо ограничивается обзором позиций Конституционного Суда РФ, акцентирующих внимание на отдельных правовых возможностях совершившего преступление лица [4, с. 113–131], чего явно недостаточно для полноценного раскрытия темы.

Не может быть признана сегодня в полной мере удовлетворительной и революционной для своего времени попытка Н. А. Огурцова представить номенклатуру прав лица, совершившего преступление.

В своей работе автор дает развернутую классификацию этих прав, включающую: а) основные конституционные личные субъективные права, связанные с правоохранительной и правоприменительной деятельностью государства в области борьбы с преступностью и отправления правосудия; б) права, вытекающие из законодательного определения пределов действия уголовного закона во времени и пространстве; в) права, вытекающие из законодательной регламентации института преступления; г) права, вытекающие из законодательной регламентации института наказания; д) права, вытекающие из законодательной регламентации института субъекта преступления и субъекта уголовно-правового отношения; е) права, вытекающие из особого уголовно-правового состояния (положения) [5, с. 118]. Основной вектор критики этого учения обращен к тому, что в нем допускается неоправданное с теоретической точки зрения смешение правового статуса лица, совершившего преступление, с уголовно-правовым статусом этого лица. Уголовно-правовой статус — понятие более узкое, нежели правовой статус в целом. Оно образуется лишь совокупностью тех прав и обязанностей, которые основаны на нормах уголовного закона и характеризуют лицо как участника именно уголовно-правовых отношений. По этой причине включать в объем именно уголовно-правового статуса лица, совершившего преступление, все его права и обязанности, вытекающие из конституционных положений, регламентирующих правоохранительную и правоприменительную деятельность, не вполне оправданно. Здесь необходимы тонкие различия уголовно-правовых и иных отраслевых прав и обязанностей.

Сознавая эти достижения и упущения современной теории, представим собственный взгляд на проблемы правового статуса лица, совершившего преступление, акцентируя внимание на недостаточно исследованные наукой проблемы.

Начать стоит с констатации известного, но, как представляется, недооцениваемого теоретического положения: совершение преступления (каким бы опасным оно ни было и какие бы последствия за собой ни влекло) не разрывает конституционно-правовой связи лица с государством, не выводит лицо, совершившее преступление, из круга субъектов права, не лишает его правовой защиты и не снимает с государства и иных субъектов права (в том числе потерпевших) обязательств по признанию и уважению прав и свобод лица, совершившего преступление. Такое лицо остается в сфере действия ч. 1 ст. 45 Конституции РФ, гарантирующей государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, а также под защитой иных конституционных положений, допускающих ограничение правового статуса толь-

ко федеральным законом и только на основании решения суда.

Лицо, совершившее преступление, т. е. деяние, по закону признанное недопустимым, под угрозой наказания, отрицая установленный в государстве правопорядок, остается тем не менее частью этого порядка, а потому имеет право (независимо от собственного желания и собственного субъективного признания этого права) на применение к нему положений этого закона.

Обоснование того, что лицо, совершившее преступление, имеет правовые притязания на уголовное наказание, было представлено еще Гегелем. Детально исследовавший его философскую и политико-правовую доктрину А. А. Пионтковский установил, что с точки зрения Гегеля, применение к преступнику наказания есть не только восстановление нарушенного права, но оно само является правом преступника. «Воля преступника, впадшая в противоречие с всеобщей волей, всегда сохраняет в себе стремление к примирению с всеобщей волей. Преступнику как разумному свободному существу нельзя отказать в стремлении достигнуть истинной свободы. Поэтому он имеет право требовать применения к себе наказания. Преступник сам своим собственным деянием установил тот закон, который должен быть к нему применен: наказание как отрицание отрицания должно извлекаться из природы совершенного преступником деяния». И еще: «Пониманием наказания как права самого преступника преступнику, по мнению Гегеля, воздается честь как разумному существу ... Отказ преступнику в этом равносителен отказу признавать в преступнике разумное существо» [6, с. 212–213].

Такой философский взгляд корректирует устоявшееся в праве представление о том, что лицо, совершившее преступление, лишь обязано претерпеть наказание со стороны государства. Лишать преступника права на наказание — значит отказывать ему в праве на жизнь в государственно устроенном обществе и проводить неконституционную дифференциацию граждан по степени защищенности их интересов системой права. Напротив, именно обеспечение права лица, совершившего преступление, на наказание призвано создать развернутую программу правового регулирования и политического администрирования, в которой идеалы права будут

поставлены на первое место. Такая программа нуждается в «переводе» философско-политических тезисов на более приземленный и инструментальный юридический язык. Не претендуя на полноту такого перевода, укажем лишь на два значимых обстоятельства.

Первое обстоятельство. Лицо, совершившее преступление, должно быть гарантированно защищено от неправовых форм разрешения криминального конфликта. Речь идет, прежде всего, о недопустимости и нетерпимости в современном государстве мести и самосуда как архаичной, но именно в силу своей архаичности укорененной в общественном сознании форме реакции на преступление со стороны потерпевшей стороны [7, с. 35–39; 8, с. 62–66]. Присвоение частным лицом права на наказание, которое в силу исторической логики сегодня монопольно принадлежит государству, есть самовольная трансформация публично-правовых отношений, вызванных преступлением, а отношения частно-правовые — это принижение общественной значимости конфликта, игнорирование воли государства и вместе с тем это грубое и неправовое вмешательство в автономию личности виновного, нарушение его права быть подвергнутым наказанию только со стороны уполномоченного на то легитимного субъекта. Многочисленные юридические исследования феномена самосуда свидетельствуют о недостаточной защищенности лица, совершившего преступление, от неправовой мести, что требует самого серьезного внимания со стороны государства¹ [9, с. 69–72; 10, с. 120–123; 11, с. 39–42]. Стоит учитывать также, что самосуд как месть сочетается сегодня с извращенными формами участия общественности в выявлении и предупреждении преступлений, получившими обозначение «вигилантизм» [12, с. 113–122; 13, с. 38–40; 14, с. 202–213]. К этому следует добавить встречающиеся в научной литературе попытки сформировать оправдательное отношение к кровной мести [15, с. 133–140]², обосновать необходимость расширения практики использования внесудебных форм репрессии в процессе противодействия преступности [17, с. 112–114; 18, с. 31–33; 19, с. 16–20]. Все эти явления должны быть отнесены к категории внеправовых и недопустимых в правовом государстве.

Право лица, совершившего преступление, на применение к нему уголовного наказания пред-

¹ А. М. Смирнов в связи с этим полагает целесообразным включить в главу 31 УК РФ «Преступления против правосудия» статью 316¹ «Присвоение полномочий лица, осуществляющего правосудие», предусматривающую ответственность за «самостоятельное присвоение лицом полномочий по осуществлению правосудия и совершение им в связи с этим действий, которые повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций» [11, с. 42].

² Некоторые авторы прямо пишут: «Позитивная социальная роль этого обычая заключается в том, что кровная месть — сдерживающий фактор в отношении разрешения конфликтов насильственным путем. В силу многопланового значения обычая кровной мести, параллельного соотнесения в нем позитивных и негативных признаков законодатель должен учитывать глубинную сущность народных обычаев при установлении уголовной ответственности» [16, с. 24–28].

полагает необходимость и возможность правовых контактов этого лица только с государством (причем по преимуществу с государством, гражданином которого он является, что актуализирует проблемы действия УК РФ по кругу лиц). Соответственно, на государство должна быть возложена позитивная обязанность по созданию гарантий такого права и его защите. Эта обязанность должна быть конкретизирована в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 47 Конституции РФ, согласно которой «никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом». Это субъективное право, будучи частью конституционного права на справедливый суд, обеспечивается путем рассмотрения уголовного дела законным, независимым и беспристрастным судом, причем судом, законно установленным, а не произвольно выбранным. Признание суда законно установленным требует, чтобы его компетенция по рассмотрению дела определялась законом. Именно в законе должны быть закреплены критерии, которые в нормативной форме (в виде общего правила) заранее, т. е. до возникновения правового конфликта, предопределяли бы, в каком суде подлежит рассмотрению то или иное дело³. Иное не позволяло бы суду, сторонам и другим участникам процесса избежать неопределенности в этом вопросе, приводило бы в итоге к нарушению права на справедливый суд⁴.

Второе обстоятельство, связанное с юридизацией права лица, совершившего преступление, на нака-

зание, состоит в том, что такое право с необходимостью предполагает в самом общем виде реализацию только того наказания и только за то, что было нарушено лицом в известном ему законе. Это положение отражено в ст. 54 Конституции РФ, согласно которой никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением, а закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет, в отличие от закона, устраняющего или смягчающего ответственность. Толкование закона и разрешение отдельных проблем, связанных с применением этих правил, конкретизированных в ст. 10 УК РФ, принято на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда РФ⁵. Не углубляясь в проблему, заострим внимание на том, что в контексте обсуждения правового статуса лица, совершившего преступление, требуют правильного толкования, во-первых, само понятие «закон», под которым следует понимать не только УК РФ, но и все иные нормативные правовые акты (как законы, так и подзаконные документы федерального и регионального уровня) и судебные решения, положения которых определяют преступность и наказуемость совершенного лицом поступка⁶; во-вторых, формулировка «положение лица, совершившего преступление», под которой следует понимать всю совокупность его прав и обязанностей, установленных уголовным законодательством (такие права и обязанности не ограничиваются лишь статусом лица, связанным с назначением и отбыванием уголовного наказания, но включают в себя самый

³ По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 16 марта 1998 г. № 9-П. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; По делу о проверке конституционности пункта 10 статьи 75 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и части первой статьи 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2004 г. № 4-П.

⁴ Важные правоприменительные разъяснения относительно гарантий права на суд см.: О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8; О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих подсудность уголовного дела: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 22.

⁵ О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2025 г. № 10.

⁶ В связи с этим важно обратить внимание на понятие закона (права), которое сформировалось в прецедентной практике Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) для целей применения ст. 7 Европейской конвенции. В решении по делу «Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации» (жалобы № 11082/06 и 13772/05) суд отмечал: «При упоминании „закона“ в статье 7 используется ... концепция, объединяющая законы, подзаконные акты и прецедентную практику и предполагающая требования качества закона, в том числе требования доступности и предсказуемости». В постановлении ЕСПЧ по делу «Моисеев против Российской Федерации» от 9 декабря 2008 г. (жалоба № 62936/00) также было указано, что закон (право) — это понятие, которое включает писанный и неписанный закон [20, с. 22]. Как известно, Россия вышла из-под юрисдикции ЕСПЧ и перестала быть участницей Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, сформулированное правило как не противоречащее смыслу конституционных требований прочно укоренилось в отечественной практике, о чем свидетельствуют дела, связанные с приданием обратной силы постановлениям Правительства РФ (см.: определение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. по делу № 89-О13-7; определение Верховного Суда РФ от 17 сентября 2013 г. по делу № 48-АПУ13-37) и постановлениям Пленума Верховного Суда РФ (см.: кассационное определение Верховного Суда РФ от 8 июля 2021 г. по делу № 11-УД21-21). Распространение конституционных положений о законе, имеющем обратную силу, на все применимые источники права неоднократно подтверждено Конституционным Судом РФ.

широкий комплекс его возможностей как субъекта уголовно-правового отношения⁷, причем на все время существования этого правоотношения⁸).

Подводя итог, можно резюмировать:

— уголовно-правовой статус лица, совершившего преступление, целесообразно рассматривать в качестве отраслевой конкретизации конституционных прав и обязанностей человека в его публичных взаимоотношениях с государством; с этой точки зрения в основе уголовно-правового статуса лица, совершившего преступление, расположены его притязания на уважение прав и свобод и обязанность соблюдать законы государства;

— в рамках уголовно-правовых отношений права лица, совершившего преступление, могут быть выведены из философского представления о его праве на наказание и конституционного требования гарантирования прав любого лица от необоснованного ограничения и умаления; в соответствии с этим основу отраслевых правовых притязаний лица, совершившего преступление, составляют право на надлежащий суд (исключающее внесудебные формы расправы и самосуд) и право на применение надлежащего закона (включая требования территориальной, персональной юрисдикции и обратной силы более мягкого закона).

Список источников

1. Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958.
2. Загородников Н. И. О содержании уголовно-правовых отношений // Советское государство и право. 1963. № 11.
3. Генрих Н. В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: история, теория, практика. М., 2011.
4. Гузеева О. С. Проблемы теории конституционализации уголовно-правовых норм. М., 2021.
5. Огуцов Н. А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. Рязань, 1975.
6. Пионтковский А. А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория / отв. ред. В. А. Томсинов. М., 2013.
7. Шатковская Т. В. Самосуд как проявление российского правового менталитета // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 6.
8. Скрыльчик А. О. Сущность самосуда как социально-правового явления и меры его профилактики // Проблемы науки. 2018. № 12(36).
9. Смирнов А. М. Уголовно-правовая характеристика самосудных расправ на территории России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 4(9).
10. Смирнов А. М. Самосуд: понятие и признаки // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 3(8).
11. Смирнов А. М. Самосуд: деяние или мотив преступления? // Актуальные вопросы образования и науки. 2014. № 5–6(45–46).
12. Петровский А. В. Допустимость гражданского вигилантизма в России в качестве механизма предупреждения преступного поведения // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 14(3).
13. Харитонов В. С. Вигилантизм: вопросы определения сущности и опыт классификации ее проявлений // Военно-юридический журнал. 2023. № 6.
14. Харитонов В. С. Научные подходы к исследованию истории вигилантизма // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1.
15. Албогачиева М. С. Г., Бабич И. Л. Кровная месть в современной Ингушетии // Этнографическое обозрение. 2010. № 6.

⁷ Отсюда, в частности, правило о запрете применения с обратной силой положений УК РФ, увеличивших минимально необходимый срок фактического отбывания уголовного наказания для применения условно-досрочного освобождения от наказания, выработанное в решении по конкретному делу, ставшем прецедентным (см.: *определение* Верховного Суда РФ от 24 апреля 2012 г. № 44-Д12-3). Верховный Суд РФ с очевидностью исходил из того, что право на применение положений об условно-досрочном освобождении от наказания является частью правового статуса лица, совершившего преступление, и потому возникает у него именно в момент совершения преступления. Потому любые изменения, связанные с реализацией этого права, должны быть оценены с точки зрения ст. 10 УК РФ как улучшающие или ухудшающие тот правовой статус, который существовал у лица, совершившего преступление, в момент совершения преступления.

⁸ С этим связано правило о том, что пересмотр приговора по основаниям, связанным с обратной силой закона, возможен до погашения или снятия судимости, а в исключительных случаях и после погашения или снятия судимости, в частности, когда приговор сохраняет значение для признания в действиях лица, совершившего новое преступление в течение срока погашения судимости, наличия рецидива преступлений и (или) определения его вида.

16. *Задворнов М. В., Даубеков А. А.* Обычай кровной мести в ракурсе отечественного уголовного законодательства // Уголовное право. 2010. № 4.
17. *Корецкий Д. А., Милюков С. Ф.* Внесудебная репрессия как законный способ борьбы с преступностью // Уголовное право. 2004. № 1.
18. *Милюков С. Ф.* О соотношении судебной и внесудебной репрессий в механизме противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2(53).
19. *Милюков С. Ф.* Тупиковые пути российской уголовно-правовой политики и возможные выходы из них // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2018. № 2.
20. *Пудовочкин Ю. Е.* Действие уголовного закона во времени. Обратная сила уголовного закона. М., 2013.

УДК 342

doi: 10.24412/1999-625X-2025-499-420-425

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Ценности российского общества как определяющий фактор взаимодействия Российской Федерации с межгосударственными объединениями

Кристина Вадимовна Степина

адъюнкт адъюнктуры¹,

✉ stepina-kv@yandex.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Вектор государственно-правового развития Российской Федерации, в том числе в области взаимодействия с межгосударственными объединениями, определяется ценностями и принципами, закрепленными в Основном законе нашего государства. Изменение стратегии развития Российской Федерации, связанной с постепенным отходом от вырождающихся западных либеральных ценностей в сторону духовно-нравственных, традиционно свойственных российскому народу и его национальному менталитету, предопределило корректировку ее внешнеполитического курса: выход из одних межгосударственных объединений (в частности, из Совета Европы) и создание и усиление межгосударственных объединений с государствами-партнерами, разделяющими ценностные ориентиры российской нации.

Ключевые слова: межгосударственные объединения, конституционные основы сотрудничества, конституционные ценности, конституционные принципы, стратегия развития, традиционные российские ценности, общероссийская культурная идентичность

Для цитирования: Степина К. В. Ценности российского общества как определяющий фактор взаимодействия Российской Федерации с межгосударственными объединениями // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 4(99). С. 420–425.

Values of the Russian Society as a Determining Factor of Interaction of the Russian Federation with Intergovernmental Associations

Kristina V. Stepina

post-graduate student at the post-graduate courses¹,

✉ stepina-kv@yandex.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The direction of state and law development of the Russian Federation, including the field of interaction with intergovernmental associations, is determined by the values and principles enshrined in the Basic Law of the country. The change in the development strategy of the Russian Federation, connected with a gradual abandonment of the degenerating Western liberal values and transition to the spiritual and moral values traditionally inherent to the Russian people and its national mentality, has determined the adjustment of its foreign policy course: withdrawal from some intergovernmental associations (in particular, from the Council of Europe) and creation and strengthening of intergovernmental associations with partner states that share the values of the Russian nation.

Keywords: intergovernmental associations, constitutional grounds for cooperation, constitutional values, constitutional principles, strategy of development, traditional Russian values, all-Russian cultural identity

Citation: Stepina K. V. Values of the Russian Society as a Determining Factor of Interaction of the Russian Federation with Intergovernmental Associations. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 4(99). Pp. 420–425 (In Russ.).

Российская Федерация является неотъемлемой стороной развития международной политики и международных отношений, внося существенный вклад в самоопределение их субъектов и трансформацию. Определяющую роль в данном вопросе играет поддержание Российской Федерацией избранных межгосударственных связей, однако

любое взаимодействие может двигаться как в сторону прогресса, так и в сторону регресса. Поэтому принципиально важно, какими критериями руководствуется Россия, избирая объединения для последующего участия в них.

Сотрудничество Российской Федерации с межгосударственными объединениями основывается на

ст. 79 Конституции РФ, которая гласит, что «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации». Данная норма сохранилась и после принятия изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования, однако сама статья дополнилась формулировкой о том, что любые решения межгосударственных органов, которые были приняты на основании положений международных договоров России, при их истолковании, которое противоречило бы Конституции РФ, не будет подлежать исполнению в Российской Федерации.

Данное дополнение было связано с определением дальнейшей внешнеполитической стратегии Российской Федерации в соответствии с конституционно закрепленными принципами и ценностями, свойственными российскому народу и его национальному менталитету. Именно Конституция РФ, являющаяся основой правовой системы государства, задает иерархию ценностей, формирующих правосознание и правовую культуру граждан, общеобязательных как для правотворческих органов, так и для представителей правоприменительной практики.

С принятием Конституции в 1993 г. Россией стали провозглашаться либерально-демократические ценности, характерные для западных стран в целом и Евросоюза в частности. Ценностная иерархия, определяемая Конституцией на рубеже XX–XXI вв., как справедливо отмечается в современной юридической науке, не только является важным сегментом либеральной идеологии, но и сама может быть названа индивидуалистической, то есть основывающейся на принципах рационалистической версии естественного права [1, с. 75–82].

В либеральной идеологии ценность в первую очередь представляет индивид, его права, свободы, интересы. Именно поэтому Конституция РФ 1993 г. признает идеологическую свободу и идеологическое многообразие. Ряд авторов, в том числе доктор юридических наук, профессор А. И. Овчинников считает, что данное положение во многом напоминает автономизацию морали или же моральный анархизм [2, с. 28].

Конституционные ценности общезначимы, однако следует отметить, что существует их иерархия. К абсолютным ценностям относятся человек, его права и свободы, а также безопасность государства и общества, для защиты которых могут быть ограничены любые права, в том числе право на жизнь.

Учитывая возможность возникновения конфликта ценностей, предусмотрено положение, согласно которому перечисление в Конституции РФ основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. Пункт 3 ст. 55 Конституции РФ предусматривает, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Помимо абсолютных конституционных, авторы выдвигают общечеловеческие ценности, лежащие в основе современного государства. Например, Д. А. Авдеев полагает, что к таковым следует отнести собственность, правовую свободу, государственную безопасность и общественный порядок [3, с. 77].

Известно, что нормы Конституции РФ, соответственно, закрепленные ими ценности, имеют прямое действие, однако некоторые из них все же требуют толкования, например, такие ценности, как национальная безопасность, национальные интересы. Это вполне объяснимо, если учесть, что авторы Конституции РФ руководствовались идеями и достижениями западной цивилизации, в силу чего акцент был смещен на материальные, а не на духовно-нравственные ценности.

На настоящий момент не существует общепризнанного перечня конституционных ценностей. Например, В. В. Мамонов подразделяет все ценности на политические (гражданство, суверенитет), имущественные (земля, территория), юридические (законность), духовно-нравственные (историческое и культурное наследие), экологические (благоприятная окружающая среда) и как самостоятельные — личность, государственность, многонациональный народ России [4, с. 128–129]. Г. Б. Ройзман, руководствуясь практико-ориентированным подходом, указывает на права и свободы человека и гражданина как высшую ценность; на иные ценности, определяющие правовое положение индивида в обществе и государстве (правовая государственность, социальная государственность, равная защита форм собственности, идеологический и политический плюрализм, единство экономического пространства и свобода экономической деятельности, гражданство); на ценности, предопределяющие организацию государственной власти (демократия и народный суверенитет, государственный суверенитет Российской Федерации, разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, федерализм, республикан-

ская форма правления, светский характер государства, разграничение государственной власти и местного самоуправления) [5, с. 20].

В большинстве классификаций ведущее место отводится таким ценностям, как демократия, правовое государство, идеологический плюрализм. Поэтому рассмотрим их более детально.

Ценность демократии закреплена ст. 1 Конституции РФ, которая устанавливает элементы формы российского государства — Россия имеет демократический политический режим, а статья 3 признает народ РФ носителем суверенитета и единственным источником власти в стране. Демократия является основополагающим принципом государственного устройства и политического режима Российской Федерации. Наиболее всеобъемлющие принципы демократии, на наш взгляд, выдвинуты Т. В. Вакуловой: правление большинства и уважение прав меньшинства, представительный характер власти, принцип делегирования, выборность властей, принцип конституционализма, политико-правовое равенство граждан [6, с. 56]. Очевидно, что демократия включает в себя также и демократические свободы, например, свободу вероисповедания, свободу слова и др.

В тексте Основного закона говорится, что Российская Федерация является правовым государством. Это закреплено в ст. 1 Основного закона, которая характеризует Россию как государство, которое всю свою деятельность подчиняет праву, а своей первостепенной целью провозглашает обеспечение прав и свобод человека. Развитое гражданское общество представляется одним из существенных элементов современного демократического правового государства, где никакая идеология не может быть признана в качестве официальной, а политическая жизнь выстраивается на основе многопартийности и политического многообразия.

Основными принципами правового государства ученые называют верховенство закона на всей территории страны, разделение властей, взаимную ответственность личности и государства, а также гарантии прав и свобод граждан. Правовое государство не может реализоваться без верховенства права в политической и социальной жизни [7, с. 9] — отмечает В. Д. Зорькин. Следует отметить, что закон является формой выражения права в том государстве, которое руководствуется принципом верховенства права.

Статья 13 Конституции РФ устанавливает ценность идеологического плюрализма: никакая идеология не может быть закреплена в качестве обязательной или же государственной; признаются многопартийность и общественное многообразие, равнозначность общественных объединений перед законом. Многопартийность — это закономерное

продолжение идеологического многообразия, так как политические партии выражают основные интересы преобладающих социальных групп населения. Равенство общественных объединений перед законом выражается в том, что государство предъявляет идентичные требования к порядку их регистрации и прекращению их деятельности, к их уставу; гарантирует равенство прав в хозяйственной и общественной деятельности.

В части 5 ст. 13 Конституции РФ закрепляется запрет на создание и деятельность общественных объединений, чьи цели или же действия направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности России, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Запрет деятельности общественных объединений, подпадающих под данную норму, реализуется в соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Вектор государственно-правового развития Российской Федерации, в том числе в области взаимодействия с межгосударственными объединениями, определяется ценностями и принципами, закрепленными в Основном законе страны. Однако принципы и ценности на протяжении Нового и Новейшего времени, определявшие развитие европейской цивилизации и США, за последнее десятилетие приобрели чисто декларативный характер, скрывающий экстремизм, извращенное понятие толерантности, разрушение традиционных ценностей общества и традиционной семьи.

Учитывая тенденции развития современного западного общества, поправки в Конституцию РФ были более чем своевременны, определив сдвиг внутренней политики в сторону традиционных национальных ценностей и интересов, что, безусловно, роднит ее с более консервативно настроенными странами за пределами западного либерального региона.

При разработке изменений в Конституцию РФ важно было учесть, какие ценности рассматриваются большинством граждан как жизненно важные и могут войти в текст Основного закона. В то же время было необходимо соотнести их с ценностями, уже содержащимися в Конституции и не подлежащими изъятию или корректировке.

Изменения, одобренные в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., существенно расширили прежний перечень ценностей российского общества. В Конституции были закреплены такие ценности как: «память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога» (ч. 2 ст. 67.1), «историческая правда» (ч. 3 ст. 67.1),

«патриотизм, гражданственность и уважение к старшим» (ч. 4 ст. 67.1), «интеллектуальное и физическое развитие детей, воспитание в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим» (ч. 4 ст. 67.1), русский язык как язык «государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» (ч. 1 ст. 68), «общероссийская культурная идентичность» (ст. 69 ч. 3), институт брака «как союза мужчины и женщины» (п. «ж.1» ч. 1 ст. 72). Остановимся на более значимых для сотрудничества РФ с межгосударственными объединениями ценностях.

Пункт «ж.1» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ законодательно закрепляет институт брака как союз мужчины и женщины. Эта поправка адекватна сознанию и ценностям нашего народа, социокультурному восприятию понятия «семья». Цель данной нормы — защита традиционной семьи, материнства, отцовства. Ведь в тех 29 странах, где в настоящее время в той или иной степени легализованы однополые семьи, это является отражением общественного мнения.

Следует отметить пояснение Конституционного Суда РФ, согласно которому поправка в Конституцию РФ о браке как союзе мужчины и женщины не снимает с государства обязанности уважать различия, в том числе в сексуальной ориентации¹. Поскольку одним из предназначений семьи выступает рождение и воспитание детей, в основе законодательного подхода к вопросам демографического и социального характера в области семейных отношений в Российской Федерации лежит понимание брака как союза мужчины и женщины, что согласуется со ст. 7 и 38 Конституции РФ и не противоречит Международному пакту о гражданских и политических правах² (ст. 23). В документе отмечается, что государство не обязано создавать условия для пропаганды союзов лиц разного пола. Вместе с тем это не означает, что предлагаемое положение снимает с государства конституционные обязанности не допускать произвольного вторжения в сферу частной жизни, уважать связанные с нею различия, принимать меры, направленные на исключение возможных ущемлений прав и законных интересов лиц по мотиву их сексуальной ориентации.

Часть 3 ст. 69 Конституции РФ закрепляет норму об общероссийской культурной идентичности. Общероссийская культурная идентичность понимается не только как формальное гражданство, но и как общность с собственной исторической миссией, культурными и духовно-нравственными ценностями. Ее популяризация и сохранение — процессы,

выстраиваемые в течение долгого времени путем целенаправленной работы, в том числе посредством музыкального и театрального творчества, различных фестивалей и конкурсов, воздействующих на общественное сознание.

Термин «идентичность» устойчиво закрепился в отечественном законодательстве и правовой науке. Его содержание варьируется в зависимости от характера субъекта — носителя идентичности. От особенностей основания признания лица соотечественником зависят формы идеологического воздействия, применяемые в целях сохранения его идентичности.

Основой общероссийской культурной идентичности соотечественников за рубежом не являются ни этническая принадлежность, ни отношения гражданства. В исследуемом понятии заложен культурный (цивилизационный) код России как страны с многовековой государственностью, богатой историей и многонациональным народом. Популяризация идей выступает одним из способов распространения российской ценностно-мировоззренческой модели. Значение идеологического воздействия заключается в формировании у соотечественников позитивного образа будущего России. Конституционализация отношений по оказанию поддержки соотечественникам обусловлена несколькими факторами: приоритетностью данного направления российской национальной политики; признанием исследуемой идентичности юридическим фактом; обоснованием новой категории как подтверждения цивилизационной сущности России на конституционном уровне.

Будучи ключевой ценностью российской нации, понятие общероссийской гражданской идентичности тесно связано с российской государственностью и суверенитетом Российского государства. Общероссийская гражданская идентичность является фундаментом суверенитета, в том числе и суверенитета в сфере культуры.

В контексте национальной безопасности общероссийская гражданская идентичность рассматривается как основа для защиты национальных интересов России — традиционных российских духовно-культурных ценностей, культурного и исторического наследия народа, исторической памяти. Насаждение чуждых идеалов и ценностей справедливо интерпретируется как угроза национальной безопасности.

В настоящее время в законодательстве РФ используется понятие «самобытность» для характеристики родного языка, традиций и обычаев соотече-

¹ URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDesicion459904.pdf> (дата обращения: 05.06.2025).

² URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901157?ysclid=m0u2vmry6sl74362553> (дата обращения: 05.06.2025).

ственников, особенностей их культурного наследия и религии. Понятия «идентичность» и «самобытность» тесно связаны между собой, но имеют, как представляется, разные акценты: самобытность больше отражает поведение субъекта, в то время как идентичность характеризует его эмоционально-волевую сферу.

Важно, что общероссийская гражданская идентичность ценна не сама по себе — она вплетается нашей страной в государственную национальную политику РФ в качестве инструмента укрепления государственного суверенитета. Можно выделить следующие векторы ценностного потенциала общероссийской гражданской идентичности. Во-первых, она является весомым консолидирующим фактором, создавая фундамент для общественного согласия в Российской Федерации. Во-вторых, общегражданская идентичность служит ориентиром для органов публичной власти при формировании и реализации государственной политики в сфере культуры, образования, здравоохранения, национальной государственной политики, государственной политики в отношении соотечественников за рубежом и т. д. Помимо этого возведение общероссийской идентичности в ранг конституционной ценности влияет на правосознание субъектов, действующих в конституционном поле, в том числе и органов конституционного контроля.

Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык. Данный статус русского языка, как установил Федеральный закон от 1 июня 2005 г. «О государственном языке Российской Федерации», предусматривает обязательность использования русского языка в сферах, определенных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, Законом РФ от 25 октября 1991 г. «О языках народов Российской Федерации» и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, его защиту и поддержку, а также обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации (ч. 2 ст. 1).

Несомненно, культура России как общемировой цивилизационный феномен, как славяно-русская цивилизация, культура всех народов и народностей, входящих в многонациональный народ Рос-

сийской Федерации, заслуживает правового статуса высшей ценности Российской Федерации.

Сегодня предусмотрено появление новых нормативных словарей, грамматик и справочников, которые будут фиксировать нормы русского языка как государственного. Были добавлены сферы, в которых использование русского языка обязательно. Это образование, государственные и муниципальные информационные системы, информация для потребителей и т. д. Вводится обязательная лингвистическая экспертиза для проверки проектов нормативных правовых актов, которая должна привести их в соответствие с нормами современного русского литературного языка.

Что касается поправок в Конституцию РФ в сфере международных отношений, то теперь разрешено не исполнять решения межгосударственных органов, если они противоречат Конституции РФ (ст. 79), закреплено положение о том, что Россия обеспечивает и поддерживает международную безопасность (ст. 79.1). В соответствии с данными нормами был принят Федеральный закон 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы», согласно которому в связи с прекращением членства Российской Федерации в Совете Европы считать с 16 марта 2022 г. прекратившими действие в отношении Российской Федерации ряда нормативных правовых актов, в том числе Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней³.

Изменение стратегии развития Российской Федерации — постепенный отход от вырождающихся западных либеральных ценностей в сторону духовно-нравственных ценностей, традиционно свойственных российскому народу и его национальному менталитету — предопределило корректировку ее политического курса: выход из одних межгосударственных объединений (Совет Европы, «Большая восьмерка (G8)», Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и др.) и беспорочное усиление вовлеченности в межгосударственные объединения с государствами-партнерами, разделяющими ценностные ориентиры российской нации (БРИКС, Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества и др.).

Список источников

1. Конституционное право : учебник / коллектив авторов ; под общ. ред. П. П. Баранова, А. Ю. Мамычева. М., 2017.

³ О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы : федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Конституционно-правовая политика современной России: идеи, приоритеты, ценности, направления : монография / П. П. Баранов, А. И. Овчинников, А. Ю. Мамычев и др. М., 2020.
3. Авдеев Д. А. Конституционно-правовые ценности: понятие, виды и иерархия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6, № 2.
4. Мамонов В. В. Конституционные ценности современной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4.
5. Ройзман Г. Б. Понятие и юридическая природа конституционных ценностей // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Право. 2012. № 1.
6. Вакулова Т. В. К вопросу о демократии: определения и основные принципы // Гуманитарная парадигма. 2017. № 3.
7. Зорькин В. Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008. № 12.

УДК 343.131

doi: 10.24412/1999-625X-2025-499-426-432

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Реализация правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации о судебном контроле за возобновлением прекращенного уголовного дела

Александра Сергеевна Тумасян

старший преподаватель кафедры криминалистики¹,

✉ erikevamo@mail.ru

¹ Краснодарский университет МВД России (Краснодар, Россия)

Судебная практика применения норм УПК РФ, регламентирующих прекращение уголовного дела или уголовного преследования, а также возобновления производства по прекращенным уголовным делам характеризуется отсутствием в ней единства. Прежде всего прокурорско-следственные работники испытывают затруднения в трактовке содержащегося в ст. 214¹ УПК РФ понятия «новые сведения, подлежащие дополнительному расследованию», которое позиционируется законодателем как безусловное основание отмены постановления о прекращении уголовного дела и его возобновления. При этом подчеркивается обязательность судебной процедуры получения разрешения на отмену постановления о прекращении уголовного дела независимо от оснований принятия такого решения. Указывается на актуальность точного нормативного выражения в главе 29 УПК РФ правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросам отмены процессуальных актов о прекращении уголовного преследования по истечении одного года с момента их принятия.

Ключевые слова: реабилитированный, прекращение уголовного дела, судебный порядок, постановление, судебный контроль, возобновление производства

Для цитирования: Тумасян А. С. Реализация правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации о судебном контроле за возобновлением прекращенного уголовного дела // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 4(99). С. 426–432.

Implementation of the Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on Judicial Control over the Resumption of a Terminated Criminal Case

Alexandra S. Tumasyan

senior lecturer at the chair of Criminalistics¹,

✉ erikevamo@mail.ru

¹ Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs (Krasnodar, Russia)

The judicial practice of applying the rules of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation governing the termination of a criminal case or criminal prosecution, as well as the resumption of proceedings in dismissed criminal cases is characterized by its lack of unity. First of all, prosecutors and investigators have difficulties in interpreting Art. 214¹ of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation containing the concept „new information subject to additional investigation”, which is positioned by the legislator as an unconditional ground for annulment of the decision on termination of criminal proceedings and its resumption. It is emphasized that the judicial procedure for obtaining authorization to revoke the decision on the termination of a criminal case is mandatory, regardless of the grounds on which such a decision was taken. The author underlines the relevance of the exact normative expression in Chapter 29 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the issues of annulment of procedural acts on termination of criminal prosecution after one year from the date of their adoption.

Keywords: rehabilitated, dismissal of a criminal case, judicial procedure, ruling, judicial control, resumption of the proceeding

Citation: Tumasyan A. S. Implementation of the Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on Judicial Control over the Resumption of a Terminated Criminal Case. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 4(99). Pp. 426–432 (In Russ.).

По прошествии шести лет с момента вынесения Конституционным Судом РФ постановления от 14 ноября 2017 г. № 28-П (далее — постановление КС РФ № 28-П, постановление № 28-П) по делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РФ в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко¹, согласно которому постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (далее — прекращение уголовного дела), если прошел годичный срок со дня принятия органом расследования решения о прекращении уголовного дела, может быть отменено исключительно в судебном порядке. Сложившийся, привычный и кажущийся оптимальным процессуальный порядок прекращения и возобновления уголовных дел (глава 29 УПК РФ) не воспринимался специалистами как проблемный. Что же послужило причиной установления нового судебного порядка возобновления прекращенного уголовного дела, если истек годичный срок с момента принятия решения об этом?

Изменения и дополнения, внесенные в главу 29 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) Федеральным законом от 12 ноября 2018 г. № 411-ФЗ² (далее — Закон № 411-ФЗ) во исполнение правовых позиций Конституционного Суда РФ, выраженных им в постановлении № 28-П, усилили процессуальные гарантии реализации в полном объеме института реабилитации (глава 18 УПК РФ). Злоупотребление правом со стороны руководителя следственного органа, прокурора, которые, реализуя свои полномочия по контролю (ст. 39 УПК РФ) и надзору (ст. 37 УПК РФ) за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, состоящие в неоднократной отмене постановлений о прекращении уголовного дела, в том числе по прошествии длительного времени с момента принятия соответствующего решения, указывали на дефекты правового регулирования общественных отношений в сфере применения норм УПК РФ, относящихся к прекращению уголовного дела.

Произвольное и не ограниченное сроками возобновление прекращенного уголовного дела в отношении реабилитированного препятствовало возмещению ему вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием. Именно подобную ситуацию,

ставшую на практике стандартной, рассмотрел Конституционный Суд РФ при проверке конституционности отдельных положений УПК РФ в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко. Фактически в постановлении по данному делу Конституционный Суд РФ изложил как новые, так и сформулированные им ранее позиции в части обеспечения полной, действенной и справедливой судебной защиты права реабилитированного лица на возмещение вреда от незаконного уголовного преследования³. Остановимся на рассмотрении отдельных из них.

Во-первых, установление годичного срока, исчисляемого с момента вынесения постановления о прекращении уголовного дела, для внесудебной отмены данного процессуального акта выводит реабилитированного из-под постоянной угрозы привлечения к уголовной ответственности.

Во-вторых, соответствующие правовые позиции, изложенные в постановлении КС РФ № 28-П, предельно ясно дали ответы на вопросы: о процессуальных последствиях рассмотрения требований реабилитированного о возмещении вреда в порядке гражданского судопроизводства; о формальных препятствиях участия судьи в рассмотрении имущественных требований реабилитированного; о процессуальном статусе прокурора в судебном заседании при рассмотрении требования реабилитированного о возмещении вреда от незаконного уголовного преследования.

В-третьих, в контекст содержания принципов уголовного судопроизводства и конкретно положений ст. 19 УПК РФ, в соответствии с которыми орган предварительного расследования, прокурор обязаны осуществлять уголовное преследование в каждом случае обнаружения признаков преступления, гармонично вписывается правовая позиция Конституционного Суда РФ о том, что в пределах срока давности привлечения к уголовной ответственности не должна исключаться возможность отмены принятого на досудебной стадии постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования лица, если выявились новые сведения о его причастности к совершению преступления и, соответственно, такая отмена необходима для восстановления справедливости и предупреждения совершения новых преступлений.

¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко : постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 12 ноября 2018 г. № 411-ФЗ.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2010 г. № 5-П ; постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 8-П ; постановление Конституционного Суда РФ от 26 декабря 2005 г. № 14-П ; постановление Конституционного Суда РФ от 25 марта 2008 г. № 6-П.

В-четвертых, Конституционный Суд РФ исходит из того, что только комплекс легитимных и обоснованных нормативных предписаний способен обеспечить возмещение вреда реабилитированному. При этом судьи Конституционного Суда РФ фактически предопределили содержание соответствующих норм в УПК РФ, которым предстояло в перспективе объединиться в самостоятельный институт уголовно-процессуального права.

Таким образом, предусмотренный ст. 214¹ УПК РФ судебный контроль призван способствовать решению нескольких задач: стимулирование прокурора, руководителя следственного органа своевременно принимать меры к проверке причастности лица к совершению преступления; препятствовать органу предварительного расследования произвольно возобновлять расследование прекращенного уголовного дела в целях оказания давления на лицо, чья причастность к совершению преступления не установлена; служить процессуальной гарантией неотвратимости ответственности лица, в отношении которого появляются дополнительные сведения о его виновности в совершении преступления уже после того, как уголовное дело было прекращено.

Исходя из содержания внесенных поправок в главу 29 УПК РФ, следует, что установленный судебный порядок отмены постановлений о прекращении уголовного дела, «проживших» более года, не зависит от основания, по которому прекращено уголовное дело. Данный вывод может показаться преждевременным — Конституционный Суд РФ прямо об этом не высказывался.

Напомним, что предметом рассмотрения по делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РФ в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко (постановление КС РФ № 28-П) послужили нормы УПК РФ, регулирующие порядок рассмотрения требований реабилитированного о возмещении имущественного вреда. Перечень вопросов, образующих предмет рассмотрения дела по правилам главы 18 УПК РФ «Реабилитация», вытекает из юридически зафиксированного акта реабилитации.

Например, действовавшее ранее правовое регулирование однозначно допускало возможность отмены постановления о прекращении уголовного дела, в том числе по реабилитирующим основаниям (п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ), в пределах сроков давности уголовного преследования. Поскольку несоблюдение, а точнее, произвольное установление прокурором срока для отмены решения о прекращении уголовного дела, нейтрализует гарантии защиты от необоснованного возобновления прекращенного уголовного преследования, создает для

лица постоянную угрозу привлечения к уголовной ответственности, а это в любой момент может препятствовать разрешению судом вопроса о размере причиненного уголовным преследованием вреда и о производстве выплат на его возмещение, разумным было установление определенного ограничительного срока.

Нельзя забывать и о том, что необходимость возобновления дополнительного производства по прекращенному уголовному делу возникает и в целях раскрытия преступления при появлении у прокурорско-следственных работников новых сведений, могущих установить причастность к совершению преступления лица, в отношении которого прекращено уголовное дело по нереабилитирующему основанию [1, с. 85–94].

С учетом сказанного логичным выглядело закрепление единого правила: по истечении одного года со дня вынесения постановления о прекращении уголовного дела, независимо от основания принятия такого решения, применяется судебный порядок отмены процессуальных актов, прекращающих производство по уголовному делу. Такой же смысл заложен в действующие с 2018 г. ч. 1¹ ст. 214, ст. 214¹ УПК РФ.

Годичный срок, разделивший внесудебный и судебный порядок отмены постановления о прекращении уголовного дела, имеет следующее происхождение. В данной ситуации первоначально применялся закон по аналогии. Во внимание были приняты предписания ст. 401⁶ УПК РФ («Поворот к худшему при пересмотре приговора, определения, постановления суда в кассационной инстанции») и ст. 412⁹ УПК РФ («Основания отмены или изменения судебных решений в порядке надзора»), регламентирующие сходные вопросы на других, более поздних этапах уголовного судопроизводства. В результате на нормативном материале указанных статей Кодекса Конституционный Суд РФ в постановлении № 28-П предложил временный переходный регламент возобновления производства по прекращенному уголовному делу («впредь до внесения изменений в УПК РФ») с установлением конкретных сроков, за пределами которых вводится судебная процедура отмены постановления о прекращении уголовного дела. Предполагалось, что соответствующие правовые позиции Конституционного Суда РФ предопределят и основное содержание процессуальных норм, призванных устранить «молчание» закона по поводу отмены постановления о прекращении уголовного дела после истечения годичного срока со дня его вынесения. Данный подход, как уже отмечалось, ровно через год был реализован.

Выделение в УПК РФ самостоятельной судебной процедуры получения разрешения отмены поста-

новления о прекращении уголовного дела, как представляется, объективно обусловлено.

Обнаружив, что ч. 1 ст. 214 УПК РФ не соответствует ч. 1 ст. 46, ст. 53 Конституции РФ в той части, в которой она позволяет прокурору в течение неопределенного срока отменять вынесенное по реабилитирующим основаниям постановление о прекращении уголовного дела без предоставления лицу, в отношении которого оно вынесено, эффективных гарантий защиты, включая судебную, от незаконного и необоснованного возобновления уголовного преследования, Конституционный Суд РФ предложил федеральному законодателю внести в УПК РФ необходимые изменения, обязав прокуроров еще до соответствующей корректировки закона получать судебное разрешение на отмену постановления о прекращении уголовного дела, если истек один год со дня его вынесения, и предложил прокурору обращаться по этому вопросу в суд с заявлением, руководствуясь при этом правилами ст. 165 УПК РФ. Последние, как показала практика, оказались не совсем приспособленными для их практического приложения при рассмотрении судом обращений прокурора разрешить отмену прекращения уголовного дела, чему есть свое объяснение.

Предметы судебного исследования при рассмотрении ходатайства дознавателя, следователя о производстве следственного действия в соответствии со ст. 165 УПК РФ и при рассмотрении ходатайства прокурора, руководителя следственного органа о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела для возобновления по нему расследования в соответствии со ст. 214¹ УПК РФ принципиально различны по своему фактическому составу и сложности.

При рассмотрении судебного материала в порядке, предусмотренном ст. 165 УПК РФ, правовой спор, который приводил бы в движение уголовное дело, отсутствует. Соответственно, нет и спорящих, состоящих сторон. Рассматривая ходатайство дознавателя, следователя о производстве следственного действия и оценивая приведенные в нем сведения с точки зрения достаточности их для того, чтобы убедиться в наличии основания следственного действия, суд может принять как положительное, так и отрицательное решение. Однако ни суд, ни присутствующие в судебном заседании прокурор, следователь, дознаватель не занимают процессуального положения стороны. Более того, их участие в судебном заседании не признается обязательным.

В статье 165 УПК РФ не содержится положений, которые бы предписывали судье осуществить в судебном заседании познавательные действия (заслушивание явившихся в судебное заседание лиц, исследование материалов) [2, с. 458–473; 3, с. 80–82].

Кроме того, обязывая суд рассмотреть ходатайство дознавателя, следователя о производстве следственного действия в течение 24 часов с момента его поступления, законодатель, как представляется, исходит из заведомой достаточности указанного срока для проведения судебного заседания по правилам ст. 165 УПК РФ, по сути, являющегося в анализируемом случае *распорядительным*.

Принципиально по иному следует воспринимать ситуацию, «рожденную» правовой позицией Конституционного Суда РФ, сформулированную им в постановлении № 28-П по вопросу установления судебного порядка получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела. Во-первых, для отмены вступившего в силу решения дознавателя, следователя о прекращении уголовного дела, которое в обязательном порядке согласовывается с прокурором или руководителем следственного органа, нужны веские причины, в том числе новые данные, подлежащие дополнительному расследованию. Поэтому конструкция процессуальной формы реализации правила об отмене только судом постановления о прекращении уголовного дела по прошествии года со дня его вынесения, на которой настоял Конституционный Суд РФ в анализируемом постановлении, должна предусматривать «исследовательскую» часть судебного заседания. При возобновлении либо отказе в возобновлении производства по прекращенному уголовному делу заинтересованными лицами, например, могут быть: подозреваемый, обвиняемый; лицо, в отношении которого уголовное преследование прекращено по нереабилитирующему основанию; потерпевший.

Совершенно логична позиция Конституционного Суда РФ в той части, в какой он высказался по поводу гарантий личного участия реабилитированного в процедуре получения судебного разрешения отмены прекращения уголовного преследования: лицу, уголовное преследование которого было прекращено, или его представителю предоставляется возможность участия в судебном заседании.

В связи с этим при разработке нормативной модели, определившей основное содержание будущих норм, получивших закрепление в ч. 1¹ ст. 214, ст. 214¹ УПК РФ, ее авторы аргументированно отказались рассматривать положения ст. 165 УПК РФ в качестве базовых, исходных, адекватных отношениям, требующих нормативного регулирования.

Учитывая изложенное, законодатель пошел по пути учреждения самостоятельной процессуальной формы рассмотрения указанных судебных материалов, регламентировав ее в ч. 1¹ ст. 214, ст. 214¹ УПК РФ, специально введенной в Кодекс для регулирования отношений, возникающих при отмене решений о прекращении уголовного преследования по исте-

чении года с момента их принятия, определив для этого 14 суток вместо 24 часов, установленных ч. 2 ст. 165 УПК РФ. Для проведения в соответствии со ст. 214¹ УПК РФ судебного заседания на условиях состязательности формальных законодательных барьеров сегодня практически не существует.

Констатируя закрепление в системе досудебного производства по уголовному делу самостоятельной судебной процедуры (процессуального порядка или процессуальной формы), предусмотренной ст. 214¹ УПК РФ [4, с. 12–15; 5, с. 10–15], следует обратить внимание на неопределенность ее отдельных элементов.

Так, все более отчетливо проявляется тенденция к использованию норм ч. 1¹ ст. 214, ст. 214¹ УПК РФ в виде процессуального инструмента исправления ошибок дознавателя, следователя, неправильно применивших уголовный либо процессуальный закон. Результаты изучения материалов уголовных дел, прошедших процедуры «прекращения» и «возобновления», показывают: инициаторы судебного рассмотрения вопроса об отмене решения о прекращении уголовного преследования лица не всегда представляют в суд новые сведения о его причастности к совершению преступления. Соответственно, специальное дополнительное расследование не проводится из-за отсутствия в возобновленном уголовном деле новых обстоятельств, требующих доказывания.

Изучены случаи, когда рассмотрение ходатайства о получении разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела затягивается на длительные сроки, судебные материалы «гуляют» между судебными инстанциями, следуя за поданными жалобами. Инициатива в движении ходатайства об отмене постановления о прекращении уголовного дела, изначально исходящая от прокурора или руководителя следственного органа, после рассмотрения судебных материалов судом первой инстанции переходит к лицам, имеющим в деле законный интерес (потерпевший и его представитель; лицо, в отношении которого прекращено уголовное дело; его защитник). В этом отношении показательны следующие примеры.

Постановлением Ессентукского городского суда от 9 июля 2024 г. разрешена отмена постановления о прекращении уголовного преследования Ф., обвинявшегося в совершении преступлений, предусмотренных ст. 317, ч. 1 ст. 223 и ч. 3 ст. 222 УК РФ. Уголовное преследование прекращено на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за непричастностью к их совершению. Апелляционным постановлением Ставропольского краевого суда от 29 августа 2024 г. постановление суда оставлено без изменений.

Рассмотрев по кассационной жалобе адвоката поступившие в суд материалы, кассационная инстанция указала: ходатайство руководителя следственного органа удовлетворено без проверки материалов уголовного дела, наличия в нем данных о засекреченных свидетелях, что не позволило оценить в совокупности достаточность представленных сведений для возобновления уголовного преследования Ф.; при рассмотрении ходатайства руководителя следственного органа нарушено право на защиту Ф., поскольку функцию его защитника в суде реализовывал адвокат, который, будучи следователем, участвовал в производстве по данному уголовному делу в качестве следователя, что запрещено п. 1 ч. 1 ст. 72 УПК РФ. При таких обстоятельствах кассационным постановлением от 17 декабря 2024 г. № 77 отменены постановления судов первой и апелляционной инстанций в отношении Ф., судебный материал направлен в тот же суд первой инстанции на новое рассмотрение в ином составе⁴.

Как видно из приведенного примера, только для возвращения на исходные позиции судебных материалов, которые повторно должен рассмотреть суд первой инстанции, потребовалось полгода.

В другом деле внимание его участников сосредоточилось на правильном применении положений ст. 78 УК РФ.

Постановлением Железнодорожного районного суда г. Рязани от 11 сентября 2023 г. отказано в удовлетворении ходатайства прокурора о даче разрешения отменить постановление о прекращении уголовного дела по факту умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью потерпевшего К., возбужденного 15 сентября 2015 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ. Апелляционным постановлением Рязанского областного суда от 22 ноября 2023 г. решение суда первой инстанции оставлено без изменений.

Кассационная инстанция в судебном заседании установила, что производство по уголовному делу неоднократно приостанавливалось в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. 10 июля 2023 г. уголовное дело прекращено на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с истечением срока давности уголовного преследования. Вместе с тем при принятии данного решения, а затем и при пересмотре его в апелляционной инстанции не были учтены положения ст. 78 УК РФ, согласно которой от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности может быть освобождено конкретное лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления.

⁴ Дело № 77-1565/2024. Архив Ставропольского краевого суда.

С учетом изложенного суд кассационной инстанции пришел к выводу о том, что судами первой и апелляционной инстанций допущены существенные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона, и постановлением от 19 марта 2024 г. отменил решения указанных судов, передав судебные материалы на новое рассмотрение в Железнодорожный районный суд г. Рязани в ином составе суда⁵.

Подобная практика характерна не только для прекращения уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24, ч. 3 ст. 214¹ УПК РФ). Неодинаковы случаи исправления ошибок, допущенных органом предварительного расследования, при прекращении производства по уголовному делу за отсутствием события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) в связи с деятельным раскаянием (ч. 2 ст. 28 УПК РФ).

Принципиально важно заметить, что недостатки, допускаемые прокурорско-следственными работниками при составлении ходатайств о получении разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), установленными в судебном заседании и послужившими основанием принятия судом первой инстанции «отказного постановления», порождают длительные (до полутора лет) судебные производства, проходящие все процессуальные инстанции. Нередко из-за устаревания поступивших в суд материалов, длительное время не рассматриваемых по существу, утрачивается их актуальность и возобновление производства по прекращенному уголовному делу.

Подводя краткие итоги изложенному, обратим внимание на следующие особенности данного судебно-контрольного производства, которое также нужно воспринимать и как правовое образование, органично встроенное в систему уголовно-процессуального права, и как научную категорию, объединяющую ряд понятий и терминов, которые показывают возможные формы их взаимодействия.

1. Предусмотренная ст. 214¹ УПК РФ судебно-контрольная процедура призвана исключить произвольное, многократное по одному и тому же основанию возобновление производства по прекращенному более года назад уголовному делу. Это достигается за счет введения в УПК РФ судебного порядка отмены постановления о прекращении уголовного дела, установления специального процессуального режима рассмотрения обращений следственно-прокурорской власти о проведении дополнительного расследования по прекращенному уголовному делу.

2. Соблюдение правил, установленных ч. 1¹ ст. 214, ст. 214¹ УПК РФ, способствует обеспечению баланса частных и публичных интересов на основе принципа справедливости, в равной степени направленных на защиту как прав и свобод потерпевших, так и прав и законных интересов уголовно преследуемых лиц.

3. Сформулированные Конституционным Судом РФ в ряде своих решений правовые позиции по вопросам трактовки оснований возобновления прекращенного более года назад уголовного дела в целях проведения по нему дополнительного расследования, круга заинтересованных лиц, могущих принять участие в судебном заседании и довести до суда свое мнение по существу рассматриваемого судебного материала, определения момента, с которого исчисляется годичный пресекательный срок, вкупе с уголовно-процессуальными нормами, закрепленными в ст. ст. 125, 125¹, 214–214¹ УПК РФ, указывают на формирование самостоятельного уголовно-процессуального института — института *судебного контроля за возобновлением прекращенного уголовного дела или уголовного преследования по истечении одного года со дня вынесения решения о завершении расследования дела*.

4. Правовые позиции Конституционного Суда РФ в части моделирования судебной процедуры получения разрешения на отмену процессуального акта о прекращении уголовного дела, аккумулированные в постановлении № 28-П, нашли достаточно емкое нормативное выражение в Законе № 411-ФЗ, дополнившем УПК РФ соответствующей группой норм (ч. 1¹ ст. 214 и ст. 214¹). Уголовно-процессуальное регулирование судебного порядка получения разрешения отменить прекращение производства по уголовному делу, реализованное в 2017–2018 гг., — пример эффективного взаимодействия судебной (в лице Конституционного Суда РФ) и законодательной (в лице Федерального Собрания РФ) властей.

5. Законодатель счел целесообразным введение единого общего порядка получения судебного разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела по истечении одного года со дня принятия об этом решения, т. е. независимо от оснований завершения расследования уголовного дела. Позиция законодателя в этой части вызывает дополнительный интерес в связи с тем, что она реализована самостоятельно, без «давления» Конституционного Суда РФ. Порядок отмены постановления о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям не был предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ из-за отсутствия жалоб и других обращений в суд по данному вопросу.

⁵ Дело № 77-637/2024. Архив Железнодорожного районного суда г. Рязани.

Список источников

1. Шалумов М. С. Некоторые вопросы обеспечения процессуального порядка прекращения судом уголовного дела по нереабилитирующему основанию // Российское правосудие. 2025. № 2.
2. Судебный контроль в уголовном процессе : учеб. пособие / И. А. Давыдова и др. ; под ред. Н. А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
3. Кальницкий В. В. Судебное заседание в досудебном производстве по уголовным делам : учеб. пособие. Омск, 2009.
4. Ендольцева А. А. Судебно-контрольные процедуры в досудебном производстве по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.
5. Умярова Р. Р. Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий в уголовном судопроизводстве России: закон, доктрина и практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2024.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФИЛОСОФСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL TOOLKIT

УДК 101.8:321.1:349.6

doi: 10.24412/1999-625X-2025-499-433-440

5.7.7. Социальная и политическая философия

Философия и политика формирования национализма в предвоенной Латвии

Евгений Витальевич Килимник

доктор искусствоведения, член-корреспондент Российской академии естествознания,
профессор кафедры философии, психологии и гуманитарных дисциплин¹,

✉ kilimnik_06@mail.ru

¹ Уральский юридический институт МВД России (Екатеринбург, Россия)

На основе культурно-философского подхода проведен анализ идеологии национализма в Латвии в XIX в. — 40-х гг. XX в. Теоретико-методологической основой работы стало исследование публицистики и общественных взглядов предвоенного президента Латвии Карлиса Улманиса. Определена задача по выявлению сути особенностей идеологических воззрений сторонников проведения националистической политики в республике в 1930–1940-х гг. Установлено, что идеология латышского национализма имела четко выраженный этнический характер («Латвия для латышей», «Одна земля — один народ»). Определено, что основатель латышского этнонационализма президент предвоенной республики К. Улманис при формировании националистической идеологии во многом опирался на расовые и политические идеи ведущих идеологов Третьего рейха германского национал-социализма, в том числе на идею искусственной депопуляции (например, за счет этнических чисток и выселения) всего нелатышского населения страны, в первую очередь русских и евреев. Предложенная тема исследования актуальна тем, что не только раскрывает идеологию и практику одного из направлений немецкого национал-социализма, но и показывает политическую философию руководства постсоветской Латвии, опиравшуюся на этнические идеи К. Улманиса при проведении национальной политики в стране в отношении русскоязычного населения, подвергшегося комплексной (в том числе и на законодательном уровне) дискриминации по национальному признаку.

Ключевые слова: национализм, политика, идеология, практика, Улманис, Латвия

Для цитирования: Килимник Е. В. Философия и политика формирования национализма в предвоенной Латвии // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 4(99). С. 433–440.

Philosophy and Policy of the Formation of Nationalism in Pre-War Latvia

Evgeny V. Kilimnik

Doctor of Science (in Art Criticism), Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences,
Professor at the chair of Philosophy, Psychology and Humanities¹,

✉ kilimnik_06@mail.ru

¹ Ural Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Yekaterinburg, Russia)

Based on a cultural-philosophical approach, an analysis of the ideology of nationalism in Latvia from late 19th century to 1940s is carried out. The theoretical and methodological basis of the work includes the study of publicistics and public views of the pre-war president of Latvia Karlis Ulmanis. The task has been defined as to identify the essence of the characteristics of ideological views of supporters of conducting nationalist policy in the republic in 1930s – 1940s. It was established that the ideology of Latvian nationalism had a clearly expressed ethnic character („Latvia for Latvians”, „One land — one people”). It is determined that the founder of Latvian ethno-nationalism, pre-war republic president Carlis Ulmanis, in forming nationalist

ideology was largely based on racial and political ideas of leading ideologues of the Third Reich of National Socialism Germany, including the idea of artificial depopulation (for example, at the expense of ethnic cleansing and eviction) of all the country's non-Latvian population, especially the Russians and the Jews. The proposed topic of the research is relevant because not only does it reveal the ideology and practice of one of the directions of German National Socialism, but also shows the political philosophy of the leadership of post-Soviet Latvia, based on the ethnic ideas of Ulmanis in conducting national policy in the country towards the Russian-speaking population, which has been subjected to complex (including legislative) discrimination on the basis of nationality.

Keywords: nationalism, policy, ideology, practice, Ulmanis, Latvia

Citation: Kilimnik E. V. Philosophy and Policy of the Formation of Nationalism in Pre-War Latvia. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No. 4(99). Pp. 433–440 (In Russ.).

Актуальность исследования обусловлена политикой дискриминации руководством постсоветской Латвии русскоговорящего населения Республики, в основу которой были положены этнонационалистические политические взгляды президента предвоенной Латвии К. Улманиса, базирующиеся на философии и практике руководителей Третьего рейха в отношении лиц «неарийской национальности».

Чтобы понять тенденции зарождения этнонационализма К. Улманиса, необходимо раскрыть сложные отношения между латышским национализмом и идеями этатизма в Латвии.

Научный акцент на этнической природе латышского национализма будет рассмотрен на основе теории американского социолога Р. Брубейкера [1]. Он предложил провести различие между так называемым «государственным» и «контргосударственным» национализмом, тем самым подчеркивая отношения между государством, нацией и личностью, чтобы излишне не нагружать аналитическое различие между этническим и гражданским национализмами. На примере теории Р. Брубейкера рассмотрим вопрос, как на протяжении всей истории от своего зарождения в 20–30-х гг. XX в. латышский национализм постоянно эволюционировал между этатизмом и национализмом. Эта тенденция сохраняется в постсоветской Латвии до настоящего времени. Представляется, что латышский национализм не был чисто этническим или гражданским по своему характеру, скорее, он вращался между более специфическими типами национализма.

Категоризация и анализ существующих национализмов

Вопрос о том, можно ли сгруппировать различные идеологии национализма по каким-либо надежным характеристикам, долгое время интересовал исследователей. Они пытались понять, почему одни национализмы ведут к насилию и разрушению сознания и поведения в обществе граждан, а другие могут служить делу объединения и даже демокра-

тизирующей силой. Чтобы объяснить это различие, профессор Х. Кон (колледж Смит, Нортгемптон, штат Массачусетс, США) ввел категории «этнического» и «гражданского» или «западного» и «восточного» национализма [2, p. 67].

«Западный» тип национализма сосредоточился на формировании современной централизованной государственности и обычно автоматически идентифицировал всех полиязычных граждан своего государства как членов единой нации, понимаемой в политическом и территориальном плане. Ученый предположил, что такой национализм был открытым, инклюзивным и гражданским, что обусловило развитие и устойчивость стабильных демократических политических систем. Однако так называемый «восточный» национализм является проблематичным и опасным, потому что он был изначально построен на этнической идентичности, границы которой не пересекались с государственными и направлены в итоге на социальное разрушение существующих государств. «Этнический» национализм утверждал примат кровного родства, исключал определение принадлежности к нации и обычно обосновывался местными национал-интеллектуалами, которые идентифицировали нацию с особой культурной самобытностью, особенностями родных народных традиций, местного языка и общей (обычно травматической) историей. Согласно Х. Кону, государства, возникшие на основе этого типа национализма, с меньшей вероятностью способствовали построению или поддержанию демократии.

Некоторые зарубежные исследователи использовали этот подход, чтобы продемонстрировать, что национализмы принципиально различаются в зависимости от того, как они определяют нацию, и по той роли, которую они отводят отдельной личности, и как они соотносятся с демократическими политическими институтами в стране. Эти различия также использовались для изучения восточного и центрально-европейских национализмов. Некоторые исследователи утверждали, что этническая природа антикоммунистических движений предот-

вратила формирование гражданско-государственного национализма в этих регионах [3, р. 175]. Другие зарубежные аналитики полагали [4, р. 90], что этнический национализм процветал в этих регионах из-за отсутствия гражданских традиций и постоянно бытовавших в этих странах политических и социальных кризисов. По мнению ряда ученых, исследовавших исторические, интеллектуальные и религиозные факты происхождения подобных национализмов, он носит чисто этнический характер [5, с. 317].

Некоторые критики Х. Кона утверждали, что он предубежденно относится к «незападному» национализму и отражает традиционное предвзятое отношение Запада к регионам Восточной Европы [6, р. 105]. Контрисследователи полагали, что «инклюзивный», «западный» национализм также основан на этнических неприятиях, как и очерненный ими восточный национализм. Западные представления о государстве и нации скорее всего были продуктом эволюционного процесса, шедшего от этнического национализма к гражданскому обществу, и поэтому не было особых причин полагать, что современные этнические национализмы, такие как в Восточной Европе, не могут постепенно трансформироваться в гражданско-государственные в условиях изменения времени [7, с. 24]. Другие критики полагали, что ни один национализм никогда не был чисто гражданским или этническим, поэтому теория профессора Х. Кона не может быть эмпирически обоснованной. Они добавляли также, что гражданские и этнические формы национализма всегда существовали друг с другом в прошлом и продолжают существовать и сегодня [8, с. 393]. Общий анализ мнений показывает, что решающим фактором для развития демократического общества было не преобладание гражданско-государственного национализма над этническим, а скорее, баланс между ними.

Р. Брубейкер раскритиковал существующие различия между гражданско-государственным и этническим национализмом как аналитически запутанные и перегруженные [1]. Так, он впервые предложил концепцию националистической «триады».

1. Национализмы в «национализирующих» государствах.

2. Национализмы национальных меньшинств.

3. Пересекающий национальные границы национализм, идущий из «внешней исторической родины» [1].

Эти три типа национализма имели перед собой разные цели и методы и часто они обуславливали друг друга. Так, Р. Брубейкер предположил, что восточноевропейские национализмы были не только «этническими», но и «национализиру-

ющими», т. е. «направленными» на подчинение части населения, находящегося под титульной нацией. Подобный национализм питался верой, что государство существовало исключительно для защиты и возвышения только одного титульного этноса, что делало его антидемократическим по своей сути.

Концепция «национализирующихся» государств использовалась для изучения ряда постсоветских стран Восточной Европы [9, с. 30], на основании чего был сделан вывод, что, действительно, эти страны имели исключительный этнический по своей природе национализм. Латвия и Эстония обычно назывались в числе «государств-националистов» из-за их исключительных по своей природе принятых законов о гражданстве [10, р. 257]. Подобные постсоветские восточноевропейские государства подверглись западной и российской критике за «национализм», поскольку приняли языковые законы и соответствующую политику в отношении искусственного возвышения титульной нации в рамках ее этнонациональной истории. Примечательно, что западные СМИ также были отмечены представлениями о том, что восточноевропейские государства пронизаны опасным «национализмом» и этноцентристскими идеями. В этом смысле прежнее определение «этнический» национализм было заменено другой, весьма критической концепцией «национализации» национализма. Кроме того, этнические меньшинства в новых постсоветских государствах обычно не интерпретировались как «национализирующиеся», хотя на самом деле их действия часто были аналогичны действиям титульных наций [11, с. 136]. С учетом новых обстоятельств Р. Брубейкер в 2004 г. трансформировал свои взгляды, чтобы предложить новую классификацию национализмов по их отношению к государству, т. е. между «государственным и контргосударственным пониманием нации и формами национализма» [1]. Государственные национализмы воспринимали нацию как объединенную с государством. Контргосударственный национализм представлял нацию особой частью существующих государств или противостоящей им. Он рассматривал государство как инструмент исключительно титульной нации. Государственный национализм не был обязательно всегражданским, поскольку он мог быть пропитан отличными этническими и культурными элементами и особой интерпретацией нации, в то время как контргосударственный национализм не обязательно воспринимал нацию с этнокультурных позиций [1].

Новым аспектом этого теоретического вывода является предложение исследовать национализм по его отношению к этатизму. Эта идея может

быть эффективно связана с выводами американского социолога Р. А. Нисбета о том, что вера в сильное централизованное государство и последующий его рост были важными теоретико-политическими достижениями в современной истории. Так, в своих исследованиях Р. А. Нисбет подчеркивал, что почти все политические идеологии современности были под влиянием этатизма, т. е. все они проявляли особую заинтересованность в помощи государства, рассматриваемого ими как основная форма политической организации, которая должна взять на себя контроль над многими аспектами человеческой жизни (насколько это будет возможно) [12, р. 8]. Сочетание идей американских ученых Р. Нисбета и Р. Брубейкера дает полное основание для модифицированной аналитической категоризации национализмов по отношению к этатистским идеологиям. В результате в государственном национализме Р. Брубейкера доминирует государство, государственно-этнические убеждения, в то время как контргосударственные национализмы подчеркивают культурную уникальность титульного этноса. Кроме того, в этих рамках восприятия можно избежать полного отказа от этнических и гражданских категорий, которые позволяют сделать анализ имеющихся важных различий между существующими национализмами.

Таким образом, современные представления о том, что является фундаментальной основой нации, могут быть сформированы для создания классификации национализмов (таблица).

Таблица. Типы национализмов на основе взаимодействия современных политических представлений о нации, государстве и личности

Что формирует нацию?	Государство	Вне государственного пространства
Этничность (культурная)	1. Этнический национализм	3. Антигосударственный этнический национализм
Неэтническая (культурная) принадлежность	2. Государственный национализм	4. Гражданский национализм

Тип 1. Этнический национализм. Он ставит этническую (культурную) принадлежность граждан выше государственной и видит государство как инструмент обслуживания интересов только титульного этноса. В целом национализм этого уровня обладает характеристиками, отмеченными Р. Брубейкером, который подчеркивал их в своей категории национализации государства. В результате этот национализм не отрицает важности государства, но ставит этническую принадлежность выше гражданства и полагает, что государство будет за-

щищать только этническую принадлежность и этнические интересы (например, немецкий национал-социализм).

Тип 2. Государственный национализм. Он отличается от этнического национализма тем, что настаивает на том, что сильное и стабильное государство является главной политической ценностью в общественных представлениях. Согласно этой философии национализма нация развивается из отождествления себя с государством. Этот тип национализма более открытый, чем этнический национализм, потому что ставит гражданство выше этнической принадлежности. Хотя этатистский национализм не полностью исключает этническую принадлежность, но, как важный элемент самоидентификации граждан, он больше подчеркивает объединяющую роль государства (например, иранский национализм).

Тип 3. Антигосударственный этнический национализм. Он пропагандирует чистый и исключительно определенный этнический коллектив граждан. Этот национализм не считает, что существующее (или, например, любое) современное государство способно в полной мере осознать сущность важности этноса и ожидает от индивида определенных жертв во имя этнического коллектива (например, немецкий романтический национализм или сепаратистский национализм меньшинства).

Тип 4. Гражданский национализм. Это редкий случай национализма, потому что он не строит свое представление о нации либо по этносу, либо по государству. Вместо этого он способствует принципу личной свободы. Этот тип национализма понимает нацию, основанную исключительно на гражданстве (например, британский и американский национализмы).

Эта комбинированная аналитическая структура четырех типов национализмов может быть особенно продуктивной, если она, например, используется динамично. Поэтому необходимо осознать, что отношения между этническими, гражданскими и государственными элементами являются гибкими и что четыре типа национализмов могут сосуществовать и конкурировать друг с другом. Это дает возможность изучать такие явления, как, например, изменение баланса сил, смена идей, борьба между этническими националистами, демократами, прогосударственниками и антигосударственниками внутри националистических движений и идеологий. Кроме того, можно использовать динамичный подход «национализм плюс этатизм», который особенно полезен в контексте изучения стран центральной и постсоветской Восточной Европы, где он может осветить долгую и сложную историю взаимоотношения нации и государства. Так, ранний восточный и центрально-

европейский национализм сильно пострадали от наследия имперского правления, этнического разнообразия стран и неудачной модернизации сознания, которые были трансформированы в представление о том, что государство должно содействовать только господствующей этнокультурной группе населения [13, с. 64]. Таким образом, многие националисты рассматривали государство как основной инструмент по исправлению исторической и культурной несправедливости, как возмездие тем, кто в прошлом с ними плохо обращался, кто не пытался создать сбалансированные отношения между разнообразными этническими группами в странах, на примере Центральной и Восточной Европы.

В статье отношения между национализмом и этатизмом в Восточной Европе анализируются на примере предвоенного Латвийского государства. Подобно другим восточноевропейским народам этатизм играл многообразную роль в латышском национализме вплоть до 1940-х гг., когда он занял центральное место в политике.

Социокультурное происхождение и эволюция латышского этнонационализма

Латышский национализм возник в середине XIX в. с характерным для него сильным культурно-этническим акцентом в период развития в Российской империи новых капиталистических отношений, общего роста культуры и, как следствие, развития национального самосознания. Авторами раннего латышского этнонационализма была активная молодежь (выходцы, имевшие в основе скромное крестьянское происхождение), которая получила высшее образование в российских и немецких университетах благодаря попыткам имперского правительства создать современное национальное государственное устройство с образованным на местах пророссийским средним классом [14, с. 167]. Непреднамеренным следствием этого процесса стало распространение националистических идей среди новых, этнических по своему происхождению интеллектуалов. Так, под влиянием славянофилов, а также немецких националистов, таких как Г. Гердер, они намеревались создать новые культурно-этнические и политические концепции, с помощью которых местное крестьянское население могло быть преобразовано в самосознающие этнические группы населения. Например, они усердно работали над совершенствованием нового, «стандартного», универсального латышского языка, делая его единым для всех народных диалектов Латвии, переводили на него различные иностранные тексты и книги, а также издавали газеты и журналы, организовывали праздники национальной песни, театральные постановки и иные культурные ме-

роприятия [15, с. 127]. Они также утверждали, что «новоявившиеся» себя латыши должны полностью заменить иноязычных представителей Российской империи в латышском регионе и что именно они выступают теперь в качестве политических агентов латышского этноса [16, с. 44]. Эта политико-культурная позиция была обусловлена тем, что до середины XIX в. коренное крестьянское население не имело политического существования, потому что все политические вопросы в балтийских губерниях решали исключительно только обрусевшие немецкие дворяне. Чтобы противостоять этому этнополитическому влиянию, ранние латышские националисты разработали различные методы для усиления участия латышей в местной региональной политике Российской империи. Например, они пытались создать избирательный блок из латышей, организовали делегации и направили письма самоидентифицирующих себя латышей императору Николаю II, в которых пытались не только выразить свою лояльность, но также недовольство немецкой обрусевшей знатью в Латвии, определявшей решение вопросов внутренней политики [17, с. 359].

Таким образом, ранний латышский национализм содержал элемент этатизма, проявлявшийся верой в то, что полноценное национальное существование неотъемлемо связано с выстраиванием отношений с государственной властью, что позволяет классифицировать его как пример этнического государственного национализма, относящегося к первому типу (рассмотрен выше). Этот национализм основан на предположении, что этническая принадлежность является первичным элементом нации, но она не может существовать без признания самого государства. В соответствии с этим национализмом полноценный этнос должен был уметь влиять на политический процесс и дела государства.

Несмотря на лояльность ранних латышских националистов, российские имперские власти заподозрили элемент сепаратизма и начали ограничить латвийскую политическую деятельность [17, с. 359]. В ответ на государственную цензуру, политику русификации и обращение в православие латышские националисты сосредоточили свое внимание на укреплении национального культурного аспекта, например, путем сбора фольклорных материалов, мифологии и создания латышской национальной литературы. Благодаря этому первоначальный элемент этатизма постепенно утратил свое значение в конце XIX в. Латышский национализм начал свою эволюцию к антигосударственному типу этнического национализма (третий тип). Кроме того, умы и сердца следующего поколения латышской национальной интеллигенции были охвачены радикаль-

ным марксизмом и социал-демократическими идеями. Свои стремления к политическим переменам латышские интеллектуалы вкладывали в революционное движение, которое призывало к народному мятежу и созданию бесклассового общества. Они выступали против существующего имперского Российского государства и поддерживали бесклассовое государство, но без каких-либо националистических элементов. В итоге сформировавшиеся молодые марксисты и социал-демократы были скорее государственниками, а не националистами.

Однако временно дремлющие националистические настроения вновь пробудились после неудавшейся в 1905 г. революции в России, в результате чего ряд латышских социал-демократов вновь заинтересовался идеями национальной государственности, заимствовав их у австрийских социал-демократов, таких как О. Бауэр, и из федеральной конституции Швейцарии [18, л. 13]. Меньшинство националистов среди латвийских социал-демократов утверждало, что возможно иметь социалистическое государство, но уже с учетом идеи этнического освобождения. Таким образом, они предложили государственный тип национализма (второй тип), но большинство социал-демократов отвергало такие концепции как реакционные [19, с. 24]. Эти разногласия переросли в конфликт, который вновь способствовал медленному распространению националистических идей среди населения перед Первой мировой войной [20, л. 63]. Некоторое разрешение этой идеологической неопределенности произошло во время Первой мировой войны, когда ряд влиятельных местных мыслителей-интеллектуалов и политических деятелей укрылись от немецкой оккупации в России, в основном в Москве и Санкт-Петербурге. Идея независимого государства становилась все более популярной среди них. Испытывая судьбу изгнанников поневоле, чувствуя ностальгию по своим потерянным домам и растущее разочарование в рушащейся власти Российской империи, эти латыши сформулировали первые идеи о национальной автономии, например, создали декларацию с восьмью пунктами о политической автономии Латвии, изданную газетой для беженцев «Дзимтенесатбалс» («Эхо Родины») в феврале 1917 г. [18, л. 13]. Эти националистические настроения в ходе новой русской революции постепенно усилились, и вынужденные иммигранты пришли к осознанию, что они будут естественными лидерами в будущем независимом Латвийском государстве. Эта идея побудила их заниматься активной политической и культурной деятельностью. Помимо создания этноориентированной политической организации, профильной этнической публикационной деятельности, началось формирование на-

чальных и средних школ, курсов в высших образовательных учреждениях с намерением воспитать «новых государственных деятелей автономной Латвии» [18, л. 14]. Кроме того, рассматривались планы будущего политического и административного переустройства Латвии. По их мнению, новое государство должно было бы служить интересам латышского народа. Таким образом, шло формирование политики и пропаганды этнического национализма (первый тип).

Но не все из иммигрантов были так заинтересованы в построении нового Латвийского государства. Например, одно из многих широко распространенных среди сибирских беженцев изданий «BrivaisLatvis» («Свободная Латвия») утверждало, что государство есть «аристократическое образование», которое в своей основе является угнетающим [18, л. 14]. В ряде случаев подобный антигосударственный этнический национализм (третий тип) сохранял подозрение к государству даже после установления независимой Латвийской Республики в 1921 г.

Тем не менее большинство латышских националистов в конце Первой мировой войны верили в необходимость образования государства, которое будет укреплять латышей как нацию. Таким образом, в идеологии и сознании интеллигенции и политиков революционной России преобладал этнический национализм (первый тип). Большинство латышских националистов не возрождало государство, но считало, что оно должно служить нуждам этнических латышей. Этнический национализм оставался сильным идейным течением в политической жизни на протяжении всего периода существования Латышской парламентской демократии в 1921–1934 гг. Постепенно эта идеология под влиянием крепнувшего национал-социализма в Германии развилась в критику демократии, а само существующее государство рассматривалось как враждебное к «истинным» интересам латышской нации. Таким образом, латышский этнический национализм постепенно к середине 30-х гг. XX в. превратился в антигосударственный по своей антидемократической сути этнический национализм (третий тип). Это явление усиливалось по мере того, как его сторонники становились все более недовольными существующими демократическими компромиссами, установленными в республике с 1921 г. В условиях диктатуры К. Улманиса (1934 г.) они объявили, что как прежнее Латвийское государство, так и его политическая система потерпели полный провал, и призвали к недемократическому государству, которое считало бы только латышскую этническую принадлежность высшей политической ценностью [21, с. 111]. Именно в этот момент государственный запрос на сильное государ-

ство вновь усилился в политическом пространстве Латвии. Его наиболее красноречивым выражением стала известная книга, написанная выдающимся интеллектуалом, политиком и дипломатом М. Валтерсом в 1933 г. В ней автор отверг демократию, либерализм и рыночную экономику как эгоистичные и предложил вместо этого идею, чтобы государство обеспечивало все индивидуальные инициативы, и усилия были подчинены потребностям страны и нации. Он утверждал, что государство должно быть решающей политической силой, и предлагал институционализацию усиления контролируемых государством форм деятельности в экономике и политике. Автор писал, что такие меры были последней надеждой на превращение Латвии в сильное государство, а латышей — в великую нацию. Популярность таких взглядов была широко распространена в обществе, и к середине 1930-х гг. латышский национализм превратился в государственническую идеологию (второй тип).

В мае 1934 г. премьер-министр и лидер влиятельной политической партии «Союз фермеров» К. Улманис вместе с несколькими сторонниками совершил государственный переворот. С помощью добровольческой военизированной организации «Айзсарги» он арестовал ряд политических лидеров из числа социал-демократов, объявив парламент распущенным и став, по сути, авторитарным президентом-диктатором Латвии. Его идеология и политика прямо вписываются в этатистский национализм (второй тип), который уже был развит националистически настроенными местными мыслителями-интеллектуалами и политическими деятелями. После переворота К. Улманис стал рассматривать государство как идеальный инструмент для создания и совершенствования латышей как сверхнации. Для этого он сформировал корпоративно-партийную административную систему с интервенционистской экономической политикой. Он постепенно создал государственный капитализм, где номинально частная собственность сохранялась в обществе, но реально экономика контролировалась государством, а в его лице лично К. Улманисом. Он распустил все политические партии и запретил нерегулируемые общественные объединения, ввел государственный контроль над всеми средствами массовой информации.

В результате государство стало более централизованным, а управляющая бюрократия и сам К. Улманис могут рассматриваться в нем как обладающие высшей силой, отвечавшие за почти все стороны жизни латвийских граждан. Сильное государство и сам К. Улманис восхвалялись и прославлялись в национальных СМИ, в то время как граждане должны были приспосабливать свои

интересы и потребности к интересам государства и его вождя [22, л. 59].

Под руководством К. Улманиса латышский национализм проникся идеей, что могущественное государство и его лидер обладают специфическим ключом знания к национальному характеру латышского народа. Другими словами, государство и его руководство теперь воплощали и создавали новую нацию с новой политической государственной философией: «одна земля, один народ, один вождь», которые были заимствованы К. Улманисом у идеологов Третьего рейха. В результате К. Улманис усилил государственный национализм (второй тип), где государство преобладало над этнической принадлежностью, а лояльность государству стала важнее, чем этническая принадлежность, но при безусловном приоритете титульной нации над другими (некоренными), которые в период оккупации было решено частично подвергнуть ассимиляции (малую часть), а остальных (русских, евреев, поляков) выселить за пределы республики или ликвидировать. Эта идеология господствовала до 1940 г.

В заключение отметим, что во время нацистской оккупации, Второй мировой войны и при советской власти после войны государственный элемент латышского национализма пришел в упадок. Понятие «сильное национальное государство» оказалось не только недостижимым, но и противоречащим сути нового латышского советского гражданина, которая мыслилась как противоположность государственным режимам с недемократической несоветской основой.

Латышская этничность рассматривалась как культурное и духовное достижение, существовавшее в национальной литературе, искусстве, музыке, фольклоре и мифологии, и не могла быть создана государственными учреждениями. Этот национализм вновь проявлял в своей духовно-идеологической основе антигосударственные этнические черты. Он изменился, когда латыши столкнулись с политическими возможностями в конце 1980-х — начале 1990-х гг., предоставленными им Перестройкой М. Горбачева.

Государственной идеологии К. Улманиса было позволено в предвоенные годы на практике регулировать и контролировать жизнь людей, пока это соответствовало тому, что, по мнению латышских националистов, приносило пользу латышскому этносу политически, социально и культурно. Таким образом, этнический национализм по отношению к остальным проживающим национальностям (русским, евреям, полякам) стал господствующим в Латвии в качестве государственной идеологии вплоть до 1940 г.

Список источников

1. *Brubaker R.* Nationalism reframed: nationhood and national question in the New Europe. Cambridge. 1996.
2. *Kohn H.* Nationalism: Its Meaning and History. Princeton, N. J., N. Y., 1955.
3. *Caplan R.* Europe's new nationalism: states and minorities in conflict. N. Y., 1966.
4. *Snyder J.* Nationalism and the crisis of the post-Soviet state. Princeton, N. J., 1993.
5. *Валантиеюс А.* Ранний литовский национализм: источники его легитимности // Нации и национализм. 2002. № 8(3).
6. *Yack B.* The Myth of the Civil Nation. Nationalism. Albany, 1999.
7. *Кузио Т.* Миф о гражданском государстве // Этнические и расовые исследования. 2002. № 25(1).
8. *Добреску К.* Конфликт и разнообразие в восточноевропейском национализме, на основе румынского тематического исследования // Восточноевропейская политика и общества. 2003. № 17(3).
9. *Кубичек П.* Что случилось с националистами в Украине? // Национализм и этническая политика. 1999. № 5(1).
10. *Pettai V.* Estonia and Latvia: International Influence on Citizenship and Minority Integration. Oxford, 2001.
11. *Кузио Т.* Национализация штатов или Национальное строительство? // Нации и национализм. 2001. № 7(2).
12. *Nisbet R.* The Quest for Community. N. Y., 1962.
13. *Обрадович М.* Социально-исторические корни восточноевропейского национализма // Канадский обзор исследований национализма. 1997. № 24(1-2).
14. *Пенроуз Я., Мэй Дж.* Концепция нации Гердера и ее значение для современного этнического национализма // Канадский обзор исследований национализма. 1991. № 18(1-2).
15. *Балодис А.* История Латвии и латышского народа. Рига, 1991.
16. *Хановс Д.* Ассоциация латышей Риги: противоречивая реальность? // История Латвии. 2000. № 1(37).
17. *Свабэ А.* Латвийское сознание. 1800–1914 гг. Рига, 1991.
18. *Germanis U.* Latviešu politiskā nacionālisma pirmsākumi // LatvijasVesture. 1992. № 3(6).
19. *Ламм Э.* Музыкальный романтизм: страницы жизни и творчества Яна Акуратера. Рига, 2003.
20. *Krēsliņš U.* Aktīvā nacionālisma ideoloģija: latviešu nacionālisma idejas // LatvijasVesture. 2000. № 1(37).
21. *Заке И.* Народная партия Латвии: неолиберализм и новая политика // Журнал коммунистических исследований и переходной политики. 2002. № 18(3).
22. *Butulis I.* Kārļa Ulmaņa autoritārās ideoloģijas ietekme uz latviešu apziņu // LatvijasVesture. 2001. № 2(42).

УДК 167

doi: 10.24412/1999-625X-2025-499-441-446

5.7.6. Философия науки и техники

Как важно быть логичным: размышления над книгой Г. Ч. Синченко «Логика диссертации»

Наталья Ивановна Мартишина

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия и культурология»¹,

✉ nmartishina@yandex.ru

¹ Сибирский государственный университет путей сообщения (Новосибирск, Россия)

Статья акцентирует внимание на значении логико-методологического аспекта диссертационных исследований и других научных работ. При подготовке диссертации к защите соискателю необходимо не только получить новый и имеющий познавательную ценность результат, но и убедительно представить его в этом качестве научному сообществу, сформулировав тему, гипотезу, наименования разделов, корректно описав такие основные характеристики, как актуальность исследования, его цель и задачи, научную новизну и практическую значимость и др. Решение этих задач может представлять серьезные трудности. В связи с этим рассматривается логико-методологическое обеспечение их выполнения, предложенное в книге Г. Ч. Синченко «Логика диссертации». Показано, что в данной работе прослежен и снабжен эффективными рекомендациями полный цикл выполнения научно-квалификационной работы вплоть до определенных аспектов процедуры защиты.

Ключевые слова: логика науки, методология науки, диссертация, научно-квалификационная работа, объект и предмет исследования, цель и задачи исследования

Для цитирования: Мартишина Н. И. Как важно быть логичным: размышления над книгой Г. Ч. Синченко «Логика диссертации» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 4(99). С. 441–446.

The Importance of Being Logical: Reflection on the book „Logics of Thesis” by G. Ch. Sinchenko

Natalia I. Martishina

Doctor of Science (in Philosophy), Professor, head of the Chair of Philosophy and Cultural Studies¹,

✉ nmartishina@yandex.ru

¹ Siberian State Transport University (Novosibirsk, Russia)

The article emphasizes the importance of the logical-methodological aspect of dissertation studies and other scientific works. When preparing a thesis for the defense an applicant must not only obtain a new and cognitively valuable result, but also convincingly present it as such to the scientific community, formulating the topic, hypothesis, names of sections, correctly describing such basic characteristics, as the relevance of the research, its purpose and objectives, scientific novelty and practical significance, etc. Tackling these tasks can be challenging. In this regard, the author considers logical-methodological support of their performing proposed in the book „Logics of Thesis” by G. Ch. Sinchenko. It is shown that this work traces and comprises effective recommendations for the complete cycle of carrying out scientific-qualification work up to certain aspects of the defence procedure.

Keywords: logics of science, methodology of science, thesis, scientific-qualification work, object and subject-matter of the research, purpose and tasks of the research

Citation: Martishina N. I. The Importance of Being Logical: Reflection on the book „Logics of Thesis” by G. Ch. Sinchenko. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 4(99). Pp. 441–446 (In Russ.).

Логика в современном обществе стремительно превращается из всеобщего атрибута интеллектуальной деятельности, уважительное отношение к которому все разделяют по умолчанию, в редкое, почти экзотическое и, в общем-то, мало кого интересующее искусство. Нечто вроде каллиграфии: кое-где еще недавно можно было приглашать чиновника начертать иероглифы для вывески вновь открываемого

учреждения (почетная обязанность, аналогичная разрезанию ленточки, но более долгосрочная), не сомневаясь, что он окажется на высоте (Мао Цзэдун подписал так, кажется, половину зданий Пекина, не говоря уж о «Жэньминь Жибао»), и вот уже в некоторых странах школьников перестали учить писать от руки вообще, предполагая, что для жизни им хватит компьютерного набора. Вот и логика давно

не входит в число базовых дисциплин средней школы, да и из учебных планов многих вузовских специальностей она как-то незаметно исчезла (например, ее не включает последний примерный учебный план по направлению подготовки «Юриспруденция»). А там, где она или ее элементы еще остались, преподаватели сталкиваются с изменившимся восприятием самих правил игры — например, того принципиального момента, что некую идею можно вывести из имеющихся данных посредством рассуждения, а не быстро найти в сети, или универсальности логической схемы, не зависящей от загруженного в нее содержания.

«Логическая игра» Л. Кэрролла [1] вызывает у современных студентов не веселье, а искреннее возмущение (разве может у устрицы быть несчастная любовь? Ерунда какая-то!), стандартная логическая задача типа «Только одно из высказываний истинно» переключается с сопоставления заданных условий на психологические построения (наверное, истину сказал дедушка, обычно старики мудрые) или в план практического опыта (так пусть они везде посмотрят — кто им мешает?), содержательное обоснование замещается риторикой (так я же доказываю: я считаю...), в ответ на предложение оценить формулировку определения с точки зрения достаточности для объяснения значения термина следует цитирование альтернативной формулировки, почерпнутой из «Википедии». В этих разговорах люди с традиционной логической выучкой раз за разом чувствуют себя так, как когда-то Л. Витгенштейн в гипотетической дискуссии о возможности путешествия в иные миры силой мысли: «А что, если вместо ответа на все эти вопросы нам бы возразили: „Мы не знаем, как попадают на Луну, но те, кто туда попадают, тотчас узнают, что они там: и ты ведь тоже не все можешь объяснить“? Мы почувствовали бы, как далеки мы духовно от того, кто это сказал» [2, с. 337]. Это ощущение духовного разрыва, проблематизирующего саму возможность обсуждения и объяснения.

Все это, вероятно, не так уж страшно, когда речь идет об обыденных вещах, стандартных проблемах и случаях действительного существования готовой информации, достаточной для обеспечения повседневной практики. Но отсутствие логических навыков становится критическим при выходе на уровень сложной и при этом требующей творческого продвижения интеллектуальной деятельности, иными словами, научной работы. В самом очевидном варианте человек, начинающий работать над диссертацией или хотя бы над научной статьей, внезапно обнаруживает, что, несмотря на успешное прохождение всех предыдущих ступеней образования, он многого просто не умеет делать: самостоятельно сформулировать мысль (а не переписать откуда-

нибудь), проанализировать источники с выделением концептуальных линий (а не просто пересказать), сформировать последовательность изложения материала и не повторяться, выбрать среди нескольких определений рабочее (а не только выложить их списком), корректно и информативно описать результаты эксперимента и т. п.

В более сложном случае он допускает системные ошибки, связанные с общей организацией исследования. Автор сталкивался на практике, например, с такой ситуацией: в диссертационный совет по педагогике была представлена работа, посвященная новой методике преподавания некоторых разделов физики. Эффективность своей методики диссертант обосновал данными эксперимента, в ходе которого он в течение года занимался с одним из двух параллельных классов по новой методике два часа в неделю дополнительно (второй класс служил контрольной группой и дополнительные занятия не посещал). Разумеется, уже при первой экспертизе диссертации возникло замечание: дополнительные занятия по любой методике и должны были повысить уровень усвоения материала, оценить эффективность собственно методики не представляется возможным. Диссертант отправился проводить эксперимент заново. Этого, вероятно, не случилось бы, если бы он действительно понимал логику выявления причинно-следственных связей (и в частности, что один из методов не зря называется методом *единственного различия*).

Наконец, в случае успешного завершения исследования его результаты необходимо убедительно представить научной общественности, корректно и точно описав все необходимые параметры — актуальность темы исследования, научную новизну и возможную практическую значимость работы, ее цель и задачи, теоретические и методологические основания, квалифицированно сформулировав тему, гипотезу, положения, выносимые на защиту, наименования разделов и т. д. Все это требует достаточно высокого уровня логико-методологической культуры и в глазах научного сообщества часто становится «доминантным показателем» квалификации начинающего (и не только) ученого [3, с. 48]. Эксперты ожидают от соискателя проявления именно таких навыков в их принятой форме: «Работа считается состоявшейся, если соискатель свободно владеет материалом своей дисциплинарной области, охотно идет на полемику, может защитить основные идеи своего диссертационного исследования, убедителен в ответах на вопросы и сделанные ему замечания» [4, с. 102]. Если вдруг (вместо всего этого) витгенштейновский духовный разрыв на уровне стиля мышления обнаруживает рецензент научного журнала, эксперт диссертационного со-

вета, государственная аттестационная комиссия — возникает вопрос уже не о направлениях правки, а о профессионализме исследователя, даже при наличии у него специальных знаний.

Приходится признать, что до некоторой степени проблема связана и с самой логикой. В качестве научной дисциплины логика давно прошла стадию разработки методологического обеспечения базовых интеллектуальных операций — логические требования к определению, делению объема понятия, вопросу, релевантному ответу и т. д. уже сформулированы и практически ушли из научного обсуждения. Современная логика формализована, алгебраизирована и погружена в сложные и тонкие профессиональные вопросы. Учебная литература, которая должна соответствовать уровню научных разработок, насыщается этим материалом и в результате отрывается от повседневных логических потребностей начинающей аудитории. Если по итогам изучения логики аудитория воспринимает ее не как познавательный инструмент, а как еще некоторый объем информации для освоения — классификации понятий и суждений, формулы и их преобразования, исчисление высказываний и предикатов — это не лучший результат. «Логика, озабоченная обоснованием собственной теоретической самостоятельности, постепенно теряет свою практическую значимость» [5, с. 4], и это, на мой взгляд, ставит ее на грань утраты изначального предназначения — организации реальных рассуждений на всех уровнях. В современных условиях как никогда востребованы практико-ориентированные курсы логики, где основные интеллектуальные операции будут разбираться с точки зрения технологии их выполнения, на реальных и желательно связанных со специальностью примерах, с наработкой соответствующих навыков.

С этой точки зрения учебное пособие Г. Ч. Синченко представляется эталонным. Вышедшее в 2000-е гг. его первое издание содержало, как совершенно справедливо писал автор, «детализированную и интегрированную версию практической логики, ориентированную на потребности соискателей ученой степени» [6, с. 5], выгодно отличавшуюся всеми этими качествами от популярных в то время пособий «Как защитить диссертацию» с рекомендациями общего характера, и немедленно пошло в работу очень многих практиков, обучавших студентов и аспирантов основам научных исследований (мой собственный курс логики и методологии науки тоже был сформирован во многом с опорой на это пособие) и смежным дисциплинам (о чем свидетельствует, в частности, Л. М. Карпова [7]). К пятому, расширенному и дополненному изданию сочетание высокого научно-теоретического уровня, операциональности

каждого фрагмента и четкости изложения, буквально укладывающей материал в голову читателя, достигло (рискнем сказать) совершенства, и можно не сомневаться, что оно будет оценено аудиторией, для которой предназначено.

Соискатели ученой степени (эта категория определена как основной адресат) найдут в пособии поэтапный анализ всех составляющих выполнения научно-квалификационной работы — от формулировки темы до речевого поведения на защите. Отметим в связи с этим, что поскольку автор не только доктор наук (т. е. человек, сам защищавшийся неоднократно), но и научный руководитель, ученый, в течение многих лет выступавший экспертом в качестве члена диссертационных советов, работавший главным редактором научного журнала, постольку его опыт в сфере подготовки и прохождения научных работ можно оценить как весомый. Пособие содержит четкие, обоснованные, дополненные детальным разбором типичных ошибок рекомендации, во-первых, по выполнению ключевых логических операций научно-квалификационной работы: определение терминов (включая критерии выбора понятий, требующих определения в рамках исследования), классификация (с оговоркой относительно «агрессивного классификаторства» как способа искусственно поднять уровень научности), вопрос (со специальным исследованием проблемы как особого вида вопроса и описанием цикла развития проблемы — важнейший для характеристики научного исследования ракурс рассмотрения), ответ (со столь же точным критерием релевантности), выдвижение гипотезы (здесь целый ряд требований, и они являются, по существу, прикладной интерпретацией критериев научности, что определяет их важность) и, конечно, аргументация — традиционная кульминация логического анализа, для которой описан спектр возможных способов и граничных условий правильности (а по ходу дается еще ряд пояснений, например, о функциях официального оппонента, которые явно не будут лишними для соискателя).

К тому же, специально выделен раздел «Логическая система диссертации», посвященный определению и формулировке основных характеристик научно-квалификационной работы. Это актуальность темы исследования; степень разработанности проблемы; цель и задачи исследования; его объект и предмет; методология; положения, которые выносятся на защиту; научная новизна; теоретическая и практическая значимость работы; оценка достоверности полученных результатов и др. В полном объеме все перечисленные признаки указываются в диссертации и автореферате, но и «малые формы» многих из них требуют отражения, — например, статья, особенно в формате

IMRAD. В диссертации это очень ответственная и «логоемкая» часть, и с ней возникают сложности даже при оформлении содержательно состоявшихся исследований: необходимо корректно разграничить эти определители, сформулировать их в соответствующей форме (например, положения, выносимые на защиту, должны быть законченными суждениями, истинность которых может быть оценена) и еще выдержать параллели — так, принято, чтобы каждая задача получила отображение в результатах исследования и положениях, выносимых на защиту.

Как именно это сделать — довольно трудная задача для человека, завершающего свою первую серьезную научно-квалификационную работу. Тем более ценной представляется реализованная в пособии установка на практическую логику: по каждому пункту и данного, и соседних разделов теоретическое описание логической операции выводится на уровень алгоритма ее выполнения, который при этом не только объясняется, но и убедительно обосновывается: мы понимаем, как это следует формулировать и почему именно так. Методологические установки раскрываются через подборку примеров удачных и неудачных решений и кристаллизуются в практических правилах, многие из которых так и хочется разместить в виде лозунгов в аспирантской. Тезисы диссертации должны нести информацию непосредственно об объекте (предмете) диссертации, а не о ней самой [5, с. 181]).

Отдельно хочется сказать об авторских примерах: коллекция их обширна и разнообразна. Ввиду профиля адъюнктской (аспирантской) аудитории профессора Г. Ч. Синченко в книге преобладают примеры из юридических наук (так что для начинающих научную работу в этой сфере пособие будет полезным непосредственно, и нельзя не согласиться с тем, что в юридических дисциплинах существуют и продолжают нарабатываться свои каноны выполнения квалификационных процедур [8]), довольно много философского поясняющего материала, но в целом многообразие входящих в информационно-аналитическое поле пособия научных дисциплин достаточно широко, вплоть до физики и физиологии, что делает очевидной универсальность предложенных правил. Публикуемые в настоящее время (и уже после подготовки автором последней редакции текста) традиционные обзоры защищенных диссертаций по итогам 2024 г. демонстрируют, что затронутые в «Логике диссертации» проблемы не теряют (увы) актуальности и остаются по существу одними и теми же для самых разных областей. В фонд авторских иллюстраций легко вписывается, например, перечень типичных ошибок формулировки тем, гипотез, терминологии, методологии из

обзора по, казалось бы, весьма далекой от его основной тематики области [9, с. 227–228].

Раздел «Композиция и рубрикация диссертации и автореферата» продолжает разработку практической логики в плане общей организации текстового представления исследования, затрагивая вопросы наименования диссертации и ее разделов, способы рубрикации, содержание введения и заключения. Рекомендации здесь приобретают более вариативный характер, и некоторые из них могут стать ценными подсказками — например, о чем можно написать в заключении, когда подвести окончательный итог необходимо, а повторяться не хочется. Круг регулируемых ими проблем тоже раздвигается — в конце концов, тему диссертации мы формулируем ограниченное количество раз, а давать названия публикуемым статьям приходится постоянно. Анализ посыла, стоящего за той или иной формулировкой заглавия (темы исследования), экспликация того, какое содержание обещает такое название (возможно, вопреки намерениям исследователя), рекомендации, как можно принципиально изменить уровень его точности, добавив продуманный подзаголовок, и т. д. — одна из самых интересных частей работы, и аналогов столь систематического исследования данной проблемы лично я в текущей логико-методологической литературе не знаю. Вот эту часть я бы разместила на сайте журнала среди материалов для авторов с призывом не давать статьям заглавий типа «Проблемы...» (если речь не о действительно возникающих в каком-то социальном процессе и анализируемых в тексте проблемах), «Разработка методики...» (если вы действительно не хотите поведать миру прежде всего о том, как вы ее разрабатывали) и «К вопросу о ...» (здесь Георгий Чонгарович настолько убедителен, что читатель клянется себе навсегда завязать с этим вариантом).

Соискателю ученой степени будут полезны и приложения, касающиеся поведения на защите, — как построить вступительную речь, в каком стиле отвечать на вопросы, какие эмоциональные проявления допустимы... Но сейчас хотелось бы обратиться к другой части читательской аудитории — тем, кто уже обладает учеными степенями и для кого соискатели — «подшефные» и оцениваемые участники процесса. Итак, что нам может предложить учебное пособие, кроме возможности дать книгу в руки аспиранту и надеяться, что некоторые моменты до него все-таки дойдут, а также импульса к дополнительному совершенствованию в том, что мы, в общем, умеем делать — ведь никто из нас не идеален?

Прежде всего это выраженная в основном тексте авторская позиция относительно ряда академических традиций разной степени формальности в сфере подготовки и представления научно-квали-

фикационных работ. С очень многими положениями опытный участник процесса вступит в мысленный диалог — чаще всего, вероятно, обнаруживая совпадение высказанной точки зрения с тем, что и сам думал, но, наверное, иногда и полемизируя («монолог члена диссертационного совета» в той или иной форме произносил про себя едва ли не каждый, но, по правде говоря, рекомендовать соискателю отойти от канонов и сделать свое выступление более увлекательным следует с большой осторожностью). Назову навскидку и вразброс несколько тем, на которые лично мне захотелось откликнуться (а местами и «подписать под каждым словом»): процессуальные описания результатов исследования («Изучено...», «Рассмотрено...», «Проанализировано...», уже набившие оскомину; ангажированное отношение к диалектике (соглашусь с автором: это вполне определенная и эффективная методология, у которой есть своя сфера применения и которую не следует ни указывать в отсутствие других методов в качестве бесприоритетного варианта, ни отрицать на волне социального настроения); спорность прямого применения синергетики в социально-гуманитарном познании (вновь соглашусь: оно часто оказывается механическим, на уровне лексики, ничего не добавляющей по существу); некорректность перечисления общелогических методов (индукция, дедукция, анализ, синтез...) наряду со специально-научными (мне всегда казалось, что называть их в качестве методов, которыми выполнена диссертация, — это все равно что написать: текст записан буквами алфавита); проблематичность требования обязательно указать практическую значимость, когда речь идет о фундаментальных науках и чисто теоретических разработках, и в целом универсального и жесткого стандарта описания диссертации, без поправки хотя бы на группу наук. Возможно, кому-то окажутся ближе другие сюжеты, но, без сомнения, что-то для себя здесь заметит каждый, кто «в теме».

Еще один разряд вопросов, чуть более косвенно связанных с магистральной линией, представлен главным образом в приложениях и предисловиях, которые меняются от издания к изданию, отражая реалии времени. Они несколько выходят за рамки обсуждения логики диссертации как таковой, но характеризуют общие условия профессиональной научной деятельности — например, внедрение наукометрических показателей и развитие «хирш-индустрии», автоматизация оценки степени оригинальности текста и издержки абсолютизации последней, неожиданно обобщенная картина путей движения идей в культуре, далеко не сводящихся к заимствованию их одними авторами у других. Это, пожалуй, часть исследования, наиболее чувствительная к актуальным трансформа-

циям, поскольку упомянутые условия обновляются наиболее часто: не успели мы убедить друг друга в том, что результаты проверки в системе «Антиплагиат» являются отправной точкой для оценки, а не автоматически вынесенным приговором, как в редакции журналов и оргкомитеты конференций хлынул поток текстов, формально имеющих достаточный уровень оригинальности, но сгенерированных с использованием искусственного интеллекта. А он, как водится, генерирует что угодно, кроме новаторских идей, перемалывая и пересказывая по кругу уже наработанное; и не окажется ли человечество обреченным на вечное вращение в пусть даже обширном, но замкнутом круге информации, когда в науке на смену поколению, скачивавшему школьные сочинения из интернета, придут те, кто давал команду на их написание чат-ботам, — пока еще открытый вопрос. Именно в плане фиксации намечающихся тенденций, перспектива которых пока лежит в поле оценки «поживем — увидим», эффективной оказывается любимая автором посылка реконструкция исторической динамики: когда среди заимствователей и интеграторов Шекспир и Паскаль, процесс трансформации идей и мера в нем своего и чужого (а также грань между ними на фоне реминисценций как фундаментального формата «игры в культуру») выглядят гораздо более многопланово и объемно.

И наконец, эту книгу можно прочесть просто ради стиля, которым она написана. Ирония и самоирония, афористические формулировки и цитаты, эпиграфы ко всем разделам, огромное количество интересных фактов и исторических иллюстраций к затрагиваемым вопросам, разнообразие и информативность примеров создает ореол смысловой переклички вокруг сюжетов и между ними, буквально затягивающей читателя в тематическое пространство научного труда, даже если особо глобальных задач такого рода он на данный момент перед собой не ставит. Учебники и учебные пособия, которые еще и читаются с эстетическим удовольствием, — это редкая и, как мне кажется, лучшая часть учебной литературы. В отечественной традиции она представлена отличными разработками, но почему-то чаще всего естественнонаучными и математическими. Логика — важнейший и очень нужный сегодня инструмент, который обеспечивает качество интеллектуальной деятельности. Особенности современной культуры сделали остро востребованными средства ее распространения и внедрения в практику. Именно такой вид пособия обладает, на мой взгляд, самой высокой эффективностью в этом плане. Больше всего повезло пока соискателям ученых степеней в сфере юриспруденции — они получают логическую поддержку своего труда «под ключ», например, с разбо-

ром того, какие методы на самом деле можно указать в исследованиях по данной тематике (и заметим, что пособие ни в коей мере не подменяет логические рекомендации содержательной работой с материалом, не посягая таким образом на прерогативу научного

руководителя). Но и работающим в других областях науки пособие может оказать существенную помощь. А также, можно надеяться, заставит задуматься над вопросами, важными для формирования в качестве самостоятельного и успешного исследователя.

Список источников

1. Кэрролл Л. Логическая игра / пер. с англ. и предисл. Ю. А. Данилова. М., 1991.
2. Витгенштейн Л. Культура и ценности. О достоверности / пер. с англ. Л. Добросельского. М., 1994.
3. Никитенко З. Н. Формулирование научного аппарата диссертационного исследования как доминантный показатель методологической культуры методиста-исследователя // Преподаватель XXI века. 2023. № 2.
4. Лешкевич Т. Г. Science in the making: к вопросу о методологии эффективного выполнения диссертационных исследований // Научная мысль Кавказа. 2012. № 3.
5. Грифцова И. Н. Логика как теоретическая и практическая дисциплина: к вопросу о соотношении формальной и неформальной логики. М., 1998.
6. Синченко Г. Ч. Логика диссертации : учеб. пособие. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2025.
7. Карпова Л. М. Критическое мышление в учебном курсе аргументации // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. № 3(40).
8. Пахомов С. В. Проблемы определения объекта и предмета научного исследования с учетом предметной области криминалистической науки: на примере разработки криминалистических методик // Философия права. 2023. № 2(105).
9. Румба О. Г., Горелов А. А., Зайцев А. А., Манжелей И. В. Итоги экспертизы научных исследований в области физической культуры и спорта в 2024 г. (научные специальности 5.8.4, 5.8.5, 5.8.6) // Наука и спорт: современные тенденции. 2025. Т. 13, № 1.

УДК 130.2

doi: 10.24412/1999-625X-2025-499-447-453

5.7.8 Философская антропология, философия культуры

Культурные вызовы цифровой модернизации: власть как фактор формирования цифровой культуры

Александра Евгеньевна Таранова

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин,

кандидат социологических наук, доцент¹, ✉ taranova.bsu@yandex.ru

Мария Сергеевна Сорокопуд

старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела, кандидат философских наук¹,

✉ azarimariya@yandex.ru

¹ Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина (Белгород, Россия)

Цифровая модернизация представляет собой не просто технологический процесс, а глубокую трансформацию всех ключевых аспектов социального бытия, затрагивающую фундаментальные принципы организации власти, формы коммуникации и саму структуру культуры. Развитие цифровых технологий сопровождается коренными изменениями в механизмах социального взаимодействия: традиционные формы власти, основанные на институциональной иерархии, уступают место более сложным алгоритмически управляемым моделям контроля. В статье особое внимание уделяется анализу того, как власть формирует цифровую культуру, не только определяя рамки ее функционирования, но и влияя на саму природу человеческой субъектности. Исследование основано на концепциях русских мыслителей, чьи идеи, несмотря на временную удаленность от цифровой эпохи, сохраняют свою актуальность в условиях современной технологической реальности. Цифровая модернизация не просто меняет способы коммуникации и организации социальной жизни, но также ставит перед человечеством принципиально новые вызовы, связанные с властью, субъектностью и глубинными антропологическими последствиями технологического развития. Изучение этих вызовов сквозь призму русской философской традиции позволяет не только выявить скрытые механизмы цифровой власти, но и наметить возможные пути осмысленного взаимодействия с цифровой реальностью, где человек остается не пассивным объектом алгоритмического управления, а активным субъектом культуры.

Ключевые слова: цифровая модернизация, цифровая культура, власть, субъектность, цифровой суверенитет, алгоритмическое управление

Для цитирования: Таранова А. Е., Сорокопуд М. С. Культурные вызовы цифровой модернизации: власть как фактор формирования цифровой культуры // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 4(99). С. 447–453.

Cultural Challenges of Digital Modernization: Power as a Factor in the Formation of Digital Culture

Alexandra E. Taranova

Candidate of Science (in Sociology), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Humanities

and Social Economics disciplines¹, ✉ taranova.bsu@yandex.ru

Maria S. Sorokopud

Candidate of Science (in Philosophy), senior researcher at the Science and Research department¹, ✉ azarimariya@yandex.ru

¹ I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Belgorod, Russia)

Digital modernization is not just a technological process, but a profound transformation of all key aspects of social existence, affecting fundamental principles of the organization of power, forms of communication and the very structure of culture. The development of digital technologies is accompanied by fundamental changes in social interaction mechanisms: traditional forms of power based on institutional hierarchy are giving way to more complex algorithmically managed control models. The article focuses on analyzing how power shapes digital culture, not only defining the framework of its functioning, but also influencing the very nature of human agency. The study is based on the concepts of Russian thinkers, whose ideas, despite the temporary distance from the digital era, remain relevant in the conditions of modern technological reality. Digital modernization not only changes the ways of communication and organization of social life, but also poses to humanity fundamentally new challenges related to power, agency and deep anthropological consequences of technological development. Studying these challenges through the prism of the Russian

philosophical tradition makes it possible not only to reveal the hidden mechanisms of digital power, but also outline feasible ways of meaningful interaction with digital reality, where the human remains not a passive object of algorithmic management but an active agent of culture.

Keywords: digital modernization, digital culture, power, agency, digital sovereignty, algorithmic control

Citation: Taranova A. E., Sorokopud M. S. Cultural Challenges of Digital Modernization: Power as a Factor in the Formation of Digital Culture. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. Vol. 31, No 4(99). Pp. 447–453 (In Russ.).

Цифровая модернизация представляет собой не просто технологическое обновление общества, а глубокий культурный сдвиг, радикально трансформирующий общественные структуры, формы коммуникации и механизмы власти. В отличие от индустриальной модернизации, связанной с механизацией труда, централизацией институтов и стандартизацией социальных процессов, цифровая эпоха формирует новые модели распределенной и алгоритмически управляемой власти. Указанные модели основаны на данных, сетевых взаимодействиях и невидимых протоколах управления, встроенных в саму ткань цифровой среды. Возникает качественно иная форма управления, в которой контроль осуществляется не за счет подавления, а с помощью инфраструктуры, алгоритмов и пользовательских интерфейсов.

Современные преобразования в культуре и социальной организации носят двойственный, амбивалентный характер. С одной стороны, цифровая культура существенно расширяет горизонты как индивидуальной, так и коллективной свободы. Она обеспечивает мгновенный доступ к информации, способствует самообразованию, поддерживает развитие сетевых инициатив и альтернативных форм знания. Например, образовательные проекты, аналогичные «Арзамас» или «ПостНаука», направлены на популяризацию гуманитарного и научного знания, делая его доступным широкой аудитории. Платформы типа «Хабр» или независимые медиа на базе «Яндекс.Дзен» ранее играли роль пространств для альтернативной экспертизы и критического обмена мнениями, формируя сетевые сообщества по интересам и ценностям.

С другой стороны, цифровая среда в России (как и во всем мире) становится пространством все более изощренного и незаметного контроля. Власть здесь реализуется не в форме грубого подавления, а через архитектуру цифровых платформ, регламентацию цифровых практик и алгоритмическую фильтрацию содержания. Например, «ВКонтакте» и «Одноклассники» формируют индивидуальные новостные ленты на основе поведенческих алгоритмов, определяя, какие события становятся видимыми, а какие маргинализируются. Модерация контента в RutTube и российских Telegram-каналах подчиняется все более жестким правилам допусти-

мого, формируя культурную норму, не нуждаясь в открытой цензуре. Достаточно ограничить алгоритмическое продвижение и снизить видимость «нежелательных» материалов.

Власть становится невидимой, но тотальной и встроенной в цифровую инфраструктуру, в пользовательские соглашения, в невидимые фильтры платформ, в технологии «умного» наблюдения и распознавания образов, широко применяемые, например, в системах городского видеонаблюдения вроде «Безопасный город». Цифровая власть не требует насилия в классическом смысле и формирует поведение субъектов через управление вниманием, выбором, эмоциональной реакцией и скоростью взаимодействия. Субъект цифровой культуры все чаще оказывается втянутым в структуру, в которой свобода проявляется как возможность выбирать между заранее определенными опциями, а автономия — как иллюзия в контексте глубокой алгоритмической предсказуемости.

Описываемая амбивалентность требует не только политического, но и философского анализа: в чем состоит новизна вызова, который цифровая власть ставит перед личностью? Предположим, что новизна вызова, который цифровая власть ставит перед личностью, заключается в трансформации самой природы субъектности, от автономного и рефлексивного «Я» модерности к распределенному, взаимозависимому и алгоритмически модулируемому субъекту цифровой эпохи. Цифровая власть действует не репрессивно, а продуктивно. Она не подавляет свободу, а перенастраивает ее параметры, создавая иллюзию выбора при глубокой структурной предопределенности. Личность оказывается встроенной в систему, в которой ее действия предвосхищаются и направляются цифровыми инфраструктурами, а ее самость соотнобразуется не с внутренним голосом рациональности, а с внешним ритмом потока данных, сигналов и реакций. Вызов заключается не только в сопротивлении внешнему контролю, но и в способности распознать, каким образом сама идентичность, воля и мышление оказываются соавторами этой новой, невидимой формы власти.

Классические теории власти (от «Левиафана» Т. Гоббса до дисциплинарной машины М. Фуко) опирались на принуждение, институциональные рамки и дискурсивные практики. В цифровую эпоху власть

функционирует иначе, она встроена в код, в UX-дизайн, в системы рекомендаций. Интерфейс становится актором власти и задает границы действий, структурирует выбор, регулирует ритм восприятия. Современная власть является властью алгоритма, властью по умолчанию. Именно она определяет, что пользователь увидит, когда зайдет в социальную сеть, какие новости попадут в ленту, кого он считает другом и с кем вступит в спор.

Современные цифровые платформы можно рассматривать как продолжение рационализации М. Вебера, но с новыми средствами. Бюрократия больше не требует чиновников, ее функции берут на себя автоматизированные системы, которые обеспечивают прозрачность, эффективность и универсальность, но одновременно становятся инструментами нормализации и стандартизации поведения. Например, алгоритмы YouTube или TikTok формируют визуальные и поведенческие шаблоны, определяют критерии популярности и маргинализируют девиантные практики. Мы можем наблюдать процесс формирования новой нормативности, выражающейся в становлении так называемого «цифрового обыденного». Данный феномен представляет собой совокупность устойчивых повседневных практик, формируемых в цифровой среде и постепенно приобретающих статус нормативных. «Цифровое обыденное» не сводится лишь к технической адаптации человека к цифровым интерфейсам, а охватывает более глубокий культурно-антропологический сдвиг, в рамках которого меняются представления о реальности, коммуникации, труде, этике и социальной идентичности. В этом контексте цифровое становится неотъемлемым условием бытия личности в современности, а цифровые практики — носителями новых норм, регулирующих социальное взаимодействие.

По мнению Л. Флориды, мы живем в инфосфере — гибридной реальности, в которой физическое и цифровое неразрывно переплетены, образуя новое культурное измерение, в котором меняются не только формы коммуникации, но и само понимание бытия [1, р. 68]. Инфосфера становится не просто средой, а онтологической рамкой, в которой формируется новый облик субъекта. Если, как утверждал А. Ф. Лосев, всякая культура есть «знаковое целое», то цифровая культура производит иное знаковое измерение — она не просто оперирует символами, а генерирует знаки нового типа: данные, алгоритмы, симулякры, визуальные паттерны, лишённые глубины, но обладающие высокой степенью функциональности [2, с. 132].

Указанная знаковая революция меняет саму ткань антропологического. Личность цифровой эпо-

хи предстает не как целостное, саморефлективное «Я», а как распределенная совокупность цифровых следов, поведенческих кластеров, взаимодействующих профилей и социальных интерфейсов. Речь идет о цифровом антропологическом сдвиге, смещении от «человека мыслящего» (*homocogitans*) к «человеку отслеживаемому» (*homotracheabilis*), чья сущность определяется не внутренним актом сознания, а внешним набором измеримых характеристик и реактивных паттернов [3, р. 42].

Цифровая власть, как подчеркивают современные исследователи, — это не иерархическая структура в классическом понимании, а распределенная сеть без единого центра, в которой каждая точка может функционировать как узел наблюдения и управления. Описанная идея находит развитие в работах М. Кастельса, описывающего сетевое общество как новую форму социальной организации, в которой власть циркулирует через информационные потоки и техническую инфраструктуру [4, с. 165]. Ж. Делез в работе «Постскрипtum к обществам контроля» указывает на смещение от дисциплинарных структур к распределенным системам контроля, действующим через коды и идентификаторы [5]. А. Галуэй в книге «Протокол: как контролируют сети» подчеркивает, что контроль в цифровую эпоху осуществляется через технические стандарты и сетевые протоколы, а не через централизованное принуждение [6, р. 125]. Указанные подходы объединяет представление о власти как о «вшитой» в саму архитектуру цифровой среды (интерфейсы, алгоритмы, пользовательские соглашения), что делает ее одновременно вездесущей и незаметной. Здесь контроль осуществляется не через насилие, а через дизайн, модульность, скорость отклика, встроенные ограничения и возможности. Цифровые платформы типа Google, Facebook*, TikTok формируют новый тип «платформенного суверенитета», при котором субъект подчиняется не государственным законам, а пользовательским соглашениям, не нормативной юрисдикции, а скрытым правилам технического взаимодействия.

По мнению Т. Бернарда, цифровая идентичность неустойчива и симулятивна: она представляет собой фрагментированную, рекомбинируемую структуру, изменяющуюся под давлением алгоритмического отбора [7, с. 98]. Алгоритмы становятся своего рода культурными селекторами, фильтрующими проявления субъекта, определяющими, какие формы самопрезентации будут замечены, а какие исчезнут в безмолвии цифрового шума. Эстетика цифровых платформ (Instagram* или TikTok) формирует поведенческие паттерны, в которых визуальная «оберт-

* Продукт компании Meta, признанной экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

ка» вытесняет аутентичность, а вирусный потенциал становится мерой социальной значимости.

Следовательно, субъект цифровой эпохи — это не просто пользователь, а продукт, не только наблюдатель, но и наблюдаемый, не только выражающий, но и формируемый. В этом смысле цифровая власть — это не репрессия в классическом смысле, а архитектура культурной возможности, в которой границы дозволенного и видимого формируются не законами, а логикой вычислений, что ставит перед философией задачу переосмысления субъектности, автономии и свободы в условиях алгоритмически структурированной реальности.

Современные алгоритмические программы представляют собой не просто инструменты обработки данных, а становятся активными агентами цифровой власти. Алгоритмы социальных сетей управляют степенью вовлеченности пользователей, создавая «эхо-камеры» и способствуя формированию поляризованных сообществ, внутри которых циркулирует по предсказуемым траекториям [8, с. 122]. В результате происходит не только структурирование индивидуального сознания, но и формирование новых форм цифрового поведения, когда пользователи, сами того не осознавая, становятся участниками алгоритмически управляемых дискурсов.

Алгоритмическая власть действует на нескольких уровнях. Во-первых, она управляет вниманием, определяя, какие темы выходят на первый план, а какие остаются незамеченными. В этом смысле можно говорить о «цифровой цензуре» не как о прямом запрете, а как о перераспределении информационных потоков, при котором определенные темы просто исчезают из зоны массового восприятия [9, с. 618]. Во-вторых, она формирует экономическое поведение, управляя потребительскими предпочтениями и рекламными стратегиями. Алгоритмическое программное обеспечение маркетинговых платформ способно предсказывать желания пользователей с высокой степенью точности, создавая индивидуализированные предложения, которые не только удовлетворяют, но и во многом формируют спрос. В-третьих, алгоритмы регулируют социальные взаимодействия, управляя сетевой репутацией, рейтингами, системой цифровых идентичностей.

В цифровую эпоху власть перестает быть внешним ограничением. Она становится внутренним принципом организации цифровой культуры. М. Мамардашвили писал, что «человеческое в человеке — это его способность к нормативной форме опыта» [10, с. 504]. В цифровой среде норма определяется не этикой, а алгоритмом. Следовательно, цифровая субъектность — это не просто способность к действию, а способность к адаптации в условиях посто-

янно меняющейся нормативности. Власть, таким образом, не ограничивает, а производит субъекта.

Полицентричность власти проявляется в том, что контроль над поведением распределяется между множеством агентов (разработчиками, платформами, пользователями, алгоритмами), что приводит к феномену децентрализованной этики, и вопрос о справедливости и ответственности становится размытым. С точки зрения Л. Флориди, субъект инфосферы — это онтологическая форма, интегрированная в потоки информации [1, р. 70]. Субъект не просто действует, но и формируется через взаимодействие с цифровыми средами. Цифровой субъект представляет собой гибрид: человек — данные, пользователь — система.

Анализ феномена цифровой власти в контексте культурных вызовов цифровой модернизации требует многомерного подхода, сочетающего технологии, экономику и философию субъектности. Современная философская мысль позволяет условно структурировать это явление по трем ключевым направлениям, каждое из которых раскрывает разные аспекты функционирования власти в условиях цифровой культуры.

Первое направление связано с технологическим детерминизмом, наиболее ярко представленным в работах Ш. Зубофф. В рамках ее концепции «надзорного капитализма» утверждается, что цифровые технологии обладают самостоятельной нормативной силой, способной определять культурные формы, поведенческие модели и социальные структуры. Контроль здесь принадлежит тем, кто владеет цифровой инфраструктурой, т. е. облачными платформами, алгоритмами, базами данных. Эти акты владения трансформируются в акты господства: управление вниманием, поведением и выбором осуществляется не через насилие, а через архитектуру самих технологических систем [11, с. 198].

Второе направление — политэкономический подход, представленный, в частности, работами Н. Срничека. Цифровая власть в этом контексте мыслится как следствие консолидации платформенного капитала, при котором технологические корпорации становятся новыми центрами власти, извлекая прибыль из данных и времени пользователя. Речь идет не только о коммерциализации повседневности, но и о трансформации самой логики культурного производства. Внимание становится валютой, а алгоритмическое ранжирование — механизмом распределения культурного значения [12, с. 56]. В этом смысле цифровая культура — это уже не просто арена коммуникации, но и рынок, где алгоритмы определяют, что подлежит видимости, а что исчезает.

Третье направление — постструктуралистская критика субъектности, представленная работами

Л. Флориди, Т. Бернарда и других исследователей цифровой онтологии. В рамках этого направления субъект цифровой эпохи предстает как нестабильная, процессуальная конструкция, непрерывно формируемая в условиях перманентного кодирования, рекомбинации и сетевого отражения. Его идентичность — это не данность, а результат множественных пересечений данных, интерфейсов и алгоритмических сценариев [7, с. 62]. Цифровая власть, таким образом, не является внешней силой, она имманентна самому способу существования субъекта, встроена в его практики, желания, интерфейсы и модусы самопрезентации.

Цифровая власть проявляется как сложный, многослойный феномен, охватывающий как макро-структурные (инфраструктурные и экономические), так и микроскопические (онтологические и перцептивные) уровни. Ее философское осмысление требует не только описания новых форм власти, но и переопределения самих понятий свободы, автономии и культурной субъектности в эпоху цифровой модернизации.

Однако эти подходы не исчерпывают феномен власти в цифровую эпоху. Власть здесь представляет собой не просто механизм подавления или средство господства, а становится формой культурной организации, способом структурирования опыта, производителем идентичностей, норм и границ возможного. Это власть, которая не извне, а внутри — в том, как мы смотрим, выбираем, запоминаем, реагируем.

Другим значимым вызовом цифровой эпохи становится феномен гиперинформационного общества и связанная с ним когнитивная фрагментация. Как подчеркивает М. Мамардашвили, сознание — это не данность, а результат усилия, внутренней сосредоточенности и дисциплины. Однако в условиях цифровой среды сознание сталкивается с принципиально новой ситуацией. Постоянный информационный шум, стремление к многозадачности, непрерывные потоки уведомлений и обрывочные формы коммуникации подрывают способность к сосредоточенному мышлению и осмыслению целостного опыта.

Человек оказывается в режиме постоянного переключения внимания, в котором теряется глубина восприятия, а рефлексия уступает место фрагментированным реакциям. Особенно ярко это проявляется в социальных сетях и цифровых медиаплатформах, в которых контент организован таким образом, чтобы вызывать мгновенную эмоциональную реакцию, но не побуждать к анализу. Возникает новый тип когнитивной схемы, ассоциативный, импульсивный, прерывистый. Глубина мышления заменяется скоростью, критическое осмысление — авто-

матизмом, а устойчивость «я» — множественными цифровыми масками.

Феномен «фрагментированной идентичности» выступает в качестве одного из ключевых антропологических симптомов цифровой эпохи. Современный человек одновременно функционирует в множестве цифровых сред, каждая из которых транслирует собственный набор ролевых ожиданий, поведенческих стратегий и коммуникативных норм. При этом, в отличие от классических социологических моделей И. Гофмана и У. Томаса, где множественность ролей допускала существование интегративного начала — условного «базового Я», способного синтезировать разнообразный социальный опыт, в цифровом контексте данный центр нередко оказывается размытым [13, с. 52]. Когнитивная фрагментация становится не просто функцией социальной динамики, а фундаментальной трансформацией сознания. Если ранее культура формировала линейные, последовательные и логически связанные когнитивные модели, то сегодня мы наблюдаем прерывистое, мозаичное мышление, которое лишено глубинной структуры и больше напоминает навигацию по интерфейсу, чем по смыслу. Отсюда возникает и новая форма власти, не навязанной, а встроенной в архитектуру цифрового опыта. Можно отметить, что цифровая модернизация не столько создает принципиально новые угрозы для субъектности и автономии, сколько усиливает и ускоряет уже существующие процессы фрагментации личности, характерные для позднего модерна.

В связи с этим важно обратиться к философии мифа. А. Лосев еще в середине XX в. подчеркивал, что миф — это не архаика, а вечная форма объяснения мира. Цифровая эпоха, по сути, формирует новую мифопоэтику, в которой искусственный интеллект, цифровое бессмертие, нейроинтерфейсы становятся не просто технологическими проектами, а символами, придающими смысл человеческому существованию. В этой мифологии интерфейс заменяет метафизику, а алгоритм — волю. Современные мифы не требуют веры в традиционном смысле, они встроены в повседневные практики, что делает их особенно действенными.

Так рождается форма власти, которую можно описать в духе М. Фуко как алгоритмическую био-власть, которая не подавляет, а управляет; не запрещает, а направляет [14, с. 226]. Пользователь верит в свою автономию, не замечая, что выборы, которые он совершает, уже предопределены фильтрами, рекомендациями и архитектурой интерфейсов, поэтому цифровая культура перестает быть нейтральной платформой и становится активным актором культурного и антропологического производства.

Одним из ключевых измерений цифровой трансформации становится переосмысление будущего. Русская философская традиция (Н. Федоров, В. Соловьев, С. Булгаков) всегда придавала будущему этическое и метафизическое значение. Проект «общего дела» Н. Ф. Федорова рассматривал науку и технологию как средства преобразования мира и преодоления человеческой конечности [15]. В современных условиях трансгуманизм унаследовал этот вектор, но придал ему технократическую форму. Технологическое бессмертие, загрузка сознания, радикальное продление жизни — все это формы реализации старого метафизического проекта, лишенные его духовной составляющей.

При этом реальность цифровой модернизации далека от утопии освобождения Н. Ф. Федорова. Вместо универсального человеческого проекта мы наблюдаем фрагментацию, платформенный капитализм, превращение технологий в инструменты предиктивного контроля. Алгоритмы не просто управляют трафиком и потреблением, а формируют повседневную логику действия, сводя субъектность к функции в вычислительной системе. Цифровая бюрократия, основанная на автоматизированной оценке, профилировании и моделировании поведения, замещает традиционные формы взаимодействия и управления.

Возникает фундаментальная культурно-философская дилемма, определяющая вектор развития цифровой модернизации. Цифровые технологии обладают двойственным потенциалом. Они могут стать как инструментом освобождения, так и механизмом нового подчинения. Описываемая амбивалентность не является следствием самих технологий, а обусловлена социально-культурным контекстом их применения, уровнем философского рефлексирования и наличием (или отсутствием) этических регуляторов. В условиях алгоритмической предопределенности поведения, когда выбор субъекта формируется на основе предиктивных моделей, и при нарастающем расслоении цифрового доступа, означающем неравенство не только в возможностях, но и в самих режимах бытия в цифровом пространстве, перед нами встает вопрос: как сохранить человеческую субъектность в эпоху, когда она все чаще редуцируется до цифрового профиля?

Именно поэтому вызовы цифровой эпохи не могут быть решены исключительно техническими средствами. Они требуют становления нового типа критического мышления, способного интерпретировать алгоритм не только как вычислительный инструмент, но как форму власти, формирующую повседневные практики; видеть в интерфейсе не просто средство коммуникации, а язык, структурирующий опыт восприятия мира;

понимать программный код как носитель культурных значений и механизм институционализации норм. В этом свете цифровая модернизация должна быть понята не как нейтральный прогресс, а как глубинная трансформация культурных оснований, затрагивающая само понимание свободы, субъектности и социальной ответственности. Реакцией на данный вызов становится философская стратегия, ориентированная не на уход от технологий, а на их критическое освоение, на этико-гуманитарное сопровождение цифрового проекта, в котором будущее не диктуется машинами, а формируется через осмысленное участие человека.

Цифровая культура становится ареной напряжения между утопией и антиутопией, между возможностью нового гуманизма и угрозой цифрового постчеловека. Важно не только разрабатывать технологии, но и ставить перед собой вопрос: что делает нас людьми в мире, где границы между машинным и человеческим все более размыты? Способно ли человечество сохранить свою субъектность в условиях, когда политические решения подменяются техническими протоколами, а идентичность — поведенческими метриками?

Одним из ответов на поставленный вопрос может стать предположение, что сохранение человеческой субъектности в условиях экспансии цифровых технологий требует не просто этической настороженности, но и глубокого философского переосмысления самого основания человеческого. Когда политическое растворяется в алгоритмическом, а идентичность сводится к профилируемым паттернам поведения, субъект рискует утратить не только контроль над внешними условиями своей жизни, но и над внутренним опытом самопонимания. Однако именно в этом предельном вызове проявляется потенциал нового гуманизма не как возврат к прежним формам антропоцентризма, но как проект переоснащения субъектности, способной к критическому самоотнесению, сопротивлению автоматизму и восстановлению смысловой глубины человеческого существования. Таким образом, вопрос о сохранении субъектности — это не вопрос сохранения статус-кво, а задача формирования новой этико-экзистенциальной чувствительности в эпоху алгоритмического разума.

Именно в таких условиях философия становится не просто академической дисциплиной, а пространством культурной и экзистенциальной навигации. Русская философская традиция, с ее вниманием к духовной свободе, внутреннему усилию и смыслу человеческого существования, может предложить уникальные ориентиры в эпоху цифрового сомнения. По мнению Н. А. Бердяева, свобода является не произволом, а духовным усилием. М. Мамардаш-

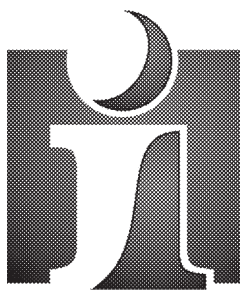
вили утверждает, что осознание себя требует работы мысли вопреки условиям. Указанные идеи остаются актуальными как никогда.

Цифровая культура представляет собой не только совокупность технологических условий, но и радикальный философский вызов, обращенный к самому основанию человеческого существования. Она ставит перед индивидом не задачу простой адаптации к новым техническим средам, а требует экзистенциаль-

ного самоопределения: быть субъектом или раствориться в функциональности, сохранять способность к мышлению или подчиниться автоматической реакции, вступать на путь становления или ограничиться стратегией приспособления. Обозначенный выбор имеет не частный, а судьбоносный характер, и он определяет не только контуры будущего цифровой цивилизации, но и переосмысляет само содержание понятия человечности в горизонте XXI в.

Список источников

1. *Floridi L.* The ethics of information. Oxford, 2013.
2. *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
3. *Pink S., Horst H., Postill J., Hjorth L. and others.* Digital Ethnography: Principles and Practic. London, 2016.
4. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М., 2000.
5. *Делез Ж.* Посткрипtum к обществам контроля. URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/gilles-deleuze-postscript-on-the-societies-of-control> (дата обращения: 12.05.2025).
6. *Alexander R. Galloway.* Protocol: How Control Exists after Decentralization. MIT Press, 2006.
7. *Лисенкова А. А.* Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве : монография. Пермь, 2021.
8. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А. Д. Ковалева. М., 2000.
9. *Яковлева Э. В.* Особенности цензуры в интернет-СМИ // Молодой ученый. 2016. № 14(118).
10. *Мамардашвили М. К.* Беседы о мышлении. М., 2015.
11. *Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма. М., 2022.
12. *Срничек Н.* Капитализм платформ / пер. с англ. под науч. ред. М. Добряковой. М., 2019.
13. *Томас У.* Ребенок в Америке: поведенческие проблемы и программы. NewYork, 1928.
14. *Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. Раздел 3 : Дисциплина. М., 1999.
15. *Федоров Н. Ф.* Собрание сочинений : в 4 т. М., 1995. Т. II.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

Журнал призван способствовать научным исследованиям и коммуникациям российских и зарубежных ученых. Целевая аудитория — научные и научно-педагогические работники. Редакция принимает к рассмотрению рукописи, соответствующие следующим научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки. Приоритетными для публикации являются:

- рукописи теоретических и прикладных статей по актуальным проблемам теории права, правовой политики, отраслевых юридических наук, а также рукописи, отражающие результаты научных разработок, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания;

- рукописи, представляющие научную аналитику развития криминогенной обстановки в России и ее регионах, зарубежных государствах;

- материалы по проблематике социальной философии, философии политики, философии права, философии культуры, философии и методологии научных исследований;

- исследования, посвященные зарубежной научно-правовой мысли;

- материалы, отражающие вехи истории права, юридической науки и образования.

Журнал придерживается этических принципов и норм, принятых в области экспертизы и издания научной литературы.

Журнал считает важной максимальную доступность и демократичность. Плата за публикации не взимается, авторские экземпляры предоставляются безвозмездно, включая расходы на рассылку, номера журнала регулярно и бесплатно рассылаются в образовательные и научные организации МВД России, ведущие научные и образовательные центры России.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все публикации начиная с 2005 г. находятся в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки (<http://elibrary.ru>). Номера журнала размещаются на платформе ООО «ИВИС», партнера и дистрибьютора компании East View Information Services, Inc., и в научной электронной библиотеке «Киберленинка».

Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнаруженные

The journal seeks to contribute to research activities and communications within Russian and international scientific community. The periodical is supposed to be required by scholars and professors. The Editorial Office considers original manuscripts without any signs of plagiarism and corresponding to the following science directions (branches of science): juridical sciences, philosophical sciences.

Priority is given to:

- manuscripts of theoretical and applied articles on the current problems in the theory of law, legal policy, juridical sciences, and those which comprise the results of research developments in the field of jurisprudence and related fields of social humanitarian knowledge;

- manuscripts comprising scientific analytics of development of criminogenic situation in Russia, its regions and abroad;

- materials on the current issues of social and political philosophy, philosophy of culture, philosophy and methodology of science research;

- researches covering foreign scientific juridical thought;

- materials on the milestones of history of law, juridical science and education.

We adhere to the ethical guidelines and rules accepted in the fields of scientific literature expertise and publishing.

Maximum accessibility and democracy are considered to be important. Publications and author's copies including their postage are free, the journal issues are regularly sent free of charge to the educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, leading national scientific and educational centers.

The journal is listed in the Russian Science Citation Index (RISC). All the journal's issues published since 2005 are available at the Scientific electronic library (<http://elibrary.ru>) and on the IVIS, Ltd platform, which is the partner and distributor of the East View Information Services, Inc. and at the scientific electronic library "Cyberleninka".

The journal is officially included on the List of peer-reviewed scientific editions where scientific results of doctoral and candidate of sciences theses are to be published.

The journal is a peer-reviewed periodical. The review estimates the importance of the paper's subject-matter, the level of scientific grounds of the theses, their novelty and significance, outlines positive as well as revealed manu

спорные или отрицательные моменты рукописи, дается рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Редакция направляет авторам рукописей копии рецензий или мотивированный отказ.

В целях ускорения прохождения рукописей в печать просим соблюдать наши требования и пожелания к оформлению рукописи и метаданных.

Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных и т. п. лежит на авторах. Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать. Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

Основной текст рукописи набирается через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman (14-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов.

Важными структурными элементами рукописи являются:

- список ключевых слов (семь-девять речевых единиц);
- аннотация.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Аннотация не должна быть перифразом заглавия статьи и включать малоинформативные формулировки.

К рукописи прилагается авторская справка.

Рукопись и сопроводительные материалы направляются в редакцию на электронном носителе (в формате Win Word или rtf) либо по электронной почте по адресу: d.rudman@list.ru. Наряду с электронной формой допустимо направление распечатки рукописи на бумажном носителе. Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, журнал «Научный вестник Омской академии МВД России». Контактный телефон: (8-3812)31-34-83 (главный редактор Рудьман Денис Сергеевич).

Представляя материал для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение его метаданных в тех информационных системах, с которыми у редакции имеются соответствующие соглашения.

Более подробная информация о журнале, его этической политике, требованиях к оформлению рукописи и метаданных, порядке рецензирования изложены на веб-сайте по адресу: <http://nv.omamvd.ru/>.

Приглашаем к сотрудничеству.

script's arguable or negative points, makes recommendations to publish (reject to publish) the article or hand it back to the author for further elaboration. The editorial board is eligible to send submitted papers for reviewing, additional reviewing or reject them. The editorial board sends the manuscripts' authors copies of the reviews or rejection with the grounds given.

The manuscript must contain up to 0.5 author's sheet (20,000 characters and spaces) including pictures, graphs and tables. Line spacing — 1,5; "Times New Roman" and font size of 14 should be used, omit manual hyphenation and double space mark. Margin requirements: left margin — 3 cm, top and bottom margins — 2 cm, right margin — 1 cm. Authors assume responsibility for the accuracy of quantitative data, citations, last names and proper names.

Critical structural elements of a manuscript are:

- annotation;
- keywords (the number should not exceed 7–9 keywords).

The aim of the abstract is to briefly and concisely present the essence of the paper. The abstract can reflect the structure of the text. The abstract should not paraphrase the title and contain statements of little information value. Keywords concisely describe the subject, problem, purpose and main provisions of the research. Keywords can be both separate words and word combinations in nominative singular (if any).

The manuscript and accompanying materials are submitted to the editorial office by e-mail to the following address: d.rudman@list.ru or on electronic device (Win Word or rtf). It is acceptable to submit the printed version of a manuscript and metadata along with the electronic version. The manuscripts can be sent to: 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, journal "Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia". Telephone: (8-3812)31-34-83 (chief editor Denis Sergeevich Rudman).

Submitting the papers already published or submitted to other journals is not allowed.

The opinion of the editorial board can differ from the authors' visions.

Submitting the paper for publishing the author agrees to locate it and metadata in the informational systems the editorial board has appropriated agreements with.

The periodical was founded and is published by the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The journal is published quarterly.

More details concerning the journal, its ethics, requirements to arrangement of manuscripts and metadata and peer review procedure can be found on website: <http://nve.omamvd.ru/>.

Welcome to cooperate!

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Противодействие правонарушающему поведению

- уточненный порядок реагирования на выявленное в ходе расследования новое преступление
- характеристика преступлений, совершаемых арбитражными управляющими

Право и государство

- принцип талиона: историко-правовые и философские аспекты
- значение Присяги при отправлении правосудия в Российской Федерации

Философский инструментарий

- возрождение биокриминологии в СССР (1970–80-е гг.)
- естественное состояние как неустранимый элемент политического

а также

- судебные производства в сфере оперативно-розыскной деятельности
- процессуальный порядок прекращения уголовного преследования по ст. 28² УПК РФ: проблемы и пути их решения
- криминалистическое образование как элемент криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершаемых мигрантами
- развитие правового регулирования иных мер процессуального принуждения в контексте защиты конституционных прав личности
- другие материалы

